STEPHANOS

СТЕФАНОС

2024

№ 3(65) || Май

#3 (65) || May

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-1-158

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец
ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны
докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская
доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)
канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
докт. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*
Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*
Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*
Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*
Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*
Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*
Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*
Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*
Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*
Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2024. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
© 2013–2024 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:

Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science, *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)*
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,* Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (North Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)*
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje (North Macedonia)*
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz (USA)*
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno (Czech Republic)*
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and Capodistrian University of Athens (Greece)*
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2024. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
© 2013–2023 Stephanos

Содержание

Статьи

Коржова И.Н. (Москва, Россия) Сентиментальный гротеск в поэзии Б.Ш. Окуджавы: к 100-летию писателя 7

Ружицкий И.В., Потемкина Е.В. (Москва, Россия) Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 1. Пролегомены 15

Рахматов Б. (Худжанд, Республика Таджикистан) Знатный торговец, или Кто такой Ходжи Сиддикходжа Худжанди – книжный торговец? 27

Фундаментальные исследования

Виноградов И.А. (Москва, Россия) «Романтик» Поприщин: История замысла повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 1 34

Материалы и сообщения

Ашрапов Б.П. (Худжанд, Республика Таджикистан) Словообразовательный потенциал и морфологические особенности суффикса -*ча* в современном таджикском литературном языке 72

Кодирова Ф.Р. (Худжанд, Республика Таджикистан) Лингвистические замечания Мухаммада Бакрона в «Джахан-наме» 77

Биссон Б.Ж. (Москва, Россия) Термин «государство» и его употребление в русском, французском и других романских языках 85

Винокурова Л.А. (Москва, Россия) Чешский научный журнал «Новая русистика» о русской литературе 90

Кочергина И.В. (Москва, Россия) Публикации Ю.И. Айхенвальда в газете «Руль» о литературе метрополии 96

Выволокина Д.Д. (Москва, Россия) Трансформация мифа в «Федре», «Антигоне» и «Подлинной истории Эсфири» Салвадора Эсприу 105

Левитина А.М. (Москва, Россия) Дом, который построил Бёлль: образ дома в романах Г. Бёлля 1950-х годов 112

Библиографии

Воропаев В.А. (Москва, Россия) Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2023 121

Громова М.М. (Москва, Россия) Миядзава Кэндзи. Библиография публикаций на русском языке. Часть 1 132

Научная жизнь

Нестер Н.В. (Полоцк, Беларусь) II Международная научная конференция «Гугнинские чтения» (3–4 мая 2024 года) 151

Родионова А.А., Нагорных В.В., Зайцева И.В. (Москва, Россия) Обзор Межвузовской молодежной научно-практической конференции «Фольклорная и литературная сказка: традиция и современность» (к 70-летию Анны Александровны Ивановой), 13–14 мая 2024 г. 154

Contents

Articles

Korzhova I.N. (Moscow,Russia) Sentimental Grotesque in the Poetry of B. Okudzhava: on the 100th Anniversary of the Writer 7

Ruzhitsky I.V., Potemkina E.V. (Moscow, Russia) Dostoevsky in the Perception of a Bearer of Another Culture: Interpretative Constants. Article 1. Prolegomena 15

Rakhmatov B. (Khujand, Republic of Tajikistan) A Knowledgeable Merchant, or Who is Hoji Siddiqkhoja Khujandi – a Book Merchant? 27

Fundamental Research

Vinogradov I.A. (Moscow, Russia) "Romantic" Poprishchin: History of the Concept of N.V. Gogol Story "Diary of a Madman". Part 1 35

Communications and Materials

Ashrapov B.P. (Khujand, Republic of Tajikistan) Word-Building Potential and Morphological Peculiarities of the Suffix ***-ča*** in Modern Tajik Literary Language 72

Kodirova F.R. (Khujand, Republic of Tajikistan) Bakron's Linguistic View on "Jahon-Name" 77

Bisson B.J. (Moscow, Russia) The Term "state" and Its Use in Russian, French and Other Romance Languages 85

Vinokurova L.A. (Moscow, Russia) Czech Scientific Magazine "Novaja Rusistika" ("Nová rusistika") about Russian Literature 90

Kochergina I.V. (Moscow, Russia) Publications by Yu.I. Aikhenvald in the Newspaper "Rul" about the Literature of the Metropolis 96

Vyvolokina D.D. (Moscow, Russia) Myth Transformation in Salvador Espriu's "Phaedra", "Antigone" and "The Story of Esther" 105

Levitina A.M. (Moscow, Russia) The House that Böll Built: the Concept of House in Heinrich Böll's 1950-s Novels 112

Bibliography

Voropaev V.A. (Moscow, Russia) Bibliography of Works by N.V. Gogol and Literature about Him in Russian. 2023 121

Gromova M.M. (Moscow, Russia) Miyazawa Kenji. Bibliography of Publications in Russian. Part 1 132

Academic Life

Nester N.V. (Polotsk, Belarus) II International Scientific Conference "Gugnin Readings" (May 3–4, 2024) 151

Rodionova A.A., Nagornykh V.V., I.V. Zajceva (Moscow, Russia) Review of Inter-University Youth Research and Practice Conference "Folk and Literary Fairy-Tale: Tradition and Modernity" (in celebration of Anna A. Ivanova's 70th birthday) held on May 13 and 14, 2024 154

Статьи

Articles

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-7-14

И.Н. Коржова (Москва, Россия)

Сентиментальный гротеск в поэзии Б.Ш. Окуджавы: к 100-летию писателя

Аннотация: В статье рассмотрены ведущие черты поэтики Б.Ш. Окуджавы, названные сентиментальным гротеском. Показано, что его образный и лексический строй основан на соединении полярных начал, из которых подробно исследуется оппозиция высокого и низкого («человек – бог», «бытовое – священное», «человек – насекомое»). Устойчивым средством создания гротескных образов, кроме столкновения разностилевых пластов лексики, становится окружение «высоких» образов бытовыми деталями, важнейшей из которых становится поношенная одежда, часто названная с помощью диминутивов. Установлены стихотворения, в которых впервые воплотились некоторые лейтмотивы поэзии Окуджавы. Делается вывод, что сентиментальный гротеск является особенностью построения образа мира в лирики Окуджавы второй половины 1950-х – 1960-х гг.

Ключевые слова: Окуджава, гротеск, сентиментальный пафос, оксюморон, парадокс, алогизм, образ богини, образ насекомых

I.N. Korzhova (Moscow,Russia)

Sentimental Grotesque in the Poetry of B. Okudzhava: on the 100th Anniversary of the Writer

Abstract: The article examines the basic features of B. Okudzhava's poetics, called sentimental grotesque. It shows that his figurative and lexical structure stems from the opposition of high and low: "man – God", "household – sacred", "insect man". A stable means of creating grotesque images, in addition to the collision of different layers of vocabulary, is the environment of "high" images with household details, the most important of which is worn clothes, often named with the help of diminutives. The poems in which some leitmotivs of Okudzhava's poetry first appeared are established. The conclusion done,that the sentimental grotesque is a feature of building an image of the world in Okudzhava lyrics of the second half of the 1950s and 1960s.

Key words: Okudzhava, grotesque, sentimental pathos, oxymoron, paradox, alogism, the image of the goddess, the image of insects

С вхождения Б.Ш. Окуджавы в литературу исследователи отсчитывают новую литературную эпоху – «возвращение лирики» [Чудакова 2007: 62]. Но этот пово-

рот произошел у самого Окуджавы не сразу. В его первой книге «Лирика» (1956) чувствуются интонации советской официальной послевоенной поэзии, будущих шестидесятников, неоромантические ноты поэтов 1920–1930-х гг. (наиболее созвучен голос М. Светлова, проникнутый ностальгией и легкой самоиронией). Неоромантическая бодрая вера не маска: образ дороги и, шире, открытого горизонта свершений сохранится в поэзии Окуджавы на десятилетия: «Полжизни промчалось в походах…» (1955), «Дорога» (1959), «Ходьба – длинноногое чудо дорог» (1959), «Письмо Антокольскому» (1963), «Дорога, слишком дорого берешь…» (1964), «Долго гордая упряжка» (1960-е) и даже «Дорожная песня» (1982) – только человек все больше обречен на дорогу, а не выбирает ее.

Ко второму сборнику Окуджавы, «Острова» (1959), оформляется его неповторимый художественный мир и интонационный строй. Проникновенный, находящий отзвук в сердцах очень многих, он имеет на самом деле сложный рецепт, включающий веру в добро, сочувствие к человеческой малости и слабости, любовное отношение к частному и бытовому, легкую грусть (мир поэта изначально светел, но вовсе не ликующе-жизнерадостен) и порой легкий скепсис, обусловленный осознанием хрупкости и конечности человека на земле. Опыт этого ощущения поэту принесла война. Граница земного существования будет все отчетливее видеться с годами, станет важной темой в поэзии 1980–1990-х. Но при всем «помрачении» мира позднего Окуджавы его готовность к пронзительной откровенности, открытая эмоциональность останется нерушимой константой. Верность ей поэт подтвердит почти перед смертью:

платите, милые, платите
без громких слов и без надрыва,
по воле страстного порыва,
ни слез, ни сердца не тая [Окуджава 2001: 516].

Логику соединения в поэзии Окуджавы разных пафосных начал раскрыли Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий: «Окуджава пошел вглубь романтической парадигмы, он вызвал к жизни ее сентиментальные истоки. Это произошло вполне органично, по логике врастания в жанр городского романса и вообще в формы “массовой культуры”» [Лейдерман, Липовецкий 2006: 136]. В сентименталистских истоках мирообраза Окуджавы уверен и Л. Дубшан: «Его <Окуджавы> появление стало самой отчетливой сентименталистской реакцией на “неоклассическую героику” сталинского государства – и в художественном смысле, и в моральном» [Дубшан 2001: 34].

К концу 1950-х вырабатываются и устойчивые черты стиля Окуджавы, которые будут находиться далее в фокусе нашего внимания. На поверку камерные, без форсирования голоса стихотворения Окуджавы созданы на смелом соединении контрастных слов и образов. А.К. Жолковскй, исследовавший поэтику барда, обращает внимание на дуальность его мира и важность различных способов медиации контрастных категорий [Жолковский 1986: 279–308]. Говоря о поэтике Окуджавы, исследователи подчеркивают предпочтение им оксюморонов. «Может быть, главное, что позволяет сблизить поэтику Окуджавы с блоковской, – это ее тотальная парадоксальность, оксюморонность» [Дубшан 2001: 51] М.Н. Липовецкий в этом видит родовую черту неоромантиков [Липовецкий 2018: 15]. Но, думается, эти контрасты часто переходят с уровня слова на уровень образов и нуждаются в другом термине, нежели оксюморон.

Художественный мир Окуджавы может быть определен как гротескный в том смысле, в котором трактовал термин В.Э. Мейерхольд после постановки «Балаганчика» Блока: «Гротеск не знает только низкого или только высокого. Гротеск мешает противоположности, сознательно создавая остроту противоречий и играя одною лишь своею своеобразностью» [Мейерхольд 1968: 168]; «Гротеск, ищущий сверхнатурального, связывает в синтезе экстракты противоположностей, создает картину феноменального, приводит зрителя к попытке отгадать загадку непостижимого» [Там же: 169]. Далее мы остановимся на образах, соединяющих высокое и низкое, а именно полюсы «человек – бог, властитель», «человек – насекомое».

Квинтэссенцией важнейших стилистических черт Окуджавы является стихотворение «Мне нужно на кого-нибудь молиться…» (1959). Гротескна на уровне образов строка «и муравей создал себе богиню» [Окуджава 2001: 183], стилистически предельно контрастны соседствующие обороты «в ноженьки валиться» и «очарованность», но куда сильней поражает способность муравья творить по примеру Бога, конечно же в его, муравья, масштабах – «по образу и духу своему». Густой бытовой фон с диминутивами не отменяет возможности соединения человеческого (отметим, уже не муравьиного) и божественного в авторском слове, в части от третьего лица: «безмолвный разговор они вели, / красивые и мудрые, как боги, / и грустные, как жители земли» [Окуджава 2001: 184]. Что же не дает планам диссонировать, а уравновешивает их? – Муравей наделен самосознанием, что позволяет вспомнить трагический образ «мыслящего тростника». И это осознание собственной хрупкости делает человека равным великим богам. Но экзистенциальные, трагические ноты здесь приглушены. Если исследователи писали о жизнеутверждающем возрожденческом, страшном романтическом [Бахтин 1990], разоблачающем реалистическом [Манн 1990] гротеске, то Окуджава изобретает свой «грустный», элегический, или сентиментальный, гротеск.

Вообще, мотив человек-бог и тем более женщина-богиня является, разумеется, сквозным у Окуджавы. Впервые он появляется даже не в «Комсомольской богине», а в стихотворении 1956 г. «Если сполна надышаться морским ароматом пряным…», где вышедшая из моря Афродита оказывается соседкой, знакомой девчонкой. Идея прозревания в земной женщине божественного, разумеется, не нова, но тут траектория противоположна. С первых же стихотворений появляется и типичный для Окуджавы способ заземления образа: почти всегда в этой функции выступает описание предметов одежды с диминутивами:

А когда распластаются длинные синие тени,
такое простое платьице ловко она оденет,
черной заколкой волосы туго стянет,
станет такой обычной, земною станет,
просто соседкой, старой знакомою просто
в будничном платьице – поношенном, ситцевом, пестром [Окуджава 2001: 115].

Ситцевое платье в мире Окуджавы становится верным знаком приобщенности женщины к простому, мирскому, домашнему и важным знаком свойскости. В ситцевое платье одета женщина в первом, пожалуй, стихотворении, где сентиментальное умиление перед миром дано неприкрыто – в «Посреднике» (1955), рассказывающем о ребенке, «маленьком <…> человечке» [Окуджава 2001: 105]. В стихотворении «…И когда под вечер над тобою…» (1959), посвященном О. Батраковой, отношениям с которой мы обязаны и «Песенкой о московском муравье», появляется образ «ситцевых женщин», к которым принадлежит возлюблен-

ная героя. Этот образ будет повторен в трагическом стихотворении «Пешеходов родословное древо» (1964), где «ситцевые женщины» прославлены как верные подруги пешеходов-обывателей, из века в век бывших разменной монетой истории и ее творцами (еще один парадокс).

Героиня «Песенки о комсомольской богине» (1958) продолжает ряд земных богинь. Она, несомненно, приходится дочерью «Рабфаковке» М. Светлова. Отметим характерные «земные» детали: богиня одета в «курточку», «маечку-футболочку», фоном «тенькает» дождик. Сам прорыв к божественному, в отличие от более поздних стихотворений, кажется, никак не объяснен. Легкие интонации городского романса сначала заставляют увидеть в таком возвеличивании восторг поклонника:

И никаких богов в помине,
лишь только дела гром кругом,
но комсомольская богиня...
Ах, это, братцы, о другом! [Окуджава 2001: 151].

Налицо невозможность не просто сказать, но и логически постичь эту связь, чему и служит аграмматизм «о другом» – апофатическое указание на смысл, недоступный и самому говорящему. Но тревожный контрапункт создают детали: «пальцы тонкие прикоснулись к кобуре», «скоро вспыхнет бой кругом» [Окуджава 2001: 150], которые напоминают о смертности богини. Это подвиг обреченности на смерть, о котором Окуджава пишет постоянно, и этот подвиг недоступен богам.

Ступенькой ниже богов находятся земные властители и их изящные приближенные. И тут количество королей, живущих по соседству, надевающих «кепчонку как корону» [Окуджава 2001: 139], и прекрасных дам, пробирающихся по узким арбатским лестницам, столь велико, что всех и не перечислить, хотя вспоминаются сразу «Король» (1957), «Только здесь все занавешено…» (1960), «Старый король» (1961), «Вот уехал король на войну. Он Москву покинул…» (1970-е). Упомянем менее известную «Балладу о донкихотах» (1959) – о бывших солдатах Гражданской. Метафора оказывается необыкновенно продуктивной, позволяя не только показать высокий романтизм солдат Революции, но и раскрыть некоторые неожиданные истоки художественного кредо поэта. Окуджава и сам оказывается Дон Кихотом, когда рассказывает, как дульцинеи (не альдонсы), не теряя величия, «из веселой крупы сочиняют супы» [Окуджава 2001: 174]. Стихотворение отсылает нас на несколько десятилетий назад, в прошлое, в котором в свою очередь оживают рыцарские времена – нам продемонстрирован механизм вечного возвращения, на котором построен интерес зрелого Окуджавы к антуражу прошлого. И, главное, в стихотворении указан высокий прецедент соединения смешного и трагического, романтического и низменного.

Не просто словесная игра, но характерное соединение умозрительного и плотского лежит в основе образа персонифицированной надежды – важнейшей мировоззренческой категории для поэта («Замок надежды») и одновременно земной женщины. Впервые она появляется в «Сентиментальном марше», где сходятся многие будущие темы поэта, и сходятся под знаком сентиментальности, сочувственно-жалостливого отношения к миру.

В стихотворении «Женщины-соседки, бросьте стирку и шитье…» образ Надежды также связан с Гражданской войной. В описании судьбы героев соединяются важные образы:

Прощайте, прощайте, наш путь предельно чист,
нас ждет веселый поезд, и два венка терновых,
и два звонка медовых, и грустный машинист –
товарищ Надежда по фамилии Чернова [Окуджава 2001: 194].

В судьбе сплетается суетное и священное, веселый поезд и терновый венец. Наиболее сложен образ машиниста. Именно дорога, стук колес символизировали в советской поэзии светлое будущее. В стихотворении эта мифологема сплетается с собственно авторской и включается в игру семантическими ассоциациями: «Грустный машинист Надежда Чернова» почти невозможное соединение веры со скепсисом, оптимизма с обреченностью. Но путь героев «предельно чист» [Окуджава 2001: 194], этот эпитет часто повторяется у Окуджавы как форма проговаривания авторской аксиологии («О, были б помыслы чисты! А остальное всё / приложится» [Окуджава 2001: 249]). Такая однозначность идеала и его эмоциональная природа также свойственны сентименталистской эстетике.

Образ Н/надежды расширяет семантику, накапливает ассоциации: «Надежда, белою рукою…», «Цирк» (где Надежда предстает «крылатым существом», обреченным на вечные падения и взлеты). Отметим, что, персонифицируясь, надежда как бы теряет связь с семантикой имени, оказывается способна на сложные чувства, противоречащие упованию: «обращение к надежде (или Надежде?) сопровождается приданием ей черт либо человеческих, либо парадоксальных: у нее есть не только заботы, но и тревоги» [Малиновский 2010: 31]. Много позже в стихотворении «Я вновь повстречался с Надеждой – приятная встреча» (1976) Окуджава соединит свою Надежду с богиней в простеньком платье, сведя две линии гротескных образов, а может, показав изначальное их родство: «Все то же на ней из поплина счастливое платье, / все так же горящ ее взор, устремленный в века…» [Окуджава 2001: 359]. Сентиментальный дискурс проявляется в теме родства и, соответственно, упования на взаимопонимание с Надеждой: «ты наша сестра, мы твои непутевые братья» [Окуджава 2001: 359]. В мире Окуджавы необходимо установить самую личную связь со всеми компонентами идеала, иначе он не будет воплощен.

Соединение бытового и божественного проявляется у поэта не только при создании образа людей. Одна из ключевых фраз его арбатского мифа – «рай, замаскированный под двор» [Окуджава 2001: 337]. Снова, как и в стихотворении об Афродите, важны не столько полюса, сколько динамика низведения, а не возвышения. Стилистически «рай» окружен словами нарочито непритязательными, небрежно-просторечными. Улица умаляется, превращаясь в «извилистый, короткий коридор / от ресторана “Прага” до Смоляги» [Окуджава 2001: 337]. Преданность родным улицам не просто заявлена прямо, но и оформлена концептуально значимым у Окуджавы эпитетом «чистый»: «Мы с ними слиты чисто и безгрешно» [Окуджава 2001: 337].

Хочется отметить еще один случай растворения святого в бытовом, который может показаться почти кощунственным к памяти погибших, если не учитывать общую поэтику Окуджавы. Речь идет о стихотворении «Джазисты» (1959), поэт сначала стремится усилить эффект чужеродности героев на войне, называя солдат «тромбонов и чечеток короли», «кларнетов принцы» [Окуджава 2001: 181] и т. д. Но абсолютно гротескной является заключительная фраза:

И все-таки под музыку Земли
их в поминанье светлое внесли,

когда на пятачке земного шара
под майский марш, торжественный такой,
отбила каблуки, танцуя, пара
за упокой их душ.
За упокой [Окуджава 2001: 181].

Перед нами описание некой поразительной «молитвы танцем» (причем всепланетный масштаб воплощен на пятачке земли, а танец исполняется под марш). Но молитва доходит, потому что она исполнена того же неистовства и самоотдачи («отбила каблуки»), которыми обладали «джазисты».

Соединение «человек – насекомое» является вторым полюсом в гротескном соприсутствии малого и большого. В стихотворении «Мне нужно на кого-нибудь молиться….» Окуджава соединил три масштаба «муравей – человек – бог» и создал пронзительнейший образ «муравейной богини». Но уже в «Московском муравье» есть только человек-муравей и город. Отметим, что в позднем, 1993 г. четверостишье сравнение с муравьем приобретает абсолютно уничижительный смысл:

Что нужно муравью, когда он голоден?
Две жирных тли. Паси, дурак, паси...
Не перечесть счастливых в нашем городе –
их много так, что Боже упаси! [Окуджава 2001: 509].

В творчестве Окуджавы специально исследован образ поэтов-кузнечиков [Бойко 1998; Ильина 2006; Александрова 2021], вырастающий из шутки М.В. Ломоносова и анакреонтических переводов Г.Р. Державина, выделен даже «комариный текст» [Шпилевая, Толчева, Скобелев 2020]. Кузнечики населяют мир в стихотворениях «О кузнечиках» (1961), «В детстве мне встретился как-то кузнечик…» (1964) (почти аллегории, где кузнечикам-идеалистам противопоставлен скептик сверчок), «Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик?» (1985), поэме «Полдень в деревне» (1982). Но довольно быстро «кузнечик» становится перифразом звания поэта, стихи читаются как аллегория, и двуплановость уходит.

Микромир представлен и другими обитателями. «Шмель в Массачусетсе» (1991) – одно из поздних стихотворений поэта, сохраняющих мягкую, любовную интонацию 1950–1960-х. За рубежом поэт приветствует московского шмеля. Его принадлежность к скромным избранникам Окуджавы снова распознается по одежке: «А свой пиджачишко посконный / для пущего форса надел. / А свой локоточек протертый / под крылышко спрятал слегка…» [Окуджава 2001: 495]. Очевидна параллель шмеля с самим героем, но словесный гротеск лежит в иной плоскости, реализуется через иное сравнение: «И вновь загудел над травою / шаляпинский чистый басок» [Окуджава 2001: 495]. Сама словесная аномалия ласкового уменьшительного «басок» напоминает об испытанных приемах Окуджавы, это стихотворение выглядит своеобразным отголоском прошлого, возвращением к поэтике сентиментального гротеска.

Начиная с 1970-х гг. полюса художественного мира Окуджавы, благостно слитые вначале, начнут расходиться. Сентиментальность соединится не столько с гротеском, сколько с алогизмом. Полюса разойдутся, и для того, чтобы их свести, нужно будет прилагать все больше усилий:

И всё неподатливей струны,
и с каждой минутой трудней
увидеть в усмешке фортуны
улыбку надежды своей [Окуджава 2001: 353].

Это сетование проливает свет и на прежний метод поэта, умевшего проникать за видимость, и на изменение писательской и человеческой оптики позднего Окуджавы.

В позднем творчестве гротеск обретет трагические черты. «Мимо кладбища едет купец молодой…» (1991) – почти притча, где этическая сфера героя конструируется из обрывков поговорок и избитых поэтизмов. Но молодость уже столкнулась со смертью, хотя не осознала ее. Теперь образные контрасты начинают подтачивать образ мира, сентиментальное просветление сменяется сарказмом:

И плывут мимо брички кресты да кресты,
как природы живой украшения [Окуджава 2001: 490].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова М.А.* Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке». М., 2021. 592 с.

2. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 541, [2] с.: ил.

3. *Бойко С.С.* О кузнечиках // Вопросы литературы. 1998. № 2. С. 343–348.

4. *Дубшан Л.* О природе вещей // Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб., 2001. С. 5–55.

5. *Жолковский А.К.* «Рай, замаскированный под двор». Заметки о поэтическом мире Булата Окуджавы // Жолковский А., Щеглов Ю. Мир автора и структура текста. Tenafly, 1986. С. 279–308.

6. *Ильинская Н.И.* Анакреонтический мотив цикады / кузнечика в поэзии Булата Окуджавы // Русская литература: Исследования: сб. науч. тр. Вып. 16. Киев, 2006. С. 4–12.

7. *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990: В 2 т. Т. 1: 1953–1968. М., 2006. 416 с.

8. *Липовецкий М.Н.* Неоромантизм в русской поэзии XX–XXI веков: смысл и границы понятия // Филологический класс. 2018. № 1. С. 13–18.

9. *Малиновский А.А.* Надежда как имя собственное и нарицательное в поэзии Булата Окуджавы // Русский язык в школе. 2010. № 4. С. 30–34.

10. *Манн Ю.В.* О гротеске в литературе. М., 2024. 145 с.

11. *Мейерхольд В.Э.* Статьи. Письма. Речи. Беседы. В 2. т. Ч. 1: 1891–1917. М., 1968. 350 с., 15 л. ил.

12. *Окуджава Б.Ш.* Стихотворения. СПб., 2001. 710, [1] с.

13. *Чудакова М.* Новые работы: 2003–2006. М., 2007. 557, [2] с.

14. *Шпилевая Г.А., Толчева Е.А., Скобелев Д.А.* «Комариный текст» в стихотворении Булата Окуджавы «автопародия на несуществующие стихи» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 79–82.

REFERENCES

1. Aleksandrova M.A. (2021) The Work of Bulat Okudzhava and the Myth of the “Golden Age”. Moskow. Flinta Publ. 592 p. (In Russ.)

2. Bahtin M.M. (1990)Creativity of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 543 p. (In Russ.)

3. Bojko S.S. About Grasshoppers. *Voprosy Literatury.* 1998. No 2, pp. 343–348. (In Russ.)

4. Dubshan L. On the Nature of Things. In: Okudzhava B.Sh. Poems. St. Petersburg. Akademichesky Proekt Publ. 2001, pp. 5–55. (In Russ.)

5. Zholkovskij A.K. “Paradise disguised as a courtyard”: Notes on the Poetic World of Bulat Okudzhava. In: Zholkovskij A., Shheglov Ju. The Author’s World and the Structure of the Text. Tenafly. Jermitazh Publ. 1986, pp. 279–308. (In Russ.)

6. Ilyinskaya N.I. Anacreontic Motif of the Cicada / Grasshopper in the Poetry of Bulat Okudzhava. In: Russian Literature: The Studies: collection of scientific works. Issue 16. Kiev. Logos Publ. 2006, pp. 4–12. (In Russ.)

7. Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. (2006) Twentieth-Century Russian Literature: 1950s–1990s: In 2 vols. Vol. 2. 1953–1968. Moscow. Academia Publ. 416 p. (In Russ.)

8. Lipoveckij M.N. Neo-romanticism in Russian Poetry of the 20th–21st centuries: The Meaning and Boundaries of the Concept. *Filologichesky Klass*. 2018. No 1, pp. 13–18. (In Russ.)

9. Malinovskij A.A. Nadezhda as a Proper Name and a Common Noun in the Poetry of Bulat Okudzhava. *Russky Yazyk v Shkole*. 2010. No 4, pp. 30–34. (In Russ.)

10. Mann JuV. (2024) On the Grotesque in Literature. Moscow. Jurajt Publ. 145 p. (In Russ.)

11. Meyerhold V.E. (1968) Articles. Letters. Speeches. Conversations: In 2 vols. Ch. 1: 1891–1917. Moscow. Iskusstvo Publ. 350 p. (In Russ.)

12. Okudzhava B.Sh. Stihotvorenija [Poems]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2001, 712 p. (In Russ.)

13. Chudakova M. (2007) New Works: 2003–2006. Moscow. Vremya Publ. 557 p. (In Russ.)

14. Shpilevaja G.A., Tolcheva E.A., Skobelev D.A. “Mosquito text” by Bulat Okudzhava in a Poem “Autoparody of Non-existent Poems”. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* 2020. No 2, pp. 79–82. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Инесса Николаевна Коржова,	Inessa Korzhova,
доктор филол. наук	Doctor of Philology
доцент	Associate Professor
кафедра отечественной и зарубежной литературы	Department of Domestic and Foreign Literature
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»	Moscow University for Industry and Finance “Synergy”

clean24@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-15-26

И.В. Ружицкий, Е.В. Потемкина (Москва, Россия)

Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 1. Пролегомены

Аннотация: В статье делается попытка систематизации материала, связанного с рецепцией произведений Ф.М. Достоевского инофонами, рассматриваются реинтерпретации, вторичные тексты различного типа, посвященные творчеству писателя, – филологические исследования, художественные фильмы, телесериалы, театральные постановки, комиксы, компьютерные игры, учебники русского языка для иностранцев, результаты пилотных опросов и др. Даются теоретические обоснования проблемы понимания и восприятия художественного текста носителем иной культуры, ключевыми понятиями служат «презумпция неполного понимания» и «презумпция негативной оценки». С целью обобщения довольно обширного материала вводится термин «интерпретационная константа». Интерпретационные константы – это выраженные в сжатой форме генерализованные высказывания типа «Изучение человека – главная тема творчества Достоевского»; «Богоискательство – основная тема его творчества»; «Главной силой зла у Достоевского выступает женщина»; «Любил смерть, страдание больше, чем жизнь»; «Страдание в русском мире объединяет людей»; «Все поступки героев обусловлены либидо» и т. п. В общем виде обозначена методика выявления интерпретационных констант и их интерпретации. Интерпретационные константы обладают прогнозирующей силой, их классификация позволяет определить возможные тенденции развития достоевистики – как зарубежной, так и отечественной. Предполагается, что конкретизация представленных в публикации положений будет осуществлена в последующих статьях соответствующего цикла.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, носитель иной культуры, Достоевский, презумпция неполного понимания, презумпция негативной оценки, интерпретационная константа

I.V. Ruzhitsky, E.V. Potemkina (Moscow, Russia)

Dostoevsky in the Perception of a Bearer of Another Culture: Interpretative Constants. Article 1. Prolegomena

Abstract: The article attempts to systematize the material related to the reception of Fedor M. Dostoevsky's works by foreign speakers, examines reinterpretations, secondary texts of various types devoted to the writer's creative works – philological studies, feature films, TV series, theatrical productions, comics, computer games, textbooks of the Russian

language for foreigners, the results of pilot surveys, etc. Theoretical substantiations of the problem of understanding and perception of a literary text by a bearer of a different culture are given, the key concepts of which are “the presumption of incomplete understanding” and “the presumption of a negative assessment”. In order to generalize the material the term “interpretative constant” is introduced. Interpretative constants are generalized statements expressed in a concise form such as “The study of a man is the main theme of Dostoevsky’s works”; “God-seeking is the main theme of his works”; “The main force of evil is a woman”; “He loved death, suffering more than life”; “Suffering in the Russian world unites people”; “All the actions of the heroes are conditioned by libido”, etc. Generally, the method of identifying the interpretative constants and their interpretation is indicated. Interpretative constants have the predictive effect, their classification allows us to determine possible trends in the development of Dostoevistics, both foreign and domestic. It is assumed that the specification of the material presented in the publication will be carried out in the subsequent articles of the cycle.

Key words: intercultural interaction, bearer of another culture, Dostoevsky, presumption of incomplete understanding, presumption of negative assessment, interpretative constant

Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство.

А.С. Пушкин

Самый умный немец, когда начнет говорить о России, непременно окажется глупцом.

Ф.И. Тютчев

Это недоумение Европы насчет России усиливается до болезни, а между тем ничего не разрешается: «Кто же и что же это, наконец, такое, и когда мы это, наконец, узнаем? Кто они, эти русские? Азияты, татары? хорошо, кабы так, по крайней мере, дело стало бы ясно; но нет; то-то и есть, что нет, то-то и есть, что про себя мы должны сознаться, что нет. <...>»

Ф.М. Достоевский

Тема восприятия творчества Достоевского, в том числе инофонами, – одна из самых популярных в достоевистике, популярнее разве что «Достоевский и кто-то (Пушкин, Толстой, Тургенев, Шопенгауэр, Ницше, Сведенборг... и даже Высоцкий)», т. е. какие-то исследования сравнительно-сопоставительного характера, в том числе в русле теории интертекстуальности, ставящие своей целью поиски аллюзий, параллелей, заимствований и др. Сверхпопулярность таких научных направлений, при всей их несомненной важности, часто ведет в никуда, происходит бесконечное производство и воспроизводство вторичных текстов: Текст_1 (Достоевский) → Текст_2 (критическая работа о Достоевском) → Текст_3 (работа о критической работе) и т. п. Диссертации, монографии, статьи, посвященные творчеству Достоевского, по объему уже в десятки тысяч раз превышают то, что было создано самим писателем. А еще мемуары и отзывы о Достоевском его современников, труды, направленные на изучение переводов текстов писателя на другие языки, исследования об особенностях рецепции Достоевского, отражен-

ных в различных реинтерпретациях Достоевского, – в фильмах, театральных постановках, комиксах, реплики известных зарубежных писателей, ученых (далеко не только филологов), политиков, религиозных деятелей, рядовых читателей и т. д. Создано и продолжает создаваться огромное количество вторичных текстов, в результате образуется информационный шум, энтропия – «стремление к беспорядку, к саморазрушению», – явление для любой гуманитарной (и не только) науки, в общем-то, вполне типичное, если не естественное. Как одно из последствий – периодически возникающее, особенно в последнее, «рациональное» время, пустословие относительно необходимости преподавания литературы в школе, особенно чтения произведений русской классики, в первую очередь, кстати сказать, Достоевского. Деятельность «экспериментаторов», предлагающих исключить из школьного образования классиков, в настоящей статье не обсуждается, это момент весьма и весьма спорный, например против включения «Слова о полку Игореве» в «Читальник» выступал и сам Достоевский: «Да чем может быть занимательно “Слово о полку Игореве” *теперь* народу? Ведь оно занимательно для одних ученых и, положим, для поэтов; но и на поэтов-то наиболее действует древняя форма поэмы» [Достоевский 1979: 40].

Тем не менее не может не возникнуть вопрос – а чем может быть полезен данный материал, устремляющийся куда-то в бесконечность? О восприятии Достоевского в иностранной критике сказано очень много, так много, что это стало отдельным направлением достоевистики. Смысл, целесообразность такого рода исследований, а также различных научных форумов, симпозиумов, конференций, организуемых чаще всего для отчета, для «галочки», представляется весьма туманным, если не сомнительным. По крайней мере до тех пор, пока не будут обозначены какие-то их векторы, обозначены и систематизированы.

Само название настоящей статьи вызывает некоторые сомнения: «А что, разве иностранный читатель понимает (точнее – не понимает) у Достоевского или у других русских писателей, в том числе и современных, не так, как русский читатель?» Если рассматривать обозначенный выше вопрос по оценочной шкале, то и русский, и иностранный читатель скажет «люблю / не люблю»: люблю, к примеру, идеи, мысли, сюжет; или: Достоевского просто надо знать, потому что – классика, символ России, русской культуры, модно... А не люблю потому, что слишком много страдают, большое число убийств и самоубийств, очень сложный язык и т. д. Мнение относительно сложности языка Достоевского далеко не однозначное, с уверенностью можем сказать, что иностранцы, владеющие русским языком на уровне B2 и выше, с бóльшим трудом читают и понимают, скажем, «Капитанскую дочку», чем такого же объема отрывок из «Преступления и наказания».

Н.А. Рубакин, основатель библиопсихологии, писал о трех возможностях непонимания текста, которые назвал «законом Гумбольдта-Потебни» – по имени ученых, впервые высказавших идею о том, что понимание зависит от расы, момента и окружающей среды (по сути, Н.А. Рубакин развивает закон И. Тэна) (см. [Рубакин 1977]). О схожих причинах возникновения непонимания текста говорил и А.Ф. Лосев: «Одно и то же предметное содержание слова разные народы понимают по-разному, в среде народа по-разному понимают разные индивидуумы, в среде индивидуума понимание разнится по разным временным моментам и условиям» [Лосев 2009: 108, 121]. То есть две возможности непонимания, или искаженного, дефектного понимания, или неполного понимания носят субъективный характер, заключающийся в том, что человек меняется, даже в течение одно-

го дня, отсюда может измениться и характер восприятия им какого-либо текста, не только художественного, и что все люди отличаются друг от друга, вследствие чего одинаково понимать что-либо они не могут. Причиной третьей возможности непонимания является то, что люди (например, автор и читатель) могут принадлежать к различному культурному пространству, причем не только национально-культурному. Существование различных научных направлений (например, применительно к достоевистике, – литературно-критические школы Германии, Франции, Великобритании, США, Японии и др.) тоже, несомненно, обусловит различие в интерпретации того или иного текста. Таким образом, то, в какое культурное пространство включается инокультурный текст, во многом повлияет и на понимание этого текста. Так, в книге японского автора Накамуры Кэнноскэ мы находим повторяющиеся ссылки типа:

> Японские читатели знакомы со сказкой «Мышиные лепешки», в которой рассказывается о мышах и их подземном мире. И такие рассказы могут показаться им забавными. Но вот рассказ, в котором покойники разговаривают в гробах [«Бобок»], или же повествование о том, как автор беседует с покойником, причем это не «дух» или «привидение», а полуистлевший труп, вызовет у японца только чувство омерзения [Накамура 2011: 154].

Рис. 1. Орландо Блум читает Достоевского (кадр из к/ф «Нью-Йорк, я люблю тебя»)

Однако японского читателя очень сильно привлекает тема самоубийства в творчестве Достоевского, а также сосредоточенность писателя на внутреннем мире человека. Садаеси Игэта заметил: «Японские читатели и писатели повторяют диалоги с Достоевским, размышляя о самом себе или о нашем обществе» (цит. по: [Чанцев: URL]. Важно то, в какое культурное пространство и в какое ассоциативное поле «попадает» инокультурный текст, т. е. какие ассоциации, обусловленные особенностями национальной культуры и другими факторами, он пробуждает у читателя.

Приведем дополнительные примеры включения Накамурой Кэнноскэ текста Достоевского в «родное» культурное пространство:

> Чувство вины приводит к желанию избавиться от него. Как явствует из многих произведений (начиная с рассказа «Ночь в поезде на Млечном Пути») японского поэта и прозаика Миядзава Кэндзи (1896–1933), его, как и Достоевского, мучило врожденное чувство вины. Он желал быть приниженным, хотел, чтобы его называли болваном – чтобы уничтожить это чувство вины. Но Миядзава Кэндзи все-таки отличался основательностью, он не терял чистого стремления к самосовершенству и способности трезво оценивать свои поступки. Чувство юмора и забавного у него отсутствовало. Он желал жить ради других, но он твердо осознавал свои и чужие интересы, и осознавал свою отдельность. Он был готов и к действию, ибо считал, что одних идеалов недостаточно для того, чтобы называться настоящим человеком [там же: 194]; Как показывают аналогичные дела [имеется в виду «нечаевское дело»] (в том числе дела группы «Объединенная красная армия» в Японии), в них бывают задействованы люди преувеличенно цельные и энергичные, там не находится места для людей, вяло сочувствующих делу [там же: 248]; В «Преступлении и наказании» Лизавета предсказывает судьбу Раскольникова. В «Бесах» такую же роль по отношению к молодым героям романа играет Мария Лебядкина. Юродивая Мария, так же, как и Лизавета, – продукт глубоко укорененных народных верований. Их можно сопоставить с японскими шаманками-прорицательницами (*мико*); Оборот «мать сыра земля» – как обращение к божественным силам – был в то время вполне распространенным. Отец Николай Касаткин, проповедник

православия в Японии и основатель Воскресенского собора в районе Канда в Токио, в своем дневнике (1 января 1872), жалуясь на свое одиночество, восклицал: «Для чего ты не приняла меня, мать сыра земля?» [там же: 266]

Все сказанное выше, безусловно, не исключает вероятности существования общего восприятия, его инварианта.

При «встрече» двух культур возможны следующие случаи: 1) культуры имеют между собой нечто общее, 2) культуры чем-то похожи, но в этом сходстве есть определенные различия, 3) представления, взгляды, видение мира носителей разных национальных культур полностью противоположны. Названные три возможности межкультурного взаимодействия мы обозначаем как область контакта, полной интерференции («Это то же самое, что и у нас»); зона неполной интерференции («Похоже, но не совсем так»); зона конфликта («У вас всё совсем иначе, я в этой стране никогда не смогу жить») [Ружицкий 2008: 5]. Соответственно, существуют следующие стимулы к знакомству с другой культурой: «Мне интересно, потому что очень похоже на то, что есть в моей родной стране»; «Да, мы похожи, но все-таки мы разные, что-то нас различает, и это интересно»; «Здесь всё совсем не так, как у нас, вот почему интересно» (см. [там же: 5–6]). Кроме того, при межкультурном взаимодействии существуют две разнонаправленные тенденции – первая заключается в стремлении к знакомству с другой культурой, в желании понять ее и через такое знакомство осмыслить родную культуру. Несмотря на все межкультурные различия такое понимание возможно прежде всего благодаря существованию общечеловеческих этических ценностей (см., например, [Швейцер 1973]). Суть другой, противоположной тенденции состоит в возможности существования двух презумпций (от лат. praesumptio – ‘предположение’, т. е. то, что изначально считается истинным, пока не будет доказано обратное): презумпции неполного понимания и презумпции негативной оценки. Презумпция неполного понимания заключается в том, что к другой культуре мы всегда подходим, уже гипотетически предполагая, что в ней что-то окажется для нас непонятным. Презумпция негативной оценки означает, что человек всегда, сознательно или неосознанно, так или иначе настороженно или даже враждебно относится к другой культуре: «Инонациональный наблюдатель, носитель других культурных традиций всегда склонен смотреть на чужую культуру, язык, национальные особенности с позиций превосходства, и поэтому одну и ту же черту психического склада, свойственную и своему и чужому этносу, он может расценивать по-разному» [Караулов 2004: 41]. Презумпция негативной оценки – это изначальное представление о том, что носитель иной культуры не так жиеёт, не так любит, не так умирает и другие «не так». Именно здесь кроется одна из причин непонимания иных культурных ценностей и их неадекватной оценки [Ружицкий 2008: 8–9].

Чем может быть интересна тема восприятия Достоевского носителями иной культуры? Конечно, это позволит (может позволить) обнаружить то, чего нет в восприятии Достоевского русским читателем, – через, так сказать, взгляд со стороны, с позиций иной культуры, т. е. с позиций сложившихся в другой инокультурной среде системы представлений и ценностных ориентиров. В предисловии одной из монографий, посвященных рецепции произведений Достоевского во французской критике, мотивировка таких исследований объясняется следующим образом: «...нам важно было продемонстрировать возможности иновидения тех проблем, которые действительно решал в своем творчестве русский писатель и в отношении которых существуют те или иные формы консенсуса в российском ли-

тературоведении. “Безумие”, “Двойник”, “Деньги”, “Идиот”, “Нигилизм”, “Подполье” – все эти темы хорошо изучены, но французский флер, которым они подернуты в работах ученых Франции, интересен <...> не столько как декоративный или экзотический элемент, сколько как форма иной семантической ауры, иной семантической констелляции, в свете которой обычное, привычное, родное приобретает такой вид, что может обернуться “беспокойной чужестранностью <...>» [Достоевский во Франции 2022: 12].

Однако чаще всего, если мы, например, изучаем написанное Т. Манном о Достоевском, то познаем Манна, особенности его взглядов, но не особенности мировоззрения Достоевского. Или целью может стать показ величия Достоевского во всем мире, своего рода национальная гордость. Только мы и так, без Томаса Манна и других иностранных почитателей Достоевского знаем, что Достоевский – великий. Даже если по каким-либо причинам и не любим его.

В данной работе, первой из цикла статей, посвященных восприятию Достоевского инофонами, схематически обрисовывается общая методология исследования, а также дается общее представление о материале, на основе которого оно проводится. Хотелось бы найти какие-то обобщенные векторы, направления, в которые укладывался бы весь материал, касающийся рецепции текстов Достоевского инокультурным читателем. Это, на наш взгляд, можно сделать в результате комплексного анализа различных источников материала: критических работ, фильмов, театральных постановок, комиксов, результатов опроса инофонов и т. д. Такие векторы, архетипы (стереотипы) восприятия, должны быть сформулированы очень краткими, обычно до семи знаменательных слов, генерализованными высказываниями: «В науке и науковедении существует такое негласное мнение, что любою идею, будь то не имеющее аналогов открытие, беспрецедентное изобретение или даже просто результат нового системного обобщения ранее известных вещей, можно изложить, используя для этого всего семь слов-понятий» [Караулов 2006: 42].

Для обозначения архетипов (доминант, стереотипов, максим) восприятия предлагается использовать термин «интерпретационная константа» (далее – ИК) – изложенная в сжатом виде идея, мысль, направление исследования, оценочное суждение и т. п. относительно творчества Достоевского (или – шире – вообще касательно какого-либо инокультурного феномена). Например: *Достоевский – талантливый, но жестокий писатель*[к,ф,т]. Формулировка «жестокий талант» Н.К. Михайловского была быстро подхвачена критиками Достоевского, в том числе и западными, в основу интерпретаций которых легли такие слова-понятия, как ‘боль’, ‘страдание’, ‘садизм’ и т. п. Отсюда и проведение параллелей между Достоевским и маркизом де Садом и т. д.

Верхним индексом указан источник материала (полный перечень источников материала дается в списке использованной литературы), из которого выводится ИК: *к* – литературная критика, результаты филологических исследований, *ф* – кинематограф, художественные фильмы, *т* – театральные постановки и рецензии на спектакли, *а* – анимация, мультипликационные фильмы, *э* – ассоциативный эксперимент, опрос (иностранных читателей Достоевского, студентов, изучающих русский язык, и др.), *м* – манга, комиксы, мемы, *п* – выступление политика или религиозного деятеля, *и* – компьютерная игра, *у* – учебное пособие, *фил* – мнение философа или писателя. Логичным будет предположение о том, что чем больше количество источников материала разного типа, из которых выводится одна

константа, тем выше степень константности той или иной ИК, т. е. тем большей устойчивостью эта ИК обладает. Необходима классификация ИК, основанием которой является какое-л. понятие, концепт – ‘человек’, ‘Бог (Христос)’, ‘жизнь’ и ‘смерть’, ‘страдание (боль, болезнь)’, ‘любовь, страсть’ (либидо), ‘безумие, сумасшествие’, ‘страх’, ‘смех’, ‘Россия и русские’, ‘добро’ и ‘зло’, ‘вина’ и ‘совесть’, ‘спасение’, ‘нигилизм’ и ‘революция’, ‘деньги’ и др. Оценочные суждения – как самого Достоевского, так и какого-либо его произведения или героя – объединяются в отдельную группу ИК (оценка). Вполне естественно то, что одна ИК может относиться к нескольким группам, то же самое происходит, скажем, с единицами семантических полей и – шире – с единицей любой системы.

Приведем некоторые примеры (фамилия «Достоевский» при формулировке ИК по возможности опускается):

‘ЧЕЛОВЕК’

(1) Изучение человека – главная тема творчества Достоевского[к,ф]

(2) Человек Достоевского ощущает чувство собственной важности[к]

‘БОГ (ХРИСТОС)’

(1) Православный писатель, богоискательство – основная тема его творчества[к]

(2) В произведениях Достоевского действуют трансцендентные силы[к]

(3) Достоевский доказывает, что без Бога всё дозволено[к]

‘ДОБРО’ И ‘ЗЛО’

(1) Зло может быть позитивным и плодотворным[к]

(2) Человеком движет страсть к постижению зла (сатанодицея Ивана)[к]

(3) Главной силой зла у Достоевского выступает женщина[к]

‘СТРАДАНИЕ’ (‘БОЛЬ’, ‘БОЛЕЗНЬ’)

(1) Все герои Достоевского в той или иной степени больны[к]

(2) Любил смерть, страдание больше, чем жизнь[к]

(3) Достоевский изображает бедных и слабых[к,у]

(4) Для Достоевского важна тема насилия[к]

(5) Достоевский – душа женщины в оболочке русского мужика[к]

(6) Страдание в русском мире объединяет людей[к]

(7) Болезнь Достоевского – ключ к его творчеству[к]

‘СУМАСШЕСТВИЕ, БЕЗУМИЕ’

(1) Страдал психическими расстройствами, поэтому был «особенным»[ф]

(2) Достоевский – сумасшедший[э]

‘ЛЮБОВЬ, СТРАСТЬ’ (ЛИБИДО)

(1) Все поступки героев обусловлены либидо[к]

(2) Русский Фрейд[ф]

(3) Эротизм – главный ключ к духовным тайнам Достоевского[к]

‘РОССИЯ И РУССКИЕ’

(1) Не любил никого из представителей других наций[к]

(2) Без Достоевского невозможно понять Россию и русский характер[к,ф]

‘ВИНА’ И ‘СОВЕСТЬ’

(1) Искупление – спасение себя ради других[к]

(2) Чувство виновности человека – самое положительное из всех переживаний[к]

‘НИГИЛИЗМ’ И ‘РЕВОЛЮЦИЯ’

(1) Революция – дело рук «сладострастников», «бесов»[к]

‘ПРЕСТУПЛЕНИЕ’

(1) Создал универсальный образ преступника[ф]

(2) Если вы захотите совершить убийство, прочтите «Преступление и наказание»[э]

‘ИНФЕРНАЛЬНОЕ’ И ‘ТАИНСТВЕННОЕ’

(1) Изучал инфернальное[ф]

(2) Интересовался сверхъестественным[ф]

ОЦЕНКА

(1) Талантливый, но жестокий писатель[к]

(2) Понял суть жизни, он гений[к,ф,э]

(3) Произведения Достоевского страшные[ф,э]

(4) «Преступление и наказание» – главный роман Достоевского[к,м,и,э]

(5) Роман «Преступление и наказание» известнее, чем сам Достоевский[э]

(6) Роман «Преступление и наказание» сильно влияет на жизнь[э]

(7) После прочтения «Преступления и наказания» мучают страшные сны[э]

(9) Многие китайцы представляют себя на месте героев Достоевского[э]

(9) Ставрогин пытается спастись от небытия[к]

(10) Ставрогин – «творение» Верховенского[к]

(11) «Преступление и наказание» можно рекомендовать в качестве лекарства от бессонницы[э,ф]

(12) Осилил Достоевского только потому, что это классика[э]

(13) [О романе «Идиот»] То я тебя люблю, то ненавижу, то люблю, то ненавижу – тошнит от всего этого![э]

(14) Не читал, но не люблю[э]

РАЗНОЕ

(1) Биография Достоевского нашла прямое отражение в его творчестве[к]

(2) Много написал, сидя в тюрьме[ф]

(3) Борец за справедливость, социальное равенство[ф]

(4) Писатель, который доверял языку[к]

Что может дать выделение такого рода интерпретационных констант? По меньшей мере следующее: 1) систематизация имеющегося материала, касающегося рецепции текстов Достоевского инофонами; 2) сравнение ключевых особенностей восприятия текстов Достоевского в России и в других странах; 3) прогнозирующая ценность – определение возможных тенденций развития достоевистики, если здесь вообще имеет смысл говорить о каком-либо развитии.

В статье представлены лишь общие подходы к исследованию поставленной проблемы, намечены базовые положения о возможностях систематизации материала, конкретизация этих подходов будет проведена в последующих статьях: вторая статья цикла будет посвящена интерпретационным константам, выявляемым на материале художественных фильмов, телесериалов и театральных постановок, третья – учебников русского языка для иностранцев, комиксов, мемов, компьютерных игр и экспериментальных данных, четвертая – литературно-критических работ, отзывов политиков, писателей, религиозных деятелей, высказывавших свое мнение о Достоевском.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 19. Л.: Наука, 1979. 360 с.

2. Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 / С.Л. Фокин, О.Е. Волчек, Л.А. Дмитриева, А.Н. Таганов, В. Фейбуа; под ред. С.Л. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 432 с.

3. *Зенкевич И.В.* Достоевский в учебниках русского языка для американцев // Язык и текст. 2020. Т. 7. № 1. С. 101–108.

4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 4-е изд. М.: УРСС, 2004. 261 с.

5. *Караулов Ю.Н.* Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 40–45.

6. *Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Академические проект, 2009. 300 с.

7. *Новикова Е.Г.* Ф.М. Достоевский в японских комиксах // Текст. Книга. Книгоиздание = Text. Book. Publishing: Научно-практический журнал. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2019. № 19. С. 75–94.

8. *Рубакин Н.Н.* Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. 264 с.

9. *Ружицкий И.В.* Презумпция негативной оценки в восприятии России и русских инокультурной языковой личностью // Русское слово в русском мире 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности / Под ред. И.В. Ружицкого, Ю.Н. Караулова, О.В. Евтушенко. М.: ЦП «Васиздаст», 2008. С. 5–21, 196–229.

10. Феномен Достоевского. Западные исследования творчества писателя. М.: Академические проект; Фонд «Мир», 2019. 720 с.

11. *Швейцер А.* Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 337 с.

ИСТОЧНИКИ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. *Арбан Д.* Состояние безумия в первых повестях Достоевского // Записки русской академической группы в США. Vol. XIV. New York: Association of Russian American scholars in the U.S.A., 1981. С. 26–43.

2. *Вогюе Э.М. де.* Современные русскіе писатели. Толстой–Тургенев–Достоевскій. М.: Изд-е В.М. Маракуева, 1887. С. 60, 72, 73.

3. *Киносита Т.* Восприятие и изучение творчества Достоевского в Японии за последние 40 лет в свете истории восприятия творчества писателя с конца XIX в. // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 20. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 194–220.

4. *Кристева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

5. *Накамура К.* Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского. СПб.: Гиперион, 2011. 400 с.

6. *Хорват Г.* Поэтика апокалипсиса в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Меланхолия сопротивления» Л. Краснахоркаи // Через «чужое» к «своему»: диалог русской и венгерской культур: монография / Под ред. М.А. Лаппо, В.В. Мароши. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. С. 147–173.

7. *Чанцев А.* Русская литература на рандеву-2: www.peremeny.ru/blog/18141 (дата обращения: 06.05.2024).

8. *Чжао Хун, Дубкова О.В.* Перевод и исследования творчества Ф.М. Достоевского в Китае в XXI веке // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 671–686.

9. *Catteau J.* La création littéraire chez Dostoïevski. Institut d'études slaves, 1978. 609 p.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ И ТЕЛЕСЕРИАЛЫ

«Иррациональный человек», 2015; «Генри и Джун», 1990; «451 градус по Фаренгейту», 2018; «Пережить желание», 1992; «Пляжный психоз», 2000; «Чужая кровь», 1984; «Предатель», 1986; «Любовь и смерть», 1975; «Иррациональный человек», 2015; «Карманник», 1959; «Соперница», 2008; «Невероятные приключения Уоллеса и Громита», 1995; «Отчаянные домохозяйки», 2005; «Матч-пойнт», 2005; «Как избежать наказания за убийство», 2014; «Воспоминания об убийстве», 2014; «Механик», 2004; «Мадам Сузацка», 1988; «Лодыри», 2015; «Механик», 2004; «Я вам не негр», 2016; «Когда ты в последний раз видел своего отца?», 2007; «Милосердие», 2009; «Братья Блум», 2008; «Честный», 2000; «Нью-Йорк, я люблю тебя», 2009.

КОМИКСЫ, МАНГА, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

1. Братья Карамазовы / Variety Art Works; пер. с яп. Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2014. 384 с

2. Преступление и наказание / Тэдзука Осаму; пер. с яп. Екатеринбург: Фабрика комиксов, 2010. 176 с.

3. Преступление и наказание: роман-комикс / Ф.М. Достоевский, адапт. Дэвид Зейн Мейровиц; пер. с англ. С. Долотовской; худ. Ален Коркос. М.: АСТ, 2014. 128 с.

4. Crime and Punishment: A Falsified Romance (罪と罰 A Falsified Romance, Tsumi to Batsu: A Falsified Romance). 2007, 2011, 2012.

5. «Sherlock Holmes: Crimes & Punishments», 2014.

6. Crime and Punishment: A graphic novel / Dostoevsky. Alain Konkos and David Mairowitz. London: Self Made Hero, 2008. 128 p.

REFERENCES

1. Dostoevsky F.M. Series of Articles on Russian Literature. In: Dostoevsky F.M. Complete Works: In 30 vols. Vol. 19. Leningrad. Nauka Publ. 1979. 360 p.

2. Dostoevsky in France: The Defense and Glorification of the Russian Genius. 1942–2021 / S.L. Fokin, O.E. Volchek, L.A. Dmitrieva, A.N. Taganov, V. Feibua; ed. by S.L. Fokin. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2022. 432 p.

3. Zenkevich I.V. Dostoevsky in Textbooks of the Russian Language for American Students. *Language and Text.* 2020. Vol. 7. No 1, pp. 101–108.

4. Karaulov Yu.N. (2004) Russian Language and Linguistic Identity. 4th ed. Moscow. URSS Publ. 261 p.

5. Karaulov Yu.N. About "Dostoevsky's Idioglossary". *World of the Russian Word*. 2006. No 4, pp. 40–45.

6. Losev A.F. (2009) The Philosophy of the Name. Moscow. Academichesky Proect. 300 p.

7. Novikova E.G. F.M. Dostoevsky in Japanese comics. In: Text. Book. Book Publishing = Text. Book. Publishing: Scientific and Practical Journal. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University, 2019. No 19, pp. 75–94.

8. Rubakin N.N. (1977) Psychology of a Reader and of a Book. Moscow. Kniga Publ. 264 p.

9. Ruzhitsky I.V. The Presumption of a Negative Assessment in the Perception of Russia and Russians by a Foreign Cultural LinguisticIdentity]. In: Russian Word in Russian World 2008: Russia and Russians in the perception of a foreign cultural linguistic identity / Ed. by I.V. Ruzhitsky, Yu.N. Karaulov, O.V. Yevtushenko. M.: Central Committee "Vasizdast", 2008. pp. 5–21, 196–229.

SOURCES

LITERARY AND CRITICAL WORKS

1. Arban D. The State of Madness in the First Stories of Dostoevsky. In: Notes of the Russian Academic Group in the USA]. Vol. XIV. New York. Association of Russian American scholars in the U.S.A. Publ. 1981, pp. 26–43.

2. Vogue E.M. de. (1887) Modern Russian Writers. Tolstoy – Turgenev – Dostoevsky. Moscow Publishing House of V.M. Marakueva. P. 60, 72, 73.

3. Kinoshita T. Perception and Study of Dostoevsky's Work in Japan over the Past 40 years in the Light of the History of Perception of the Writer's work since the end of the 19th century. In: Dostoevsky: Materials and Studies. Vol. 20. St. Petersburg. Nestor-Istoria Publ. 2013. pp. 194–220.

4. Kristeva Y. (2003) The Powers of Horror: An Essay on Aversion] / Transl. from French. St. Petersburg. Aleteya Publ. 256 p.

5. Nakamura K. (2011) Dictionary of Characters in the Works of F.M. Dostoevsky. St. Petersburg. Hyperion Publ. 400 p.

6. Horvath G. The Poetics of the Apocalypse in the Novels "Demons" by F.M. Dostoevsky and "Melancholy of Resistance" by L. Krasnakhorkai. In: Through "chuzhoe" to "svoemu": the dialogue of Russian and Hungarian cultures:A monograph] / Ed. by M.A. Lappo, V.V. Maroshi. Novosibirsk. Publishing House of the National Pedagogical University. 2023. pp. 147–173.

7. Chantsev A. Russian Literature at the Rendezvous-2: www.peremeny.ru/blog/18141 (date accessed: 05.06.2024).

8. Zhao Hong, Dubkova O.V. Translation and Studies of F.M. Dostoevsky's Creative Works in China in the 21st century. *Communication Studies*. 2021. Vol. 8. No 4. pp. 671–686.

9. Catteau J. (1978) La création littéraire chez Dostoïevski. Institut d'études slaves. 609 p.

FEATURE FILMS AND TV SERIES

"Irrational Man", 2015; "Henry & June", 1990; "Fahrenheit 451", 2018; "Surviving Desire", 1992; "Psycho Beach Party", 2000; "Le sang des autres", 1984; "The Whistle Blower", 1986; "Love and Death", 1975; "Pickpocket", 1959; "Tenure", 2008; "The Incredible Adventures of Wallace & Gromit", 1995; "Desperate Housewives", 2005; "Match Point", 2005; "How to Get Away with Murder", 2014; "Gapdongi", 2014; "The Machinist", 2004; "Madame Sousatzka", 1988; "Quitters", 2015; "I Am Not Your Negro", 2016; "And When Did You Last See Your Father?", 2007; "Mercy", 2009; "The Brothers Bloom", 2008; "Honest", 2000; "New York, I Love You" (2009).

COMICS, MANGA, COMPUTER GAMES

1. The Brothers Karamazov / Variety Art Works; Transl. from Japanese. Yekaterinburg. Comics Factory. 2014. 384 p.

2. Crime and Punishment / Tezuka Osamu; Transl. from Japanese. Yekaterinburg. Comics Factory. 2010. 176 p.

3. Crime and Punishment: A comic novel / F.M. Dostoevsky, adapt. David Zane Meyrowitz; Transl. from English by S. Dolotovskaya. Moscow. AST Publ. 2014. 128 p.

4. Crime and Punishment: A Falsified Romance (罪と罰 A Falsified Romance, Tsumi to Batsu: A Falsified Romance). 2007, 2011, 2012.

5. «Sherlock Holmes: Crimes & Punishments», 2014.

6. Crime and Punishment: A Graphic Novel / Dostoevsky. Alain Konkos and David Mairowitz. London. Self Made Hero. 2008. 128 p.

Сведения об авторах:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Igor V. Ruzhitsky,
Doctor of Philology
Associate Professor
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
RAS

konnitie@mail.ru

Потёмкина Екатерина Владимировна,
канд. пед. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Senior Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

kpisareva@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-27-32

УДК 81.821.08

Б. Рахматов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Знатный торговец, или Кто такой Ходжи Сиддикходжа Худжанди – книжный торговец?

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема издания литографированных книг в странах Востока, достигшая своего апогея ко второй половине XVIII в. Отмечается, что издание книги было введено в соответствующей сфере много веков назад, но оно не пользовалось такой популярностью, как книги, напечатанные на камне. Необходимо было для развития издательской деятельности в этой сфере привлечь к работе как можно больше людей. Одним из них стал Ходжи Сиддикходжай Худжанди, который был книготорговцем, путешествовал по различным регионам Шибхи Кары и Средней Азии, издавал книги и привозил их в Среднюю Азию. По итогам анализа в рамках исследованной темы его можно считать его одним из первых просветителей, способствовавших прогрессу и развитию образования.

Ключевые слова: книга, литография, Ходжи Сиддикходжа, история книгопечатания, тип печати, Средняя Азия

B. Rakhmatov (Khujand, Republic of Tajikistan)

A Knowledgeable Merchant, or Who is Hoji Siddiqkhoja Khujandi – a Book Merchant?

Abstract: The given article dwells on the issue lithographic books edition in Eastern countries, which reached its peak referring to the second half of the 18th century. It is noted that the edition of book was introduced in the relevant area centuries ago, but it was not as popular as books printed on stone. Therefore, it is necessary to attract many personalities' contribution into the relevant field, namely for the progress of publishing activities. One of these personalities is Hoji Siddiqkhojai Khujandi who was a book merchant as one of the first people traveled to different regions of Shibhi Kara and Central Asia and published various books and brought them to Central Asia.

Adducing the results of the analysis concerned with the theme explored we can consider him as one of the first enlighteners who actually worked for the progress and development of tuition.

Key words: book, lithography, Hoji Siddiqkhoja, the history of printing, type of printing, Central Asia.

INTRODUCTION

Khujand is proud of great and generous men who made an incomparable contribution into the history and culture of our nation. Unfortunately, one of them about whom we have less information is Hoji Siddiqkhoja Khujandi being a merchant of books who is also famous for the nickname "Sahhof" (book-binder). The data concerned with his lifestyle are not well defined in details. It is known; only that he was born referring to the second half of the 18th century and died around 1939. His main activity was printing and editing various literary, educational and religious books. Due to it, he became one of the important figures in the diffusion and reading of books in Central Asia, as he edited more than 400 books throughout his activity. His human merit lies in the spiritual connection with a great deal of the following countries cities, such as: India, Pakistan, Turkey, and Afghanistan with the Tajik-settled cities of Central Asia. Into the bargain, besides him we can mention other Khujandians who were involved in the relevant work.

First of all, we should mention Mawlavi Valimumhammad Khujandii Kandahari. Alongside with his famous compatriot he began to edit books and the following books entitled as "Ghoyat-ul-kalom fi bayon-il-haloli wa-l-harom" by Mawlavi Muhammad Abdulhalim Ansorii Lakhnavi, "Sahifai Shohi" by Husayn Voizi Koshifi were published by him. Apparently, he was one of the emigrants who lived for a long time in Kandahar, therefore "Kandahari" is added to his original name. In certain editions his name was written in the form of Mawlavi Valimuhammad briefly. Other publishers, such as Mullo Abdurrahmoni Khujandi in the edition of the book referred to as "Jome'-ul-asror" (Tashkent, 1328/1910), Mullo Sharifkhojai Khujandi in the edition of the book called as "Khairat-ul-fuqaho", Iskandarkhojai Khujandi, merchant of books in the edition of the book entitled as "Divan" by Hofiz Sherozi and Mawlavi Yunuskhoni Khujandi contributed into the edition of the book named as "Sharhi 'Kofiya'" by Abdurrahmani Jami. As well as, another publisher called Tillokhojayev Bobokhoja is mentioned in "The Encyclopedia of Khujand", so far we have less information about his life or the books edited by him [2: 734].

However, the key issue that appears in concern with lithographic books and printing-houses is whether there was a printing-house in Khujand or not? In conformity with our research which was mostly focused on lithographic books it became clear that there were no books printed in Khujand printing-house which might possess a direct reference to it on its first page. Conversely, in the book entitled as "Riyaz-un-nosehin" by Orif Navshohi the author asserts : "Publisher: Khujand (Soviet) Khoji Siddiqkhoja Khujandi" [3: 419]. As well as, from the following reference by Sheglova we get to know that there was also a stone book printing+house in Khujand: "From 1911 Demurov, Gazarov and Sliyanov printing-houses, in Samarkand and from 1904 printing-houses, in Andijon, Khujand and Namangan (Ishoqiya printing-house founded in 1909, its operating from 1910 until 1917) was launched" [5: 66].

Since, the relevant period Khujand was considered to be one of the important scientifico-cultural centers and from a political point of view it was going through a various stage in Turkestan General Governorate; the establishment of a stone book printing-house there is not far from possible. The only issue is that we haven't found any books edited in the relevant printing-house yet, or they don't exist at all. It is possible to guess that the printing-house built in Khujand was actually built or it was not assigned for publishing books, but for printing newspapers and so on. Or, may be, only bookbinding work is done in the relevant printing-house. Then, due to the limited activity of the printing-house, it probably stopped working after the revolution.

We don't have much information about Hoji Siddiqkhoja Khujandi – a merchant of books or a book-binder, and what is clear for researchers today is the information from the book entitled as "Ma'voi di" by ustod Rahim Jalil and O.P. Shcheglova's articles which are extremely brief. Since the information beset with the issue in question has an oral basis, we cannot completely accept all its points. Into the bargain, from that point of view Shcheglova's information is extremely less for researchers and cannot reflect the full picture of Hoji Siddiqhoja's life, personality and activity, therefore, we make an endeavor to consider Hoji Siddiqhoja Khujandi's personality from a different approach in the article under consideration. It is natural that the peculiarities of a person's worldview and thoughts are shown by the explorations done and these are the things that tell about his genius, on the contrary, the wisdom of his actions. As well as, it removes some doubts based on the available information regarding the researcher's identity. Hence, we searched for the features of the publisher's personality from the books published by him. This research revealed to us certain issues that have been overlooked by researchers.

For instance, it is written in "Ma'voi dil" that Hoji Siddiqhoja Khujandi traveled to Turkey with a group of traders from Kokand and Khujand in 1875 [4: 16]. The relevant sign needs an explanation. If this date indicated by Rahim Jalil is correct and his reference to going with the merchants is also accurate, then it is clear that Hoji Siddiqkhoja went to Turkey for trading. It is common knowledge that his trading activity lay in books, and on the first page of all his published books he is mentioned by the relevant title, i. e. "books merchant". Therefore, he had to go to this business and to order books from Turkish printing houses. However, according to our observations based on the dates of the columns published by him, there is a divergence. In conformity with our research, the date of the first edition of Hoji Siddiqkhoja is 1898 [collection (including the following treatises entitled as "Kofiya", "Avvali ilm", "Harakot", "Avomil", etc.] (Tashkent, 1898). That is, only after 25 years of Rahim Jalil's gesture. If we accept ustod Rahim Jalil's statements as true his had to be at least 20 years at that time.

In this case, we can guess the year of his birth around 1955. If we take this date Siddiqkhoja Sahhaf published his first book when he was 45 years-old. So, we don't know what business he had before having reached this age. It is also a logical question whether a person who has not published a book before the age of 45 could become a successful merchant of books and not be mentioned in the sources as a symbol of recognition without the title of "Books Merchant"? Especially, in the circumstances that he published books mostly in Nuwal Kishuri Lucknow printing-house, Jaloli Siddiqi Bombay, Gulzar Muhammadi Lahore (India) and Mahmudbeki Istanbul (Turkey) delivered them to the Central Asia. How could he manage to publish and distribute a large number of books under the conditions that these works were carried out by caravan on land and required a lot of time?

Also, his had cooperation with the most influential printing houses of his time. Among them, being one of the regular publishers of Nuval Kishur printing-house, Khujandi merchant displayed his hard-working and diligent personality.

Another point that can be seen from the books published by him is persistence as a trait of the personality of Khujandi merchant. The passed time demonstrates catalogues testifying to the fact that even the best publishers started publishing religious books of an ideological nature. Mostly, in the review of the beliefs of sects, their rejection of other sects was registered. These publishers, if they were of the people of Sunnah and the community published treatises "Raddi Rafiziya", "Fazli Mu'awiya" and like this, if

they were in favor of reformation, they published books in favor of ahl al-bayt, imam and Ali. On the whole, such books had many buyers and sold quickly due to the separation of Muslim sects into certain regions and their conflicting ideas. Namely, their reason and judgment is more visible from the point of view of market, and it was the relevant factor that caused the publishers to do this. In this case, among the books published by Hoji Siddiqkhoja there are no such books. This point shows that in the work beset with publishing books, first of all, the educational aspect of this work is ahead for Hoji Siddiqkhoja, but not financial benefits.

Another point is that he published certain books in cooperation with other publishers, such as Sheikh Ilohibakhsh, Muhammad Jalaluddin – book merchant, Mavlavi Isamuddin Isfaraini, Mullo Akmalkhon Mudarris and Mavlavi Yunuskhan Khujandi. This point manifests several features in the identity of the publisher in question. First of all, he was not one of the liars and deceivers, as the smart publishers of India, such as Sheikh Ilohibakhsh and Muhammad Jalaluddin – book merchants cooperated with him. It goes without saying that Sheikh Ilohibakhsh was one of the most famous calligraphers in his time, and at the launch of Nuval Kishur's publishing house he copied some books for him. Also, his name is often associated with the name of Muhammad Jalaluddin – a book merchant who was considered to be one of the most successful publishers of India as well. Among several thousands of lithographic books published by the two aforementioned publishers, who were mostly engaged in publishing in cooperation with each other (based on the catalogue of Ganjbakhsh library) it was found that except for Hoji Siddiqkhoja Khujandi – a book merchant, he did not cooperate with any other book publishers and they did not do it together. As well as, the name of Sheikh Ilohibakhsh (sometimes in the form of Mavlavi Ilohibakhsh) is mentioned more often than others in the catalogue of lithographic books of Ganjbakhsh library compiled by Orif Navshahi. In this regard, we can mention only Malikulkuttob Sherozi. Therefore, the edition of books by these and other publishers in cooperation with Hoji Siddiqkhoja Khujandi can be looked upon from one point of view. That point being Hoji Siddiqkhoja's success.

Another issue is a renewal of works published by Hoji Siddiqkhoja. Namely, his publishing work is not limited to the field of science and knowledge. He published various religious, literary, educational and other works in different regions and put them on sale in the centers of the following cities: Khujand, Samarkand, Kokand, Bukhara, Tashkent and Andijan. We can divide the books published by him into several groups, including: **educational-scientific ones:** "Sharhi 'Kofiya'" or "Favoid-uz-ziyaiya" by Abdurrahman Jami (Tashkand, 1334), "Avomil" bo "Kofiya", "Sharhi "Muizzi" by Zanjoni and several other treatises (Istanbul: Mahmudbek, 1318), "Kofiya" by Ibn Hojib (Istanbul: Mahmudbek, 1318), "Ziyo-ul-qulub" by Imodullah Faruqi (Bombay: Jalolii Siddiqi, no publication year), "Mabdai nur" (Istanbul: Mahmudbek, 1318), "Mukhtasar-ul-viqaya" (Lucknow: Nuwal Kishur, 1326), "Irshod-ut-tolibin" by Okhund Darvazi (together with the treatise "Saidiya". Bombay: Jaloli Siddiqi, 1329/1911), "Favoid-ul-boqiya alo sharhi "Aqoid-in-Nasafi" by Khayoli (Lucknow: Nuwal Kishur, 1328/1910), "Suol-us-solikin maahu javob-ut-tolibin" by Khoja Muhammad Ghaznavi (Mazori Sharif, without year), "Chahor kitob" (Peshawar: Lituhuparantang Paris, 1355/1936); **literary ones**: "Masnavii ma'navi" by Mavlono Jaloluddin Rumi (Istanbul, 1319/1901), "Varqa va gulshoh" by Aiyuqi (together with "Qissai Ahmadi Jami". Lahore, without the year of publication), "Divan" by Alisher Navoi (Tashkent: Mullo Ghulomhusain, 1319/1901), "Mantiq-ut-tair" by Attori Nishopuri (Bombay: Jaloli Siddiqi, 1331/1913), "Divan" by Mirzo Abdulqodir Bedil (Istanbul: Orif Efandi, without the year of publication), "Pand-

Name" (together with Four books. Peshawar: Lithuparantang Paris, 1355/1936), "Risolai "Mush and gurba" (collection. Lucknow: Nuwal Kishur, without the year of publication), "Divan" by Fuzuli Baghdodi (In the margin "Layli and Majnun". Istanbul: Mahmudbek, 1318), "Divan" by Hofiz Sherozi (Tashkent: Ghulomiya publishing-house, 1324/1906), "Tuti-Name" by Husain Voizi Koshifi (Compilation. Lucknow: Nuwal Kishur, without the year of publication): **religious-mystic one:** "Tafsiri surah 'Yusuf' musammo ba tafsiri nuqrakor" by Muinuddin Sohib Voiz (Lucknow: Nuwal Kishur, 1320/1902), "Riyoz-un-nosehin" by Mavlona Muhammad Jomi (Istanbul: Muhammadibek, 1317) and his "Sharhi mukhtasri viqoyai Gurimiri" (Istanbul: Muhammadibek, 1317), "Siyari Turki" by Mavlona Muin (Bombay: Jaloli Siddiqi, 1329), "Komil-ut-tabir" by Abulfazl Hubaysh ibn Ibrohimi Taflesi (Bombay: Muzaffari. 1335/1916), "Miftoh-ul-jinon va misboh-ul-imon" (Istanbul: Mahmudbek, 1321), "Sharh-ut-taarruf" by Mustamili Bukhoroi, Abuibrohim ibn Ismoil ibn Muhammad (Lucknow: Nuval Kishur, 1328–1330/1910-1912), "Daloil-ul-khairot" by Muhammad Dajuli (Bombay: Jalolii Siddiqi, 1330/1912), "Lam'at-ul-anvor fi bayon-il-avrodi va-l-azkor, al-ma'ruf bi-l-hidoyat-il-homidiya" by Muhammad Saidi Atokarimi (Lucknow: Nuwal Kishur, 1320), "Nodir-ul-me'roj" by Sheikh A'lami Akbarabadi (Lucknow: Nuwal Kishur, 1333/1915); **narrative prose ones:** "Dalla va Mukhtor" (Lucknow: Nuwal Kishur, without the year of publication), "Dostoni Amir Hamza" (Lucknow, without the year of publication), "Qissai Odilkhon maa se darvesh" (Collection. Lucknow: Nuwal Kishur, 1319/1901): **lexicographic ones:** "Muntakhab-ul-lughoti Shohijahoni" by Abdurrashid Husainii Madanii Tattavi (with "Ghiyos-ul-lughot" by Ghiyosuddin Rompuri. Lucknow: Nuwal Kishur, 1330/1912).

THE RESULTS OBTAINED AND CONCLUSION

In conclusion, although the edition of stone-printed books in Oriental countries reached its summit to the second half of the 18th century, the edition of books in this area is traced back to earlier centuries. However, they were not as popular as lithographic books. As well as, it should be underscored that many personalities participated in publication and distribution of lithographic books and one of these personalities named Hoji Siddiqkhoja Khujandi was a book merchant. He is considered to be one of the first men who traveled to different provinces of Shibhi Kora and Saghir Asia, having published various books. He cooperated with the most influential publishers and printers of his time as well.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муинуддин Акил.* Таърихчаи чопи китобњои форсї дар Шибњи ќора. Тарљумаи Ориф Навшонї // Оинаи мерос (ду фаслномаи вежагии китобшиносї, наќди китоб ва иттилоъ-расонї дар њавзаи мутун). Давраи љадиди соли дањум. Замимаи шумораи 25. Тењрон, 1391. 57 с.

2. *Бобоходжаев М.* Тиллоходжаев Бобоходжа // Энциклопедия Худжанд. Душанбе, 1999. С. 734.

3. *Навшоҳї Саййид Ориф*. Фењристи китобњои форсии чопи сангї ва камёби китобхонаи Ганљбахши Маркази тањќиќоти форсии Эрону Покистони Исломобод. Ҷ. 1. Исломобод: Маркази тањќиќоти форсии Эрону Покистон, 1365. 1011 с.

4. *Ҷалил Рањим*. Маъвои дил: Повести воќеї. Китоби 2. Душанбе: Ирфон, 1982. 368 с.

5. *Шеглова О.* Таърихчаи чопи сангии форсї дар Осиёи Миёна // Чопи сангии форсї аз нигоњи шарќшиносон: маљмўаи маќолањо / Мутарҷим Шањрўз Муњоҷир. Тењрон: Пайкара, 1390. С. 65–76.

6. *Щеглова. О.П.* Роль книготорговцев в развитии литографского книгоиздания (XIX – первое десятилетие XX в.) // Письменные памятники Востока. СПб.: Наука. Восточная литература, 2012. № 2(17). С. 195–209.

REFERENCES

1. Muinuddin Akil. (1391) History of Printing of Persian Books in Shibhi Kora. Transl. by Arif Nawshahi. In: Heritage Mirror (two detailed bibliographies, book reviews and information in the text area). New period of the tenth year. Supplement to issue 25. Tehran. 57 p.

2. Bobokhodzhaev M. Tillokhodzhaev Bobokhodzha. In: Encyclopedia Khujand. Dushanbe, 1999. P. 734.

3. Navshohi Sayyid Arif. (1365) Directory of Persian Lithographs and Rare Books of the Ganjbakhsh Library of the Persian Research Center of Iran and Pakistan, Islamabad. Vol. 1. Islamabad. Persian Research Center of Iran and Pakistan Publ. 1011 p.

4. Jalil Rahim. (1982) The Meaning of the Heart: A True Story. Book 2. Dushanbe. Irfan Publ. 368 p.

5. Shcheglova O. History of Persian Lithographs in Central Asia // Persian Lithographs through the Eyes of Orientalists: collection of articles / Transl. by Shahruz Muhajir. Tehran. Paykara Publ. 1390, pp. 65–76

6. Shcheglova O.P. The Role of Booksellers in the Development of Lithographic Book Publishing (19st – first decade of the 20th century). *Written Monuments of the East*. St. Petersburg. Nauka Publ. Eastern Literature, 2012, pp. 195–209.

Сведения об авторе:

Бахром Рахматов,	Bahrom Rakhmatov,
канд. филол. наук	PhD
директор	Director
Научный центр имени Камоли Худжанди	Scientific Center named after Kamoli Khujandi

raxmatov.1987@mail.ru

Фундаментальные исследования

Fundamental Research

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-34-70

И.А. Виноградов (Москва, Россия)

«Романтик» Поприщин: История замысла повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 1

Аннотация: Статья посвящена изучению замысла одного из наиболее сложных в интерпретации произведений Н.В. Гоголя, «петербургской» повести «Записки сумасшедшего». Сочетание в дневнике сходящего с ума героя стихии безумия, комизма, романтического алогизма, авторской иронии, сатиры и высокого трагического пафоса придает этому произведению характер художественной загадки, решение которой возможно лишь с помощью последовательного комплексного подхода. Детально рассматриваются многочисленные реминисценции в произведении образов мировой литературы, современной Гоголю журналистики и художественной словесности. Обобщаются многолетние наблюдения исследователей над поэтикой гоголевской повести. Устанавливается связь «Записок сумасшедшего» с поэмой «Мертвые души» и «Размышлениями о Божественной Литургии». Подробно исследуется развернутая в повести полемика Гоголя с европейским романтизмом. Игровой «духовности» романтиков, оставляющей человека на произвол воображения и субъективных мнений, Гоголь противопоставляет подлинно духовное понимание жизни, основанное на Священном Писании и церковном предании. Статья является продолжением, на новом материале, исследовательской работы, начатой в 2022 г., – «Немецкий романтик В.Г. Вакенродер и XX век: художественное предвидение Н.В. Гоголя» (напечатано в сборнике ИМЛИ РАН «Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность»). Предпринята попытка представить целостную концепцию произведения и широкий спектр плодотворной исследовательской мысли в его истолковании. Работа состоит из пятнадцати разделов: 1. Проблемы интерпретации повести; 2. Предыстория и история создания «Записок сумасшедшего»; 3. «Душевный город» «Записок...»; 4. Праздность, взяточничество, угроза «распеканья»; 5. Диктат моды, волокитство; 6. Пренебрежение духовным возрастанием; 7. Тщеславие и возможность покаяния; 8. От «Записок сумасшедшего» к «Мертвым душам» и «Размышлениям о Божественной Литургии»; 9. Псевдокультура; 10. «Донкишотство»; 11. Сервантес и Ариосто; 12. Круг романтизма: поэзия, политика, философия, мистика; 13. «Записки сумасшедшего» и романтическое безумие; 14. Поприщин и музыка; 15. «Народное богословие». В настоящей публикации представлены одиннадцать из пятнадцати разделов. Продолжение статьи и список литературы печатаются в следующем номере журнала.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, биография, творчество, религиозно-политические взгляды, обличение, сатира, авторский замысел, интерпретации, безумие, романтизм, культурология, духовное наследие

I.A. Vinogradov (Moscow, Russia)

"Romantic" Poprishchin: History of the Concept of N.V. Gogol Story "Diary of a Madman". Part 1

Abstract: The article is devoted to the study of the hardest for interpretation N.V. Gogol's works the "St. Petersburg" story "Notes of a Madman." The diary of a hero going crazy presents the combination of the elements of madness, comedy, romantic alogism, authorial irony, satire and high tragic pathos that gives this work the character of an artistic riddle, the solution of which is possible only with the help of a consistent integrated approach. Numerous reminiscences in the work of images from world literature, contemporary journalism and artistic literature are examined in detail. The long-term observations of researchers on the poetics of Gogol's story are summarized. A connection is established between "Notes of a Madman" and the poem "Dead Souls" and "Reflections on the Divine Liturgy." Gogol's polemic with European romanticism developed in this work is explored in detail. Gogol contrasts the playful "spirituality" of the romantics, which leaves a person to the mercy of imagination and subjective opinions, with a truly spiritual understanding of life, based on the Holy Scriptures and church tradition. The article is a continuation, based on new material, of a research work begun in 2022 – "German romantic V.G. Wackenroder and the 20th century: artistic foresight N.V. Gogol" (published in the collection of the IWL RAS "Literary process in Russia in the 18th–19th centuries. Secular and spiritual literature"). An attempt has been made to present a holistic concept of the work and a wide range of fruitful research thoughts in its interpretation. The work consists of fifteen sections: 1. Problems of interpretation of the story; 2. Background and history of the creation of "Notes of a Madman"; 3. "Soulful City" "Notes..."; 4. Idleness, bribery, threat of "scolding"; 5. Diktat of fashion, red tape; 6. Neglect of spiritual growth; 7. Vanity and the possibility of repentance; 8. From "Notes of a Madman" to "Dead Souls" and "Reflections on the Divine Liturgy"; 9. Pseudoculture; 10. "Donquixoticism"; 11. Cervantes and Ariosto; 12. The circle of romanticism: poetry, politics, philosophy, mysticism; 13. "Notes of a Madman" and romantic madness; 14. Poprishchin and music; 15. "Popular theology". Eleven of the fifteen sections are presented in this publication. The continuation of the article and the list of references will be published in the next issue of the journal.

Key words: Nikolai Gogol, biography, creativity, religious and political views, exposure, satire, author's intention, emotional, madness, romanticism, cultural studies, spiritual heritage

1. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОВЕСТИ

Повесть Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» написана в жанре дневника, ежедневных записок мелкого петербургского чиновника и содержит в себе, согласно авторскому замыслу, нелицеприятное обличение героя. Художественное изображение негативных черт городского обывателя происходит в его подчеркнуто неконтролируемом, произвольном саморазоблачении, совершающемся от первого лица. Душевная исповедь обличаемого, будучи выставлена на всеобщее обозрение, становится исповедью публичной, пользу от которой должен получить, само собой разумеется, не литературный герой (выведенный в качестве поучительного примера), а читатель произведения – дневника-исповеди.

Своих героев сам Гоголь называл единым «душевным городом» автора и читателя (III/IV, 492). По убеждению писателя, «зеркало» дневника дает каждому возможность избавления от своих недостатков, в том числе с помощью смеха. Такой откровенный дневник сам Гоголь вел, впоследствии его уничтожив [Виноградов 2020b]. В 1844 г., словно приоткрывая историю создания «Записок сумасшедшего», Гоголь в частном письме к А.О. Смирновой советовал ей «во все минуты <…> глупых состояний духа» «записывать такое состоянье»: «Пусть, как в зеркале, останется там все малодушие и все ваше ничтожество, так, чтобы потом <…> могли бы себе же показать это зеркало и увидеть в себе всю свою презренность...»[1]. В этом смысле «исповедь», или откровенный дневник, являются, согласно признаниям самого Гоголя, основой его так называемой «сатиры», т. е. художественного произведения, в котором пороки и недостатки предстают в своем истинном «презренном» виде [Виноградов 2022d].

Как повесть одновременно исповедального и сатирического характера «Записки сумасшедшего» занимают в гоголевском творчестве особое место. Сугубую сложность это произведение представляет прежде всего для интерпретации. Любой художественный образ, и без того многозначный, попадая в «амбивалентную» смеховую среду, становится еще более «полифоничным», и выявить его смысловую направленность бывает порой затруднительно. Но понимание «Записок сумасшедшего» осложняется еще и тем, что это произведение изображает безумие. Проблема сумасшествия, как и проблема смеха, тоже носит амбивалентный характер. Кроме очевидных случаев, атмосфера смеха и картина психического алогизма в равной мере часто не позволяют указать определенно, в чем заключается для автора та конкретная «норма», точка отсчета, исходя из которой он оценивает своего героя, что является в произведении предметом обличения. Это порождает разноречия в оценках художественных образов, тем более если они, как в гоголевской повести, одновременно принадлежат и смеховой, и абсурдной стихиям. Объективно судить об авторском понимании произведения, интуитивно угадываемом читателем, возможно лишь с помощью разнообразных реминисценций, мотивов, образов, источников, через определение круга чтения писателя, используя авторские оценки, изложенные в письмах, с привлечением широкого исторического, культурного, религиозного и биографического контекста. Комплексный подход в интерпретации образа позволяет избежать произвольных толкований и предложить научно аргументированную реконструкцию творческого замысла.

Важность такого подхода многократно возрастает оттого, что проблема осмысления творчества Гоголя стоит в настоящее время особенно остро. После продолжительного периода искусственного «единства» в толкованиях гоголевского наследия, объясняемого внешними причинами, – ныне в понимании Гоголя царит отнюдь не плодотворное разноречие. Наука без принудительного руководства во многом продолжает следовать привычным схемам, а новейшие, неадекватные предмету исследования «методологии», вроде «гендерной» или «теории литературных репутаций», только добавляют хаоса в общую картину [Виноградов 2023a].

Тем не менее, несмотря на сложность, наука подступает ныне к тому рубежу, который подводит итоговую черту эпохе, отличительной чертой которой, применительно к творчеству Гоголя, было ангажированное искажение смысла русской

[1] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 12. С. 557. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию. Ссылки на него даются в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.

классики в угоду политической тенденции. Радикальное направление в интерпретациях гоголевского наследия было задано еще при жизни Гоголя его давним «совопросником» В.Г. Белинским. Такой подход господствовал на протяжении XIX и XX вв. Таким образом, хотя со времени кончины Гоголя прошло уже более ста семидесяти лет, только нынешнее время позволяет более или менее объективно подойти к изучению вопроса о том, что в действительности представляет собой наследие Гоголя.

«Записки сумасшедшего» являются в этом ряду одним из наиболее «ключевых» произведений. Их содержание, в свою очередь, подвергалось в истекшую эпоху радикальным, вульгарно-социологическим интерпретациям. Важнейшие особенности повести, сочетающей в себе стихии комизма и алогизма, предсказуемо истолковывалась в обязательном соответствии с требованиями «социального» заказа. Комментаторы XX в. утверждали, будто «Записки сумасшедшего» являются «сатирическим выступлением против бездушной системы николаевского бюрократизма» [Комарович 1938: 705]; «критикой дворянско-крепостнической современности» [Фридлендер 1961: 70]. За редкими исключениями, предвзятый подход заведомо исключал научный анализ содержания повести, изучение истории ее создания и характера авторского замысла. Настало время восполнить этот пробел. Существенным подспорьем здесь служат многочисленные наблюдения над содержанием «Записок сумасшедшего» исследователей последних лет, которые, в свою очередь, нуждаются, однако, в осмыслении и обобщении[1].

2. ПРЕДЫСТОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО»

Тема безумия так или иначе была значима для Гоголя от самой юности. По воспоминаниям его школьных товарищей, еще будучи в Нежине, он сам дважды искусно притворялся помешанным: один раз, в 1823/24 учебном году, – чтобы избежать наказания [Виноградов 2017–2018. 1: 415]; в следующем, в 1824/25 г., – чтобы получить свободное время для литературных занятий [Виноградов 2017–2018. 1: 450–451] (см. также: [Кузнецов 1992: 38]). Кроме того, в мае 1824 г. пятнадцатилетний Гоголь ввел в ненормальное состояние соученика М.А. фон Риттера, внушив тому, что у него «бычачьи глаза» [Виноградов 2017–2018. 1: 420][2]. «Ненормальное» состояние целого общества стало предметом сатирического изображения Гоголя в юношеском произведении «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» (1826), в котором, по свидетельству одного из школьных товарищей Гоголя, каждое «сословие наиболее выказывало характеристические черты свои» [Виноградов 2017–2018. 2: 577]. Однако сам Гоголь серьезного значения сатире на нравы Нежина не придавал и вскоре ее уничтожил.

Тема безумия становится одной из «сквозных» с переездом Гоголя в Петербург. Образ обезумевшего героя появляется в первой его напечатанной повести «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (произведение создавалось в ноябре 1829 – январе 1830 г.). Героя «Бисаврюка...» – безродного казака Петруся,

[1] В работе использованы обширные библиографические труды по творчеству Гоголя и, конкретно, исследованиям гоголевской повести, выполненные В.А. Воропаевым.

[2] Позднее, в 1852 г. доктор А.Т. Тарасенков, наблюдавший Гоголя во время его предсмертной болезни, завел разговор с ним о «Записках сумасшедшего»: «Рассказав, что я постоянно наблюдаю психопатов и даже имею их подлинные записки, я пожелал от него узнать, не читал ли он подобных записок прежде, нежели написал это сочинение. Он отвечал: “Читал, но после”. – “Да как же вы так верно приблизились к естественности?” – спросил я его. “Это легко: стоит представить себе”...» [Виноградов 2017–2018. 7: 233].

теряющего рассудок от страсти к девушке и богатству, при участии демонических сил, – можно в полной мере назвать отдаленным прототипом героя «Записок сумасшедшего».

С декабря 1830 г. по июль 1831 г., т. е. на протяжении нескольких месяцев, Гоголь исполнял обязанности домашнего учителя умственно неполноценного ребенка, сына княгини А.И. Васильчиковой [Виноградов 2023b]. На этот период приходится активная работа Гоголя над циклом повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». Здесь появились новые «прототипические», относительно будущей повести о сумасшедшем, персонажи. Ближе всего к страдающему безумцу Поприщину стоит безумная Катерина в «Страшной мести», утратившая разум от потери мужа и сына и ни о чем не помышляющая, кроме мести. Тут же выведен безумный, по своим поступкам и одержимости темными силами, колдун – и его радикальный «антагонист» – ожесточенный всадник-мститель. Ненормально, с точки зрения евангельских заповедей и гражданских законов (запрещавших колдовство и волхвования), ведут себя еще несколько героев раннего гоголевского цикла: в «Ночи перед Рождеством» — пузатый колдун Пацюк, отчаянный Вакула (едва не совершающий самоубийство), самовлюбленная красавица Оксана; в «Майской ночи...» – жаждущая мести самоубийца-утопленница, сельские «дворяне»-честолюбцы, претендующие на место «головы» (предвосхищающие тем самым стремление в «испанские короли» Поприщина). Неразумен герой повести «Иван Федорович Шпонька...», обращающийся к гадательной книге. Мотив сумасшествия воплощается в «Вечерах...» и в той потере рассудка от страха, который испытывают суеверные герои «Вечера накануне Ивана Купала», «Сорочинской ярмарки», «Страшной мести», являющиеся в этом отношении «прообразами» будущих грешников-чиновников, объятых страхом в «немой сцене» «Ревизора» [Виноградов 2022a: 72]. Так или иначе все герои «Вечеров...» представляют отклонение от нормы; уже в этом цикле формируется, после опыта юношеской сатиры «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», духовный взгляд Гоголя-сатирика, обличителя «пошлости» как психического и нравственного «уродства». Непосредственно «уродом» – «черепахой в мешке» (III/IV, 168) – назван Поприщин в «Записках сумасшедшего». В целом в гоголевских обличительных произведениях проявляется «саркастическая» сторона таланта писателя (VI, 238), которая, сравнительно с «лирической» (VI, 238), воплощенной с наибольшей силой в «Тарасе Бульбе» (герои которого, однако, тоже не лишены недостатков), являет «безумие пред Богом» «мира сего» (1 Кор. 3, 19) (цит. по изд. 1822 г.: [Новый Завет: 632]).

С ближайшей предысторией создания «Записок сумасшедшего» обычно связывают свидетельство П.В. Анненкова. Познакомившийся с Гоголем в первой половине сентября 1833 г. тот наблюдал, как писатель беседовал с одним из своих гостей о «привычках сумасшедших». Позднее, в 1857 г., Анненков вспоминал: «В первый раз, как я попал на один из чайных вечеров его, <…> в числе гостей был у него пожилой человек, рассказывавший о привычках сумасшедших, строгой, почти логической последовательности, замечаемой в развитии нелепых их идей. Гоголь подсел к нему, внимательно слушал его повествование, и когда один из приятелей стал звать всех по домам, Гоголь возразил, намекая на своего посетителя: “Ты ступай… Они уже знают свой час, и когда надобно, уйдут”. Большая часть материалов, собранных из рассказов пожилого человека, употреблены были Гоголем потом в “Записках Сумасшедшего”» [Виноградов 2017–2018. 2: 247].

Несмотря на указание Анненкова, связавшего беседы Гоголя в 1833 г. с «пожилым человеком» с работой над «Записками сумасшедшего», более вероятно, что тогдашний гоголевский интерес к теме безумия на самом деле диктовался работой не над «Записками сумасшедшего», а над комедией «Владимир 3-ей степени» (начатой летом 1832 г.). Главным героем этой незавершенной комедии тоже был сумасшедший. Это уточнение тем более основательно, что сам Анненков слышал тогда же, в сентябре 1833 г., фрагмент из финала «Владимира 3-ей степени». Об этом в мемуарах о Гоголе 1857 г. он, однако, сообщить упустил, дополнив сведения лишь четыре года спустя, в 1861 г., в частной беседе с А.Н. Афанасьевым (см.: [Вишневская: 60; Виноградов 2017–2018. 2: 248]). Причины умолчания о важном факте творческой истории «Владимира 3-ей степени» заключались, по всей видимости, в том, что Анненков, будучи убежденным западником, стремился настоять, вслед за Белинским, на разности между «ранним» и «поздним» Гоголем, тогда как обращение в ранней комедии к евангельским образам этому делению писателя на две половины препятствовало [Виноградов 2017–2018. 3: 522]. В финале незавершенной пьесы герой, обуреваемый тщеславием, воображал себя «Владимирским крестом» – растопыривал в виде креста руки, – т. е. распинаемый страстями, всходил на мирскую «голгофу», являл собой сумасшедшего мученика, терзаемого тщеславием[1].

3. «ДУШЕВНЫЙ ГОРОД» «ЗАПИСОК...»

Написанные в июле-сентябре 1834 г. «Записки сумасшедшего» Гоголь поместил в сборник «разных сочинений» «Арабески» (1835). Повесть стала завершающей в цикле. Позднее Гоголь включил «Записки сумасшедшего» в третий том «Сочинений...» 1842 г. Контекст двух разновременных циклов, в котором оказывается повесть, указывает на то, что ее содержание тесно связано с устойчивой, «сквозной» проблематикой гоголевского творчества. В «Арабесках» «Записки сумасшедшего» как повесть о мнимом мученичестве составляла, с одной стороны, контраст теме подлинного мученичества, воплощенного в образах исторических повествовательных отрывков «Пленник» и «Глава из исторического романа» [Виноградов 2021b: 276–277]; с другой – «ералаш», царящий в голове сумасшедшего, являл продолжение критики «раздробленного» современного сознания, определившей самую композицию и содержание «Арабесок» в целом [Виноградов 2021b: 282–288]. Последующее положение «Записок...» в составе «Сочинений...» с еще большей очевидностью обнаружило общемировой контекст, в котором рассматривал Гоголь в «Арабесках» и других произведениях «петербургскую» тему [Виноградов 2000: 207–274; 2001a; 2009].

Само имя, которое дает Гоголь своему герою, говорит о жизненной важности тем, затрагиваемых в повести. «Престранное» фамильное прозвище *Поприщин*, по-видимому, призвано указывать на то, каким *должно* быть, согласно наставле-

[1] В одном ряду с безумием героев «Владимира 3-ей степени» и «Записок сумасшедшего» находится также крайнее, близкое, по Гоголю, к помешательству поведение героев «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Повести о капитане Копейкине», «Шинели», – героев, тоже одолеваемых либо соблазнами, либо нуждой (либо тем и другим одновременно). Зарождение замыслов двух из указанных повестей – <Повести о ссоре> и «Шинели» – Анненков тоже, по его воспоминаниям, наблюдал в первой половине сентября 1833 г. [Виноградов 2017–2018. 2: 248]. Все вместе это говорит о тесном переплетении творческих начинаний Гоголя в 1833 г., так что жизненные наблюдения, сделанные для одного произведения, вполне могли вскоре стать основой для другого, близкого по содержанию сочинения о герое, одолеваемом, до сумасшествия, своими страстями.

нию апостола, подлинное гражданское служение чиновника – в отличие от изображенного недостойного поведения: «...Свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех, и с терпением будем пробегать предлежащее нам *поприще*» (Евр. 12, 1) (цит. по изд. 1822 г.: [Новый Завет: 825]; курсив мой. – *И.В.*) (см. также: [Паламарчук 1990b: 425]). Еще в 1828 г. Гоголь писал матери из Нежина: «Как угодно почитайте меня, но только с настоящего моего *поприща* вы узнаете <…>, что я всю жизнь свою обрек благу» (X, 84; курсив мой. – *И.В.*). Как и в гоголевском письме, в имени героя подразумевается не столько карьера, область деятельности человека, сколько прохождение жизненного *поприща*, исполнение христианского долга и самого назначения человека, которые в судьбе петербургского обывателя подвергаются извращению.

Как и другие неидеальные герои Гоголя, чиновник Поприщин представляет собой очевидного духовного «недоросля» [Виноградов 2000: 151–156]. В душевной болезни героя «Записок...» изображается не физиология и особенности нарушенной от физических причин психики, но духовная патология личности, избравшей главной жизненной ценностью личное самоутверждение. Вместо добросовестного служения в своей должности – дарованными Богом талантами – герой живет, исключительно следуя своим страстям, «по человеческим похотям», «по воле языческой» (1 Петр. 4, 2–3). Мечтающий о генеральской дочери, Поприщин уподобляется герою напечатанной одновременно в сборнике «Миргород» другой гоголевской повести – предателю Андрию в «Тарасе Бульбе», предавшему свой долг в «служении» польской панне, или художнику Пискареву в «Арабесках», в повести «Невский проспект», погубившему свой талант (и себя самого) в любви к падшей красавице. В «Записках сумасшедшего» пренебрежение долгом ради удовлетворения страстей «суммируется» в ироническом замечании Поприщина о таком же, как он сам, мнимо-«благородном» чиновнике, подмеченном им на улице: «На улицах <…> *никого*; <…> только бабы, <…> купцы <…>, да курьеры... <…> Из *благородных* только наш брат чиновник... <…> “...Ты *не в департамент* идешь, ты спешишь вон за тою, [что приподняла немного свое платье и показала в мгнове<ние> икры свои] что бежит впереди, и глядишь на ее ножки”» [Гоголь 1937–1952. 3: 194, 554; курсив мой. – *И.В.*] (последний, «соблазнительный», мотив значим для еще целого ряда произведений Гоголя: юношеской романтической поэмы «Ганц Кюхельгартен», повестей «Нос», «Шинель»; поводом для его появления в «Записках...» стало посещение Гоголем в сентябре-ноябре 1833 г. выставки Императорской Академии художеств; см. об этом: [Виноградов 2017–2018. 2: 263–264]).

Бездельное существование героя, одолеваемого соблазнами, Гоголь еще раз изобразил в невольном «самопризнании» Поприщина, высказанном в перепалке с начальником отделения: «“Ну, скажи пожалуйста, что ты делаешь?” – “Как что? Я *ничего* не делаю”... <…>. “<…> Ведь ты волочишься за директорскою дочерью...”» (III/IV, 162; курсив мой. – *И.В.*). Герой комедии Гоголя «Игроки», слуга Гаврюшка, сходным образом замечает о барине: «Да как что делает? Известно, что делает. Он уж барин, так держит себя хорошо: он ничего не делает» (III/IV, 372).

Согласно авторскому замыслу, «Записки сумасшедшего», как и другие произведения Гоголя, составляют в совокупности единый «душевный город» (см.: [Виноградов 2018a: 66–68; 2024b: 34–38]). Представление об этом едином «городе» связано с размышлениями Гоголя об органическом единстве мира, а также о человечестве как целостном организме, связанном взаимопроникающими «за-

конами отраженья» [Виноградов 2017–2018. 4: 278–279; 2021b: 281]. Согласно наблюдениям писателя, по «неизменным законам отраженья» (V, 157) в обществе существуют как высокие понятия, так и низменные соблазны; передаются многочисленные явления культуры, литературы, быта, моды, цивилизации, привычек, образа мышления, поведения, воспитания, рекламы и пр. Применительно к «Запискам сумасшедшего» это представление проявляется, во-первых, в том, что каждая черта «душевного города» повести воплощается в облике самого главного героя, во-вторых, отражается в лицах, составляющих его ближайшее окружение[1].

Круг душевных «двойников» Поприщина составляют практически все действующие лица повести: главный начальник по службе, «государственный человек» – директор департамента; непосредственный начальник – глава департаментского отделения; казначей департамента; рядовой чиновник, встреченный на улице; жених директорской дочери «камер-юнкер» Теплов, – вплоть до «испанского короля». Двойничество сказывается в образах генеральской дочери и родственной ей «говорящей» собачки *Меджи* (уменьш. от лат. «маргерет» – жемчужина, перл), в светских «манерах», «кавалерах» и «куртизанах». В повести «собаки <…> становятся “дамами”, <…> подают надежды стать “приятными во всех отношениях”» [Светлакова: 432]. Слово, которое трижды употребляет герой при мысли о директорской дочке, – «эх, канальство!» (III/IV, 160, 163, 166) – восходит к латинскому слову «cane» – собака и произведенному от него французскому «canaille» – свора собак; сброд; негодяй, каналья. Меджи по поводу малосущественных отличий женихов ее хозяйки, сравнивая их с Поприщиным, замечает: «...Если камер-юнкер нравится, то скоро будет нравиться и тот чиновник, который сидит у папá в кабинете» (III/IV, 168). О доме *Зверкова*[2], в котором обитает собачка Фидель, говорится: «Какого в нем народа не живет: <…> а нашей братьи чиновников – как *собак*, один на другом сидит» (III/IV, 160; курсив мой. – *И.В.*) (отмечено: [Савинков, Фаустов: 175]). «Двойничество» героя с говорящим собачьим миром заключается также в одинаковом «писательстве» Поприщина и Меджи[3].

---

[1] О душевном двойничестве Гоголь размышлял еще в 1820-х гг. В марте 1827 г. он писал Г.И. Высоцкому из Нежина в Петербург: «Часто <…> мысленно перескакиваю в Петербург: сижу с тобою в комнате, брожу с тобою по булеварам, любуюсь Невою, морем. Короче я делаюсь ты» (X, 51). О таком же перевоплощении Гоголь еще раз напоминал Высоцкому в том же году в июньском письме: «Ты теперь в зеркале видишь меня» (X, 63). В 1832 г. – после многочисленных авторских «перевоплощений» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (перевоплощений, понадобившихся для создания художественных образов), – Гоголь писал А.С. Данилевскому: «Я <…> бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками и взглянуть на других таким же взором, <…> каким глядишь ты...» (X, 173). Дьяк-рассказчик Фома Григорьевич в «Пропавшей грамоте» сообщает о своих повествованиях: «...Чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу, или прадедовская душа шалит в тебе» (I/II, 154).

[2] Реальный дом купца И.М. Зверкова, где в 1829–1831 гг. жил сам Гоголь [Виноградов 2017–2018. 2: 51, 103, 111–113] (см. также ниже раздел 5).

[3] См. об этом ниже, в разделе 13. – В переписке собачек, вероятно, нашло отражение содержание писем к Гоголю его сестры Елизаветы, обучавшейся вместе с сестрой Анной в петербургском Патриотическом институте благородных девиц. «Когда брат не бывал с нами, – вспоминала Елизавета Васильевна, – мы часто писали ему, и мои письма всегда были наполнены пустяками: я была в дружбе с собаками и всегда переполняла свои письма рассказами о своих любимицах, передавала ему от них поклоны и прочее» [Виноградов 2017–2018. 2: 155]. – В свою очередь, в упоминании о скатанных хлебных шариках, которыми угощает собачку один из гостей (которые та ест «с отвращением»), отзывается привычка самого Гоголя отрывать «кусочки хлеба и скатывать его в шарики» [Виноградов 2017–2018. 3: 597]; «выламывать из хлеба мякиш и катать из него шарики, которые <он> или бросал в кого-нибудь из сидящих за столом, преимущественно младших членов семьи, или опускал в стакан, или же оставлял у себя за прибором» [Виноградов 2017–2018. 3: 595]; писать,

Признания собачки Меджи о ее ухажерах и сравнение их с женихом самой хозяйки – и даже с ее отцом, «который тоже довольно высокого роста и толст собою», как «страшный дога» (III/IV, 167), – прямо перекликаются с выбором женихов невестой Агафьей Тихоновной в «Женитьбе». Как и у собачки Меджи, выбор определяется исключительно физиологией. Меджи пишет приятельнице: «“Куда ж, – подумала я сама в себе, – если сравнить камер-юнкера с Трезором!” <…> ...У камер-юнкера совершенно гладкое широкое лицо <…>; а у Трезора мордочка тоненькая...» (III/IV, 168). Выбор купеческой дочери Агафьи Тихоновны в свою очередь заключается между «губами» Анучкина, «носом» Подколесина, «развязностью» Жевакина и «дородностью» Яичницы (III/IV, 168).

Вполне материальными соображениями, хотя несколько иного рода, руководствуется, со своей стороны, директор департамента, который хочет видеть дочь «за генералом, или за камер-юнкером, или за военным полковником» (III/IV, 168). В «Мертвых душах» Гоголь, размышляя о судьбе героини с похожим «социальным статусом» – губернаторской дочке (на нее полувлюбленно-полурасчетливо имеет виды герой-стяжатель «Мертвых душ», «дворянин» Чичиков), – замечал: «Она теперь как дитя... <…> Из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выйдет дрянь!» (V, 90).

Все образы повести представляют – каждый с своей стороны – единое «петербургское» пространство, характерные образ жизни и среду обитания «просвещенных» столичных жителей. В герое «Записок сумасшедшего» Гоголь повторяет ряд типичных черт «среднего» чиновника, которые он обозначал в образах нерадивых служащих не только в этой повести, но и в других произведениях [Виноградов 2020а].

Речь идет при этом не об обличении государственного аппарата как такового, а о недостойных исполнителях должности, о дискредитации недобросовестными чиновниками законной власти. Главной для Гоголя в изображении неидеального «душевного города» мертвых душ является не политическая, а духовная составляющая. Уже в 1836 г. Гоголь указывал на «плутов, которые тихомолком употребляют в зло благо, изливаемое на нас правительством <…>, которые превратно толкуют наши законы, которые под личиною кротости под рукою делают делишки не совсем кроткие» («Петербургская сцена в 1835–36 г.»; VII, 508). Дискредитирующего власть представителя «местной администрации» – сельского «голо-

---

«катая шарики из белого хлеба, про которые говорил друзьям, что они помогают разрешению самых сложных и трудных задач» [Виноградов 2017–2018. 7: 83]. М.П. Погодин упоминал об этой привычке Гоголя в письме к нему от 8 апреля 1847 г.: «...За тобой водилось, – придумывать, катая шарики, разные мудреные вещи...» (XIV, 250).

Кроме того, в качестве источников для образов собачек указывалась романтическая литература, в частности роман Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра...» (см. подробнее об этом в разделе 12). В собачьих образах – и в некоторых других мотивах повести, – нашли отражение представления балаганного театра (см.: [Александрова 2001; 2011; Синицкая <Александрова> 2010; Денисов 2009: 474, 476, 480, 483]).

В повести, вероятно, сказалась также мода на собак, зародившаяся в XVIII в. и сразу отразившаяся в литературе, в том числе в переписке Екатерины II с Ф.М. Гриммом (где императрица описывает собачек как людей) и в эпистолярных «сочинениях» постельных собачек [Зайонц 2011: 359–363]. Сказалось также влияние Сервантеса [Светлакова 2011: 431–432]. Л.В. Пумпянский в 1923 г. предположил, что «сюжетным прототипом» переписки собак являются традиционные для драматических произведений «подкупленные слуги»: «...Domestiques <слуги; фр.> понижаются до степени animaux domestiques <домашние животные; фр.> (ибо, кроме слуг, других домочадцев быть не может)» [Пумпянский 1986: 123]. – Применительно к «просвещенным» собачкам это замечание следует уточнить, поставив в ряд с наблюдениями самого Гоголя (воплощенными в драматическом отрывке «Лакейская») о том, как слуги подражают хозяевам, – а хозяева, в свою очередь, по взаимной «пошлости», похожи на слуг.

ву» (строящего «пакости», но при этом напоминающего, что «голова поставлен <…> от царя»; I/II, 144, 151), Гоголь еще ранее – в 1831 г. – вывел в «Майской ночи...». В «Петербургской сцене...» он замечал также об «офицере, пустом человеке, бегающем за вечерними нимфами, или *вместо обязанностей службы* дебошничающем где-нибудь в неприличном для русского офицера месте» (VII, 509; курсив мой. – *И.В.*; настоящие строки представляют собой очевидный авторский комментарий к образу поручика Пирогова в «Невском проспекте»). Позднее, в неотправленном письме к В.Г. Белинскому 1847 г., Гоголь подчеркивал: «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемся и составляем правительство» (XIV, 386). «Мы все принадлежим Правительству, все почти служим...» – замечал он в «Театральном разъезде...» (1836–1842) (III/IV, 444). В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь писал: «...Везде, куды ни обращусь, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат...» (VI, 79).

Для бездельной, праздной жизни, какую ведет герой «Записок сумасшедшего», противоправительственное содержание мнимопросвещенного прозябания типично. Аналогом образа Поприщина являются столь же недостойные служащие, изображенные Гоголем в других произведениях: «Ревизоре», «Мертвых душах», «Шинели». Так, сумасшествие героя – крайнее тщеславие, приводящее его к мысли о своем «королевском» достоинстве, выводящее за рамки общественных отношений, – родственно с изображенными Гоголем противоправительственными бунтами чиновника Башмачкина и капитана Копейкина, а также изменой Городничего – отставного военного, бывшего защитника Отечества, ставшего «плутом» и «разбойником», – государственным интересам России и самому Государю. В изображении нерадивых чиновников Гоголь как бы буквально реализовал завет императрицы Екатерины II к сатирику Д.И. Фонвизину, упоминание о котором оставил ранее в «Ночи перед Рождеством» (1832): «Вот вам <…> предмет, достойный остроумного пера вашего!» (I/II, 202). Определена была и «цель», которую ставил Гоголь, изображая недостойного чиновника. В «Арабесках», в статье «О преподавании всеобщей истории», напечатанной первоначально в «Журнале Министерства Народного Просвещения» С.С. Уварова, Гоголь писал: «...Цель моя – образовать сердца юных слушателей <…>; сделать их <…> сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастии, ни в несчастии не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве – быть верными Отечеству и Государю!» (VI, 284). Применительно к «Запискам сумасшедшего», посвященным обличению тщеславного чиновника-«дворянина», конкретным авторским комментарием может служить замечание Гоголя в статье «Занимающему важное место» о том, какого отношения заслуживает такой чиновник. Здесь по поводу одного из «дворянских» недостатков – родовой кичливости – Гоголь замечал, что за похвальбу родовитостью недостойного представителя сословия «его же собратья дворяне» «на него выпустят тут же *эпиграмму*» (VI, 147; курсив мой. – *И.В.*). Такой авторской «эпиграммой» на героя, не по праву гордящегося своим дворянством, можно в известной мере назвать «Записки сумасшедшего».

4. ПРАЗДНОСТЬ, ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО, УГРОЗА «РАСПЕКАНЬЯ»

С первых строк повести Гоголь обращает внимание на праздное времяпрепровождение героев. Отлеживающийся вволю «на кровати» (III/IV, 161), Поприщин прямо «повторяет» этой чертой своего начальника, который не выходит из спальни даже до «половины первого» (III/IV, 161). Эта черта Поприщина «распростра-

няется» и на других представителей единого «города» «мертвых душ». Начало повести, где Поприщин открывает дневник с того, что служанка Мавра принесла ему вычищенные сапоги, сближает его с героем «Женитьбы», которая также начинается с разговора барина со слугой, в том числе о чистке сапог. Подколесин, как обычно, «лежит на диване с трубкой» (III/IV, 313), Поприщин – просыпается, когда «уже давно било десять» (III/IV, 158). Герой драматического отрывка Гоголя «Утро делового человека» тоже замечает: «Приезжаю к его высокопревосходительству – его высокопревосходительство еще спит» (III/IV, 407).

Общей чертой нерадивых чиновников является взяточничество. Эту тему Гоголь тоже затрагивает уже в начале повести. В одной из статей «Арабесок» Гоголь оставил прямой комментарий к завистливым мечтам Поприщина о «ресурсах» (III/IV, 158). Рассуждая поборах и взятках, которые берут чиновники на более «доходных» местах: в «губернском правлении, гражданских и казенных палатах», – герой замечает: «...Смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Фрачишка на нем гадкой, <…> а посмотри ты, какую он дачу нанимает! <…> С виду такой тихенькой, говорит так деликатно <…>, а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе» (III/IV, 158). Эти строки прямо повторяют характеристику чиновника-взяточника в статье Гоголя «Несколько слов о Пушкине». Несмотря на невыразительную наружность, тот по своей разбойнической деятельности сопоставим с «выразительным» «диким горцем». Последний «зарезал своего врага, <…> выжег целую деревню» – и потому «поражает» читателя, больше, «нежели наш судья в истертом фраке, запачканном табаком» (VII, 277). Между тем мздоимный чиновник на своем поприще «отличается» не менее разбойника-«горца», – «невинным образом, посредством справок и выправок», пустив «по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ» (VII, 277)[1].

Общей для гоголевских героев-чиновников, не исполняющих свой долг, является тема постоянно висящей угрозы «ревизии» и начальственного «распеканья» (бесчисленного множества «переборок, распеканья, взбутетениванья и всяких должностных похлебок, которыми угощает начальник своих подчиненных» – согласно строкам девятой главы первого тома «Мертвых душ»; V, 186). Эта тема важна для судьбы Башмачкина в «Шинели», губернских и уездных чиновников в «Ревизоре» и «Мертвых душах» (отдельно – для Хлестакова и капитана Копейкина), а также других гоголевских героев [Виноградов 2020а: 253–254, 256, 273]. Эта тема затрагивается и в «Записках сумасшедшего», где Поприщин получает от начальника отделения соответствующие «выговоры»: «Ну <…> что ты делаешь? <…> ...Ведь тебе уже за сорок лет – пора бы ума набраться» (III/IV, 162); «...Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Ты иной раз метаешься, как угорелый, дело подчас так спутаешь, что сам сатана не разберет, в титуле поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера» (III/IV, 158).

---

[1] Гоголевское сравнение «дикого горца» с мнимоневинным чиновником проливает дополнительный свет на настоящее отношение автора к основанному на фальшивых «справках и выправках» (V, 232) мошенничеству главного героя «Мертвых душ» – «любезнейшего и обходительнейшего» Чичикова (V, 19), ревностного исполнителя «священнейшего долга» светского «комильфо». Такими же «деликатными» разбойниками оказываются, по Гоголю, в отношении к своим крепостным и живущие по своим прихотям европейски «просвещенные» помещики. Об этом Гоголь размышлял в отдельном наброске к «Мертвым душам»: «...Иные, живущие по столицам, <…> образованные и начитанные, и тонкого вкуса и примерно человеколю<бивые>, беспрестанно заводящие всякие филантропические заведения, требуют, однако ж, от своих управителей всё денег, не принимая никаких извинений, что голод и неурожай» (<Размышления о героях «Мертвых душ»>; V, 513).

Очевидно, что начальник отделения, – один из многочисленных «пошлых» двойников Поприщина, отчитывающий младшего чиновника за то, что «в титуле» тот поставил «маленькую букву», – тоже понимает служебный долг по-своему. Пример подобного псевдоответственного исполнения долга, обставляемого с почти «религиозным» пафосом, Гоголь изобразил в «Утре делового человека». «Значительное лицо» Иван Петрович «распекает» здесь подчиненного «переписчика»: «Что это значит? у вас поля по краям бумаги неровны. <…> Порядочный молодой человек, недавно из университета, но вот тут (*показывая на лоб*) нет. Вы себе не можете представить, <…> скольких трудов мне стоило привесть все это в порядок... <…> ...Ни один канцелярский не умел порядочно буквы написать. Смотришь: иной “къ” перенесет в другую строку; иной в одной строке пишет: “си”, а в другой: “ятельству”. Словом сказать: это был ужас! столпотворение вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, дух торжествует» (III/IV, 409).

Петербургский чиновник бывает «распекаем» даже на улице. «Один раз», когда поручику Пирогову, герою «Невского проспекта», встретился «какой-то писарь, показавшийся ему невежливым, он немедленно остановил его и в немногих, но резких словах дал заметить ему, что перед ним стоял поручик, а не другой какой офицер» (III/IV, 30). Поприщин, тоже будучи «писарем», мелким переписчиком, по все разрастающемуся самолюбию страха перед «распекателями» не испытывает – он сам намеревается внушать «почтенье» и страх другим: «Желал бы я сам сделаться генералом: не для того, чтобы получить руку и прочее, нет, хотел бы быть генералом для того только, чтобы увидеть, как они будут увиваться и делать все эти разные придворные штуки и экивоки...» (III/IV, 169). Однако, несмотря на «королевское» достоинство, на улице он предусмотрительно «сохраняет инкогнито»: «Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки, и я также; <…> не подал никакого вида, что я испанский король» (III/IV, 173).

Тем не менее «сумасшедшая» смелость Поприщина от надлежащего «распеканья» – как общепринятого средства исправления чиновников – его не избавляет. С этой темой связан в «Записках...» образ Великого Инквизитора, ставшего для героя, после попадания в сумасшедший дом, олицетворением мстительного возмездия. Образ беспощадного «воспитателя»-«инквизитора», наказывающего неуемного честолюбца «проклятой палкой» (III/IV, 176), продолжает у Гоголя, с одной стороны, тему европейских рыцарских орденов, «уклонившихся», по его словам, от своей настоящей цели и явившихся «уже не совестью перед ветреным миром, но страшным изображением смерти и казни» («О Средних веках»; VII, 185), с другой – предвосхищает тему ревизора в будущей одноименной комедии, которую позднее, в «Развязке Ревизора», Гоголь прямо назвал «душевным городом» (III/IV, 492) [Виноградов 1995а: 330]. Образу Великого Инквизитора в повести, возвращающего или пытающегося вернуть Поприщина к норме (применяя «народные обычаи»; III/IV, 175), соответствует прибытие в финале «Ревизора» настоящего проверяющего.

Еще одним, последним средством, возвращающим человеку душевное здоровье, Гоголь называет физические болезни. Этим размышлениям писатель посвятил позднее статью «Значение болезней»[1]. Будучи мучительными, они в этом контексте тоже выступают в качестве оздоравливающего «инквизиционного» средства, – «ибо страдающий плотию перестает грешить» (1 Петр. 4, 1).

[1] См. также раздел 7 наст. статьи.

5. ДИКТАТ МОДЫ, ВОЛОКИТСТВО

Следующую «всеобщую» черту «душевного города» «Записок сумасшедшего» Гоголь подразумевает, изображая подчинение Поприщина диктату светской моды. (Явление моды, свойственное «цивилизованной» жизни в целом, в более широком масштабе Гоголь описал в повестях «Невский проспект» и «Рим».) Поприщин восклицает: «Дай-ка мне ручевский фрак, сшитый по моде, да повяжи я себе такой же, как ты, галстук, – тебе тогда не стать мне и в подметки» (III/IV, 162)[1]. Заметив красавицу, он также замечает: «Она не узнала меня, да и я сам нарочно старался закутаться как можно более; потому что на мне была шинель <…> старого фасона. Теперь плащи носят с длинными воротниками, а на мне были коротенькие один на другом; да и сукно совсем не дегатированное» (III/IV, 159).

Дегатированное сукно (от фр. décatir – избавляться от лоска, глянца) – материал, подвергшийся специальной термической обработке для придания ткани непромокаемости и предотвращения усадки. 30 апреля 1829 г. Гоголь сообщал матери, что четырехэтажный дом, где он проживает (дом каретника И.А. Иоахима на Большой Мещанской[2]), занимают множество торговцев и ремесленников, повивальная бабка, модистка («маршанд де мод»; marchande de modes; фр.) и – «дегатировщик»: «Натурально, что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками» (X, 98).

Под стать дому Иоахима был и другой доходный дом в несколько этажей, квартиру в котором снимал Гоголь в первые годы проживания в Петербурге. Это первый в столице пятиэтажный дом купца И.М. Зверкова на углу Столярного переулка и набережной Екатерининского канала; он прямо упоминается в «Записках сумасшедшего». В доме Зверкова Гоголь жил с первой половины ноября 1829 г. по средину июня 1831 г. [Виноградов 2017–2018. 2: 51, 103, 111–113]. Здесь, неподалеку от рыночной Сенной площади (от которой здание отделяет только небольшой Кокушкин мост), он создавал «Вечера на хуторе близ Диканьки», сравнивая столичный петербургский рынок с «вихрями» сельских ярмарок (I/II, 91) и упоминая, в частности, в «Пропавшей грамоте» о высоте домов в Петербурге – «таких высоких, если бы хат десять поставить одну на другую, и тогда, может быть,

---

[1] Ручевский фрак – фрак от Конрада Руча (Rutch), модного петербургского портного. 30 марта 1832 г. Гоголь сообщал приятелю А.С. Данилевскому в Пятигорск, что деньги на пошив модного фрака пришли не вовремя и что Руч на «требование <…> поставить тебе сукно по 25 р<ублей> аршин, <…> дал <…> обыкновенный свой ответ, что он низких сортов сукон не держит» (X, 181). 26 апреля 1832 г. Гоголь извещал приятеля, что заказанный «модный сюртук» «от Руча» готов (X, 184). Несколько реплик о Руче принадлежат в первоначальных редакциях «Ревизора» Хлестакову: «Ведь Руч работал – вот что важно»; «...Руч тебе ни за что в долг не сошьет фрака...»; «...Венгерку ему шил какой-то дрянной портнишка, совсем не Руч...»; «...Если б к счастию Осип не догадался припрятать моей новой пары платья, которой <которую> сделал мне Руч перед выездом, то я бы не знаю, как я бы показался Батюшке»; «Там из наших чиновников никто так не одевается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару» [Гоголь 2003–2020. 4: 153, 194, 235, 239, 236]. Портной Руч упоминается также в <Статье неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии>, список которой сохранился в бумагах Гоголя (VIII, 577). В черновой редакции повести назывался также портной Петерс [Гоголь 2003–2020. 3: 434] (мастерская Петерса находилась на Большой Морской, в доме № 6; [Нумерация домов... 1836: 135, 189]).

[2] На последнем этаже дома Иоахима Гоголь жил в 1829 г., с конца апреля по 26 июля и с 22 сентября по начало ноября [Виноградов 2017–2018. 2: 15, 27, 30, 33, 35–36, 41, 51]. Носивший тогда двойную фамилию – Гоголь-Яновский, он предположительно познакомился здесь, благодаря своему приятелю по Нежинской гимназии, «поляку» В.И. Любичу-Романовичу, католику по вероисповеданию, с польским поэтом А. Мицкевичем [Виноградов 2017–2018. 2: 15–16]. С началом польского восстания 1830–1831 гг. Гоголь перестал употреблять вторую часть своей фамилии, говоря, что ее «поляки выдумали» [Виноградов 2017–2018. 2: 81–83].

не достало бы» (I/II, 163). Здесь же Гоголь наблюдал, по-видимому, и те сцены, которые изобразил позднее в «Невском проспекте» и «Мертвых душах»: «...Он в небесах и к Шиллеру заехал в гости – и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова (“Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу!..”. – *И.В.*), и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака...» (V, 128).

На пятом этаже дома Зверкова близ Сенной Гоголь «поселил» тех «дам» – «одну старушку, другую молоденькую» (III/IV, 159), которых Поприщин встретил на улице вместе с «мещанской» собачкой Фидель: «Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом. “Этот дом я знаю, – сказал я сам себе. – Это дом Зверкова”. Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько поляков[1]! а нашей братьи чиновников – как собак, один на другом сидит. Там есть и у меня один приятель, который хорошо играет на трубе. Дамы взошли в пятый этаж» [Гоголь 1937–1952. 3: 196, 555][2]. – Месяц спустя герой записал, что, отправившись «допросить» Фидель, он «пробрался в шестой этаж» (III/IV, 164). Это противоречие разрешается тем, что третий этаж в доме Зверкова, самый высокий в доме, в комнатах, выходящих во двор, был, как оказывается, разделен на два этажа, а это означает, что Поприщин заходит в дом со двора, с «черного хода», и, следовательно, «старушка и молоденькая», которых Поприщин называет сначала «дамами» (а потом одну без обиняков зовет глупой «девчонкой»; III/IV, 164), в действительности были вовсе дамы, а, по мнению исследователя, «прислуга» [Бланк: 178]. Более вероятно, что под дамами Гоголь подразумевал «кухарок» или «маршанд де мод» – из тех, что действительно проживали в домах Иоахима и Зверкова. Мнимые дамы обитают среди ремесленников, и такое их именование, безусловно, иронично; оно перекликается с тем словоупотреблением, которое запомнила из общения с Гоголем А.О. Смирнова, знакомая с писателем с 1831 г. [Виноградов 2017–2018. 2: 117]). Смирнова вспоминала, что Гоголь «терпеть не мог фабричных служ<ащих> в фуражках и дам нарумянен<ных>» [Виноградов 2017–2018. 6: 272; 7: 94][3].

Следование Поприщина последней моде прямо сближает его с обличаемой им же директорской дочерью: «Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок. [Хоть ты ей снег сыпли на самую <голову>, а в магазин поедет]» [Гоголь 1937–1952. 3: 194, 554]. Несколько лет спустя, в 1846 г., к образу расточительной Софи, бегающей по магазинам даже в дождь, сам Гоголь указал очевидный литературный прототип – «модную жену» с «резвой» домашней Фиделькой и «угодником» Миловзором в одноименной сатирической «сказке» И.И. Дмитриева «Модная жена» (1791). А к описанию роскошной половины дома

[1] Слово «поляков» цензор В.Н. Семенов в 1834 г. исправил на «приезжих», что объяснялось актуальностью темы польского восстания (см. предшеств. примеч.).

[2] Отмечено также [Комарович 1938: 703], что упоминание Гоголя в письме к матери от 13 августа 1829 г. о «неприятном запахе», который «обыкновенно бывает в Петербурге» (так что «мимо иного дома нельзя бывает пройти»; X, 117), повторяется в описании Поприщиным его пути в дом Зверкова: «Я терпеть не люблю капусты, запах которой валит из всех мелочных лавок в Мещанской; к тому же из-под ворот каждого дома несет такой ад, что я, заткнув нос, бежал во всю прыть» (III/IV, 164).

[3] Безусловно, «нетерпимость» Гоголя не следует понимать буквально. Писатель всегда подчеркивал, что следует «враждовать» не с людьми, а с их «болезнями» (VI, 98), употреблять «гнев против врага людей, а не против самих людей» (XIII, 85) (см. его статьи «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844); «Что такое губернаторша» (1846); письма к Н.М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г. и к князю П.А. Вяземскому от 11 июня (н. ст.) 1847 г.).

«его превосходительства» с «богатым убранством», «зеркалами и фарфорами» и будуаром красавицы с роскошными нарядами привел соответствующее произведение А.С. Пушкина – поэму «Граф Нулин» с образом расточительного графа, вернувшегося «из чужих краев» «с запасом фраков и жилетов», «с bon-mots Парижского двора» («Et cetera, et cetera»), и – таким же образом лукавой жены, с «косматым» шпицем [Пушкин 1827: 8, 15]. В «Учебной книге словесности для русского юношества», характеризуя жанр повести, Гоголь отметил, что она «избирает своим предметом случаи», замечательные «в отношении психологическом», и что, если повесть «берет с сатирической стороны какой-нибудь случай, тогда делается значительным созданием, несмотря на мелочь взятого случая; таковы “Модная жена” <Дмитриева>, “Граф Нулин” Пушкина» (VI, 333)[1].

В статье «Занимающему важное место» Гоголь тоже замечал: «Мода подорвала все обычаи...» (VI, 149). В статье «Светлое Воскресенье» добавлял: «Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале человек как мелочь, как невинное дело, и которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя все, что есть главнейшего и лучшего в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ее малейшего приказанья, дрожа перед нею, как робкий мальчишка. Что значит, что даже и те, которые сами над нею смеются, пляшут, как легкие ветреники, под ее дудку?» (VI, 201). На это же Гоголь указывал в повести «Рим», говоря о Париже как неистощимом «водомете» «новостей, просвещенья, мод, изысканного вкуса и мелких, но сильных законов, от которых не властны оторваться и сами порицатели их» (III/IV, 181). В черновом наброске к заключительной главе второго тома «Мертвых душ» он повторял: «Страшным оскорбительным упреком и праведным гнев<ом> поразит нас негодующее потомство, [что мы, питомцы века просвещенья] что еще [дерзали] играя, как игрушкой, святым словом просвещенья, правились швеями, парикмахера<ми>, модами, дерзали поставлять <себя> выше [простых] мужественных [предков <1 нрзб.>]» [Гоголь 2003–2020. 8: 281].

Мода, светский этикет распространяются на все сферы жизни европейски «просвещенного» Петербурга, вытесняя «все, что есть главнейшего и лучшего в человеке» (VI, 201). Под внешним показным лоском оказывается общая всем духовная неразвитость, пренебрежение служебным долгом, неверность в браке и общее «бесчеловечье», – даже в тех, кого «свет признает благородным и честным» (III/IV, 119). На эту петербургскую и не только петербургскую черту Гоголь еще раз указывает в «Шинели» – повести, тоже посвященной судьбе ничтожного чиновника-переписчика. Рассказчик «Шинели» замечает: «...как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости...» (III/IV, 119).

Уместно указать, что подобное же наблюдение над светской «утонченностью» содержится в «были» В.П. Андросова «Случай, который может повториться», напечатанной в 1834 г. в «Телескопе» (с эпиграфом из «Гамлета»: «И наконец, к не-

[1] Из «Графа Нулина» Гоголь, по-видимому, почерпнул и характеристику «кота» Чичикова [Виноградов 2023а]. В заключительной главе первого тома поэмы рассказчик говорит о том, что Чичиков, «как осторожный кот, покося только одним глазом вбок, не глядит ли откуда хозяин, хватает поспешно все, что к нему поближе <…>, не пропускает ничего» (V, 231). – «Так иногда лукавый кот, / Жеманный баловень служанки, / За мышью крадется с лежанки: / Украдкой, медленно идет, / Полузажмурясь подступает, / Свернется в ком, хвостом играет, / Разинет когти хитрых лап – / И вдруг бедняжку цап-царап» [Пушкин 1827: 13]. «Хищничеству» этого кота Пушкин уподобил ночное похождение к чужой жене «просвещенного» графа.

счастью, помешался»)[1]. О «нежной, чувствительной» красавице Андросов писал: «Нередко прелестные уста, небесно улыбавшиеся в гостиной, тряслись судорожными движениями гнева в девичьей...» [Андросов: 22].

Эту тему Гоголь поднимал и в «Мертвых душах», характеризуя светскую, «приятную во всех отношениях» даму, которая «ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени, <…> хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка!» (V, 173): «...А уж не приведи Бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но все это было облечено самою тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе» (V, 173). Светскость не предохраняет от душевной нечистоты и плутовства и главного героя поэмы Чичикова: «Хотя он и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях были столы из лакированного дерева и все бы было благородно» (V, 226).

Как уже говорилось, в основе «Записок сумасшедшего» лежат конкретные впечатления Гоголя, которые он получил в начальный период проживания в Петербурге. Описание «благородной» департаментской службы, на которой пребывает герой-«переписчик» этой повести («очинивающий перья для его превосходительства»; III/IV, 158), – помещение с «столами из красного дерева», с обращением начальников «на вы» (III/IV, 158) (как утверждает герой, хотя, по наблюдению исследователя, «даже начальник отделения неизменно говорит ему “ты”»; [Иванов 1979: 49]), – тоже носит автобиографический характер. Черты «благородного» департамента «Записок...» указывают на второе место службы самого Гоголя по приезде в Петербург, а именно, исполнение им в продолжение почти года, с 10 апреля 1830 г. по 9 марта 1831 г., в начальной должности «коллежского регистратора», обязанностей «писца» в Департаменте уделов [Виноградов 2017–2018. 2: 67, 100]. Именно этот департамент был в Петербурге первым по части внешнего европейского «облагораживания» присутственных мест. «Благородные» преобразования были сделаны здесь в 1827 г. министром Императорского Двора и уделов князем П.М. Волконским, после чего в следующем, 1828 г., 21 января, департамент посетил, с целью осмотра, Император Николай Павлович. Позднее непосредственный начальник Гоголя в Департаменте уделов – начальник отделения В.И. Панаев [Виноградов 2017–2018. 2: 68] (крайне неодобрительно отзывавшийся позднее о гоголевском «Ревизоре»: «…Вдруг какой-то кол<л>ежский регистраторишка дерзает осмеивать <...> даже самих губернаторов» [Виноградов 2017–2018. 2: 519]) – вспоминал: «Столы, стулья, конторки, шкафы, все явилось новое, просто, но изящно сделанное. Для хранения дел придуманы форменные картонки; на столах однообразные чернильницы; пол паркé, ковровые дорожки через анфиладу комнат. Это был первый пример благоприличного устройства присутственных мест, поданный князем Волконским. Все первенствующие сановники приезжали осматривать департамент» [Панаев: 143].

Позднее, во втором томе «Мертвых душ», Гоголь так описывал поступление своего героя на службу: «…Проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он наконец место списывателя бумаг в каком-то департаменте. <…> Когда ввели его в великолепный светлый зал с паркетами и письменными лакированными столами, походивший на то, как бы заседали здесь первые вельможи государ-

[1] Содержание повести В.П. Андросова отзывается, в частности, в изображении в «Записках сумасшедшего» расчетливой женитьбы Софи (ср.: [Андросов: 25–26, 149–150, 152]). Отголоски «Случая, который может повториться» Андросова в «Записках сумасшедшего» впервые отмечены Г.А. Гуковским [Гуковский 1959: 362–365].

ства <…>, и увидел он легионы красивых пишущих господ, шумевших перьями <…>, и посадили его самого за стол, предложа тут же переписать какую-то бумагу, как нарочно несколько мелкого содержания <…>, необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, как бы он очутился в какой-то малолетней школе, затем, чтобы сызнова учиться азбуке, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний» (V, 378).

Спустя два месяца после поступления в Департамент уделов Гоголь в письме к матери, как бы прямо предваряя похвальбу героя «Записок сумасшедшего» «благородством» службы и, одновременно, сетования о недоступных «доходных» местах (III/IV, 158), писал: «...Я вам сотню <…> приведу примеров таких людей, которые <…>, не имея ни гроша, приобрели <…> многое; но вспомните, <…> когда протекало их поприще службы (здесь Гоголь вновь употребляет, как в и 1828 г. (см. выше) слово “поприще”. – *И.В.*). <…> В царствование блаженной памяти Екатерины и Павла, сенат, губернские правления, казенные палаты были самые наживные места. Теперь взятки господ служащих в них гораздо ограничены... <…> В департаментах же министерств служба несколько более еще облагорожена...» (X, 139). – В отличие от своего героя Гоголь, однако, тут же замечал, что служить стоит не ради «доходов», а чтобы «сделаться необходимым огромной массе государственной» (X, 139), т. е. определенно отделял себя корыстолюбивых «господ служащих»[1].

Предметом постоянного обличения Гоголя было также распутство «просвещенной» петербургской жизни (в наибольшей степени это явление тоже было представлено в «Невском проспекте»). (Обличение распутства – сквозная тема гоголевской сатиры [Виноградов 2021а: 61–62, 159–160, 241–243, 296–298, 466, 505–507].) Плотские соблазны чиновников изображаются в «Записках...» при характеристике «бестии» – петербургского чиновника, который, по словам Поприщина, «не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит» (III/IV, 159); в образе департаментского «жида»-казначея, которого «собственная кухарка бьет <…> по щекам» (III/IV, 158); в поведении самого сумасшедшего, мечтающего заглянуть в спальню красавицы[2].

[1] В этом же письме Гоголь извещал мать о своих начальниках. Отношения с ними Гоголя, – по крайней мере, как это явствует из письма к матери, – тоже отличались от того, каким характеризуется отношения с вышестоящими чиновниками Поприщина: «Главный начальник мой – вице-президент департамента, гофмейстер Л.А. Перовский. Начальник отделения мой, от которого я непосредственно завишу (я нахожусь во 2-м отделении) В.И. Панаев, человек очень хороший, которого в душе я истинно уважаю; если же вы хотите знать и столоначальника, которого должность не велика однако ж и который мало надо мною влияния имеет, то фамилия его Д.И. Ермолов, человек впрочем недурной и не без воспитания» (X, 138–139). По-видимому, вице-президента Л.А. Перовского Гоголь имел в виду, когда ранее, 2 февраля 1830 г., писал матери: «…Собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости <…>, стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. <…> Я хочу прислужиться этим одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи» (X, 130) [Виноградов 2017–2018. 2: 68–69].

[2] В черновой редакции повести имелась еще одна аналогичная черта из мира сумасшедших. В переписке собачек задавался вопрос: «Я не могу понять, отчего люди одеваются, почему не ходят так, например, как мы, и хорошо и покойно» [Гоголь 1937–1952. 3: 562]. Сумасшедший герой на это только замечает: «Дура! Тотчас видно собачий ум. А кто бы тогда узнал, какой чин на нем?» [Гоголь 1937–1952. 3: 562]. Из фривольного «собачьего» контекста герой переводит разговор к более «серьезным» для него вещам. Но по-настоящему глубокий смысл эта тема приобретает в финальной фразе Поприщина в сумасшедшем доме, где «оголенность», снятие «одежд» являют отказ от «королевского» статуса: «Я ничего не имею» (III/IV, 176) [Константинова 2009а: 209]. Размышления о роли одежды как признака социального положения – богатой или бедной – были положены впоследствии Гоголем в основу замысла «Шинели».

6. ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ДУХОВНЫМ ВОЗРАСТАНИЕМ

Под стать праздной жизни Поприщина является затронутая Гоголем в еще нескольких произведениях проблема университетского «барьера» в продвижении чиновников по служебной лестнице. Эта черта, характеризующая героя «Записок...», значима также для других чиновников, изображенных Гоголем: для «майора» Ковалева в повести «Нос», для «ничтожного» «титулярного советника» Башмачкина в «Шинели». Об университетском образовании Поприщин упоминает, когда замечает о начальнике отделения, что тот пишет не вполне грамотно, хотя «и толкует, что где-то учился в университете» (III/IV, 165).

В этом отношении обличительный пафос «Записок сумасшедшего» связан с целым комплексом религиозно-политических и нравственно-богословских правил, законов и заповедей, которые нарушает герой. Главное для Поприщина как государственного служащего заключается в том, что пренебрегаемый героем долг – реализация данного Богом таланта, исполнение своего предназначения в мире – напрямую связан с проблемами государственного строительства, создания православной империи, которую, по словам Гоголя, «Сам Бог строил незримо руками государей» (VI, 144), – государственности, которая служит спасению душ подданных.

В соответствующей статье «Талант» словаря Н.М. Яновского (1803–1806) – издания, бывшего в круге чтения Гоголя, – отмечено: «Внимание к поощрению талантов, коль скоро оные будут в ком замечены, должно быть первейшею обязанностью всякого Правительства, имеющего общественное благостояние своею целью. Попечение Государя о том, дабы его подданные занимали места, соответственно их дарованиям, есть ближайшее средство к достижению истинной славы, а чрез определение к важным должностям добродетельных мужей с отличными талантами процветают и благоденствуют их государства» [Яновский 1806. 3: 787]. Один из новозаветных источников этих положений – об употреблении талантов подданных – Первое соборное послание св. апостола Петра: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией» (гл. 4, ст. 10).

По замыслу Гоголя, изображение героев «Записок сумасшедшего» и «Шинели» – титулярных советников Поприщина и Башмачкина – непосредственно связано с законодательно оформленными условиями продвижения чиновничества по карьерной лестнице, а также с усилиями министра народного просвещения С.С. Уварова по привлечению служащих к сдаче университетских экзаменов для получения следующего чина (и, одновременно, для повышения чиновниками их социального статуса и, соответственно, духовного роста) (см.: [Виноградов 2018b: 43–45]). Без сдачи утвержденных экзаменов перейти со ступени титулярного советника к следующему чину – коллежского асессора – было, по тогдашним правилам, невозможно. Поэтому в «Шинели» Гоголь называет своих нерадивых, бездарно проводящих время героев «*вечными* титулярными советниками» (III/IV, 117; курсив мой. – *И.В.*). Непосредственно в этом заключается ответ на риторический вопрос Поприщина, «отчего», «почему» и «с какой стати» он – лишь «титулярный советник» (III/IV, 169). (Особым образом эту тему Гоголь затрагивает в повести «Нос», герой которой, «майор» Ковалев, стремясь выбраться из титулярных советников, отправляется даже на Кавказ, где чин коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, «майора») присваивался без аттестата и экзаменов.)

Для Гоголя, писателя-«государственника», всегда отстаивавшего правительственные интересы России как отражение потребностей всего общества, решение проблемы «маленького» человека, значимой для любого социального организма, заключалось не в политических преобразованиях, а в духовном и профессиональном росте всех членов социума – «значительных» и «незначительных», в отношении *каждого* к государству и стране как общему достоянию [Виноградов 2017b: 63–65].

Подобный взгляд Гоголя на своих героев определяет главный «водораздел» между его творчеством и сочинениями литераторов последующей, западнической школы Белинского. Христиански-*сострадательное* и в то же время христиански-*требовательное* отношение Гоголя к «маленькому» человеку у его мнимых-«последователей» подменялось умилительно-«филантропическим», «гуманистическим» подходом, с радикальными выводами в отношении к «гнусной расейской действительности» [Белинский 1953–1959. 11: 576–577]. Соответствующим было и истолкование повести последующими советскими комментаторами (см. выше раздел 1). Заявлялось, в частности, что трагизм судьбы Поприщина заключается в том, что «нет надежды вырваться из этого страшного сумасшедшего дома – России» [Макогоненко 1979: 125]. Эпигонством радикальной школы сам Гоголь был недоволен, – даже и тогда, когда оно исходило от его близких знакомых, в том числе от школьных приятелей. Так, два подражания «Запискам сумасшедшего», в духе зарождающейся натуральной школы, написал в 1835 и 1840 гг. его соученик по Нежинской гимназии Е.П. Гребенка. Сначала тот напечатал отрывок «Листок из записок несумасшедшего» [Гребенка 1835]; затем – повесть «Верное зеркало» [Гребенка 1840]. По поводу эпигонских подражаний Гребенки Гоголь в 1841 г. говорил П.В. Анненкову: «...Напишите ему, <…> чтоб он перестал подражать. <…> Он вредит мне. <…> ...Я сержусь и не хочу этого. <…> Зачем же он в мои дела вмешивается? Это неблагородно, напишите ему» [Виноградов 2017–2018. 3: 525]. В 1842 г., в беседе с П.К. Сильчевским, Гоголь также дважды отозвался о Гребенке – вместе с литераторами его круга, В.И. Карлгофом, В.Г. Бенедиктовым, Н.В. Кукольником (последний тоже соученик Гоголя, приверженец Шиллера; в таком виде Гоголь вывел Кукольника в шестой главе «Мертвых душ» [Виноградов 2020b: 33–34]), – что «как писатели они – пустой народ» – «это все пустой народ» [Виноградов 2017–2018. 4: 128].

«Знаковая» последовательность Гоголя, не только в литературе, но и в жизни, его реплики, обсуждавшиеся в публике, позволяют проиллюстрировать его взгляды по поводу социальных преобразований на конкретном примере. Однажды при Гоголе кто-то наступил на лапку болонке, и та завизжала. На это Гоголь не столько в шутку, сколько всерьез заметил: «А не хорошо быть малым!» [Виноградов 2017–2018. 6: 556]. Случай относится к 1850 г., но еще в школьные годы Гоголь, который, по свидетельству его соученика В.И. Любича-Романовича, относился к бедности «с большим вниманием», говорил: «Я бы перевел всех нищих, <…> если бы иметь на это силу и власть». Когда же его спрашивали, как бы он это сделал, отвечал: «Да всем бы построил дома, дал бы им земли и заставил бы работать для себя… А то ведь им головы преклонить некуда, потому они и побираются. При доме же и земле они этого не захотели бы для себя…» [Виноградов 2017–2018. 1: 473]. Позднее Гоголь, размышляя об изображенных им «маленьких» героях, Поприщине, Башмачкине и др. – что «не хорошо быть малым» [Виноградов 2019d: 117], – указывал на возможность их возрастания с получением конкретного университетского образования, которое открывало для чиновников новые, более высокие ступени социальной и государ-

ственной лестницы. Речь при этом шла не только о профессиональном, чиновном, но и духовном росте. Весной 1851 г. Гоголь, узнав от одесского знакомого Ф.Е. Никольского, что тот является студентом первого курса Московского университета, сказал: «Значит, встали на первую ступень умственного развития; ну, дай вам Бог добраться до верхней площадки этой лестницы» [Виноградов 2017–2018. 7: 56]. Показательна в этом отношении судьба еще одного лица, для которого пребывание Гоголя в Одессе зимой 1850/51 г. стало решающим для последующего возрастания. Одесская знакомая Гоголя Е.А. Хитрово была в тот период домашней воспитательницей дочери князя и княгини В.Н. и Е.П. Репниных-Волконских. Впоследствии, благодаря Гоголю, направившего ее в общину сердобольных сестер А.С. Стурдзы, она стала настоятельницей Симферопольской Крестовоздвиженской общины [Виноградов 2017–2018. 6: 558–560].

7. ТЩЕСЛАВИЕ И ВОЗМОЖНОСТЬ ПОКАЯНИЯ

Еще одной «знаковой» общей чертой для Поприщина его начальника – «государственного человека» – является не оправдываемое делами честолюбие – тщеславие героев-«двойников», выражающееся в дворянской спеси Поприщина и сумасшествии героя по поводу его «королевского» достоинства.

Замысел повести о тщеславном чиновнике связан с упомянутой незавершенной сатирической комедией Гоголя «Владимир 3-ей степени», которая, как уже говорилось, была начата в июне-июле 1832 г. и оставлена в августе 1834 г. в связи с началом работы над «Записками сумасшедшего». Сюжет неоконченной комедии основывался на страстном, доводящем до сумасшествия желании чиновника получить орден, дававший дворянское достоинство. (Тема ордена, или знака отличия, была затронута Гоголем еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повестях «Майская ночь, или Утопленница», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Ночь перед Рождеством» [Виноградов 2000: 39–40, 73–74].)

Повесть о честолюбце Поприщине органически связана с осмыслением Гоголем европейской цивилизации как возбудителя низменных страстей человека – прежде всего его эгоизма. Париж, где «один силился перед другим, во что бы то ни стало, взять верх, хотя бы на одну минуту» (как сказано в «Риме»; III/IV, 186), и Петербург, ставший со времен его основателя поприщем для всех неуемных честолюбцев, здесь же и воспитывающихся, в этом обнаруживают свое генетическое родство. Очевидно, по Гоголю, прорубленное «окно в Европу» оказалось для России не только соблазнительной витриной модного парижского магазина – через него шагнул в страну и сам европейский культ «человеческой гордости» (VI, 258), потворство всем телесным и душевным страстям человека.

В таком осмыслении российской действительности Гоголь был не оригинален. Н.М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» (1811) (известной Гоголю предположительно с 1831 г.) писал: «Дотоле от сохи до престола россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях; со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний» [Карамзин 1988: 103]. Здесь же Карамзин указывал на «гражданское честолюбие» как средство, которое Екатерина II с помощью орденов поощряла в России, стараясь возместить этим «охлажденную у нас переменами Великого Петра» «любовь к Святой Руси» [Карамзин: 107].

«Аккуратный немец» Петербург, «на все глядящий с расчетом» («Петербургские записки 1836 года»; VII, 513), немецкий эгоизм (письмо Гоголя к М.П. Балабиной от апреля 1838 г.; XI, 147), французское «желание выказаться, хвастнуть, выставить себя» (повесть «Рим»; III/IV, 186) – все эти гоголевские определения свидетельствуют, что «петербургские» по месту действия «Записки сумасшедшего» являются у Гоголя по существу и «европейскими» (что как бы подчеркнуто расположением этой повести в прижизненном собрании сочинений 1842 г. в непосредственной близости к «Риму»); герой не случайно мыслит себя участником мировой политики.

Помимо бесспорно реально-исторического происхождения многих негативных явлений русской жизни (активное западное влияние, начиная с Петра I), Гоголь и всякий грех осмысляет как «иноплеменничий», – потому что грех действительно инороден душе[1]. Мученичество страдающих героев Гоголя заключается подчас именно в рабстве «чужеземным врагам» (VI, 89) – страстям. Это мученичество не ради Христа, а из приверженности к «врагу» – к миру и его соблазнам – постоянный предмет обличения в устах церковных пастырей (см.: [Виноградов 2020c: 137]). Именно таким неразумным страдальцем и предстает у Гоголя неуемный честолюбец Поприщин в «Записках сумасшедшего». Как позволяет судить обращение к автографу, во втором плане «Арабесок», относящемся к концу августа – сентябрю 1834 г., повесть называлась «Записки сумасшедш<его> мучен<ика>» [Виноградов 1994]. Такое название в полной мере соответствует содержанию повести. «За что они *мучат* меня? <…> я не могу вынести всех *мук* их», – восклицает герой в конце повести, когда, возомнив себя «испанским королем», оказывается в сумасшедшем доме (III/IV, 176; курсив мой. – *И.В.*). И мученичество, и сумасшествие героя заключаются, по Гоголю, прежде всего в его ненасытном и неутолимом честолюбии. В этом отношении «Записки сумасшедшего мученика» вобрали в себя наиболее важные мотивы оставленной комедии «Владимир 3-ей степени».

К «сумасшедшим мученикам» принадлежат у Гоголя и Акакий Акакиевич Башмачкин в «Шинели» (в отличие от подлинного христианского подвижника св. Акакия из сорока севастийских мучеников [Виноградов 2001b: 231]), и Павел Иванович Чичиков в «Мертвых душах» – в его «самоотверженном» «подвиге» стяжания («Трудом и потом, кровавым потом добывал копейку»; V, 354), и шулер Ихарев в «Игроках» («Каждая дюжина золотая. Потом, трудом досталась всякая»; III/IV, 370), и приверженец моды Хлестаков в «Ревизоре» (который в черновой редакции комедии замечает: «…вот кладу крест (крестится), если не буду играть между ними (провинциальными помещиками. – *И.В.*) первую роль... <…> Нет, <…> лучше как-нибудь поголодаю» [Гоголь 1937–1952. 4: 266]). Мученичество всего «цивилизованного» мира Гоголь тоже осмыслял как безумие. Сострадая к «тягостному выраженью в лицах синих блуз и всего народонаселения Парижа» (повесть «Рим»; III/IV, 194), он видел в этом прямое следствие рабства греху. В набросках к не дошедшим до нас главам второго тома «Мертвых душ» он замечал: «Вот оно, вот оно, что значит, а не то, что нынешнее просвещение, которое превратило человека в машину...» (V, 491). Только освобождение от рабства греху станет, по убеждению Гоголя, освобождением от египетского рабства, египетского труда и

[1] Деятельность Петра как государственника от негативного западного влияния в петровскую эпоху Гоголь отделяет, замечая, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»; VI, 156).

русского, и всех промышленных народов Европы. «Нищенство, – замечал он в «Выбранных местах из переписки с друзьями», – есть блаженство, которого еще не раскусил свет. Но кого Бог удостоил отведать его сладость и кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища мира» (VI, 124–125).

В качестве одного из главных средств, возвращающих человека к духовному здоровью, Гоголь называл физические болезни («Значение болезней»; VI, 18–19). Этот «оздоравливающий» аспект воплощается в «Записках сумасшедшего» во внезапном прозрении больного героя на «водных процедурах» в сумасшедшем доме – в «аду» («Такого ада я еще никогда не чувствовал»; III/IV, 175). Начало мученичества Аксентия Поприщина помечено в дневнике «февруарием»: «Мадрид. Февруарий тридцатый» (III/IV, 173). Ошибочно считать появление такого слова «школярной латынью» [Долгобородов 1997: 22]. «Февруарий» прямо отсылает к житиям святых, а именно, ко второму тому «Книги житий святых. На три месяца вторыя, еже есть: Декемврій, Іаннуарій и *Февруарій*», где непосредственно содержится жизнеописание небесного покровителя героя – св. преподобного Авксентия Вифинского, «в воинском чине и в царской палате знаменитого», «в Божественном писании и во внешнем любомудрии искусного», – принявшего на себя иноческий образ и ставшего молитвенником-чудотворцем (память св. Авксентия Вифинского совершается 14/28 февраля) [Димитрий Ростовский 1764. 2: 515 об.–517]. Известны еще три святых с именем Авксентий, в том числе мученик, – пресвитер, «издавна славный родом и житием», которого мучитель обвинял в безумии [Димитрий Ростовский 1764. 2, л. 95 об.–96, 98]; [Долгобородов 1997: 25–26]. Последняя запись Аксентия Поприщина, – тяжелый плод мученичества, возвращающего героя в сознание, – представляет собой подлинную сердечную молитву. В такой оценке заключительного эпизода повести сходятся большинство исследователей [Лукин 1996: 69; Долгобородов 1997: 25; Константинова 2009b: 171; Карл 2010: 246; Кёнёнен 2010: 154–155; Ревзина 2020: 308; Виноградов 2021b: 291–292].

Кричавший ранее «изо всей силы» о своем «нежелании быть монахом» (III/IV, 175), «испанский король» смиряется. В момент мученичества ему приходит общехристианское сознание своего «значения» в мире: «За что они мучат меня? Чего хотят они от меня, бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею» (III/IV, 176). – «...Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял...» (Иов 1, 21); «Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей» (Екк. 5, 14); «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» (1 Тим. 6, 7).

В 1902 г. профессор психиатрии И.А. Сикорский (выпускник Киевской Духовной семинарии и Киевского университета Св. Владимира, сын священника) в связи с финалом повести, завершившейся не выздоровлением, а новым погружением «сумасшедшего мученика» в бред («у алжирского дея под самым носом шишка»; III/IV, 176), замечал: «Хотелось бы читателю, чтобы несчастный, на минуту стряхнувший с себя безумие, умер *человеком*, но он умирает *безумцем*. Это событие невольно напоминает <…> трагический факт отречения от Христа христианских мучеников в самый момент мученической смерти. Церковь признавала таких мучеников святыми, потому что отречение их совпало с моментом и с процессом

самой смерти: Христианская Церковь справедливо признавала, что они “претерпели до конца”» [Сикорский 1902 <1903>: 430].

Архимандрит Феодор (Бухарев) писал о финале «Записок сумасшедшего»: «Всего <…> вы коснулись, поэт! Во всем прославили и возблагодарили Божественную Отеческую Любовь, <…> не оставляющую <…> глупых детей <…> и в бесчувственной болезни, по поводу которой иной мыслитель задает небу гордый ропщущий запрос...» [Феодор (Бухарев) 1861: 146].

Чем бы, однако, ни разрешался открытый финал повести, он в любом случае остается поучительным, даже если безумие героя остается беспросветным. Как писал об изображенном им сумасшедшем В.П. Андросов в упомянутом «Случае, который может повториться», в самом образе безумия заключен немой урок и напоминание о бренности человека: «...В этой развалине <…> заключено высокое, безмолвное убеждение, в прах низлагающее нашу гордыню» [Андросов 1834: 154][1]. Сокрушение всех желаний «испанского короля», «память смертная» и весть о «ревизоре, который ждет нас у дверей гроба» (III/IV, 493), об «ответе Небу» (VI, 243), заключенные в финале «Записок сумасшедшего», которые завершают «процесс самопознания» героя [Кузнецов 1992: 41], – сближают ее окончание с финалом «Ревизора».

Такую же связь обнаруживают заключительная сцена «Записок...» и с завершающими главами «Тараса Бульбы». В предпоследней главе мучимый врагами Остап, желая «пересилить муки» (VII, 247), обращается за утешением к земному отцу: «Батько! <…> слышишь ли ты все это?» – и получает ответ Отца Небесного: «Слышу!» (I/II, 407) (отчего «весь миллион» стоящего вокруг народа «вздрагивает» (I/II, 407), – с таким же испугом замирают в «немой сцене» герои-грешники «Ревизора»). Позднее в статье «Напутствие» Гоголь писал: «Все вижу и слышу: страданья твои велики. <…> Но вспомни: <…> всех нас озирает свыше Небесный Полководец, и ни малейшее наше дело не ускользает от Его взора» (VI, 155). Так же точно, подобно Остапу Бульбе, мучимый, но более слабый и более грешный герой, Аксентий Поприщин, обращается с «плачем» к родной *матери*, но в его «плаче» тоже прорывается молитва к Небу, к Царице Небесной: «Матушка моя, за что они мучат меня. [Царица] <Ко>ролева моя светлая [взгляни]...» [Гоголь 2003–2020. 3: 444, 222]. Плач-молитва «рыцаря бедного»[2] Поприщина становится в ряд тех молений, о которых говорится в Библии: «Между притвором и жертвенником да плачут священники, служители Господни, и говорят: “пощади, Господи, народ Твой...”» (Иоил. 2, 17). Заключительной молитвой героя «Записки сумасшедшего» приобретают широкое символическое значение, становятся притчей обо всем страждущем человечестве, чающем от Бога избавления и ответа: «И ответит Господь, и скажет народу Своему: вот, Я пошлю вам хлеб и вино и елей, <…> и более не отдам вас на поругание народам» (Иоил. 2, 19)[3]. По-настоящему

[1] Ближайший «прототип» Поприщина в «Вечерах...» – сходящая с ума от потери сына Катерина – не молится, но только, как и герой «Записок...», вспоминающий в бреду об алжирском дее, ведет себя не соответствующе своему трагическому положению: танцует, смеется и поет. Однако этот образ тоже содержит в себе мысль о конечности и бренности.

[2] [Пушкин 1837b: 220].

[3] Можно предположить, что, оставляя в образах «живых», но вымышленных героев молитвенное обращение к земному отцу и к земной матери, Гоголь сознательно не позволял себе окончательно переходить границу, отделяющую светское художественное произведение от духовной литературы – житий и Священного Писания. У этой осторожности могли быть и соображения цензурного характера. Все, что было связано с религиозным почитанием и культом, к печати в светских произведениях цензурой в то время не допускалось (см.: [Виноградов 2021a, с.341–347]).

молитвенное обращение героя к матери придает «Запискам сумасшедшего» особый прообразовательный характер и, подобно воззванию «маленького человека» в «Шинели» («Я брат твой!»; III/IV, 119), сообщает ей общечеловеческое звучание. (Показательно и то, что в статье «Напутствие», напоминая приятелю о взирающем на него с небес Отце, Гоголь отмечает попутно далеко не идеальное состояние адресата: его «нервические припадки и недуги» (VI, 155). Едва ли Гоголь не подразумевал при этом черты психически неуравновешенного героя «Записок сумасшедшего».)

8. ОТ «ЗАПИСОК СУМАСШЕДШЕГО» К «МЕРТВЫМ ДУШАМ» И «РАЗМЫШЛЕНИЯМ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ»

По-видимому, именно от повестей о мучимых, страдающих героях в «Миргороде» и «Арабесках» – Остапе Бульбе и Аксентии Поприщине – берут начало и размышления Гоголя о молитве-плаче и значении Псалтири, которые он изложил позднее в письмах к больному поэту Н.М. Языкову. Переписывая в начале 1840-х гг. Псалтирь для себя и А.О. Смирновой, Гоголь трижды обращался к строкам шестого псалма: «...Измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу»[1] (ст. 7). Рекомендуя в 1844 г. Псалтирь Языкову, он тоже призывал его молиться со слезами: «...Когда страданья <…> бывают невыносимо мучительны <…>, бросайся в плач и слезы. Молись рыданьем и плачем. <…> Давид <…> обливал одр свой слезами, и получал тут же чудное утешение. <…> ...В Давидовых псалмах <…> излиянья нежной глубоко страдавшей души... <…> Вот почему остались они как лучшие молитвы, и до сих пор в течение тысящелетий низводят утешенье в души» (XII, 327, 329).

Тема молитвы страдающего человека, воплощенная в двух повестях, в «Тарасе Бульбе» и «Записках сумасшедшего», а также раздумья в «Арабесках» в статье «Жизнь» о чаянии древними народами грядущего Спасителя являются в гоголевском творчестве определенным «прологом» с последующему созданию книги о Литургии (замысел книги «Размышлений о Божественной Литургии» относится предположительно к началу 1842 г.). 1 сентября (н. ст.) 1842 г. Гоголь писал матери о страждущем чиновнике, случайно встреченном ею в Харькове: «Если вы почувствуете, что слово ваше нашло доступ к сердцу страждущего душою, тогда идите с ним прямо в церковь и выслушайте Божественную Литургию. Как прохладный лес среди палящих степей, тогда примет его молитва под сень свою» (XII, 121). Во «Вступлении» к «Размышлениям о Божественной Литургии» Гоголь повторял: «Скорбя от неустроений своих, человечество отвсюду, со всех концов мира взывало к Творцу своему...» (VI, 349). При этом Гоголь подчеркивал, что к Богу взывали в древние времена и язычники – те, что пребывали «во тьме язычества» и были «лишены Боговедения» (VI, 349). Это уточнение в свою очередь, как широкое обобщение, очевидно, включает в себя и Поприщина, являющегося, по своему «пошлому» состоянию, почти язычником. В «Размышлениях о Божественной Литургии» Гоголь упоминал и о том, что человек, созерцая «небесную красоту», «*плачет*», сетуя «на свое бессилие, на то, что не может весь предаться красоте» (VI, 397; курсив мой. – *И.В.*). Истолкована была и вторая из Заповедей блаженств – о плачущих: «*Блаженны плачущие, яко тии утешатся* – плачущие еще больше о собственных несовершенствах и прегрешениях, чем от оскорбле-

[1] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 44. Л. 5, 15 об.; Рукописный отдел Пушкинского Дома (ИРЛИ). Ф. 652. Оп. 1. № 8. Л. 4.

ний и обид, им наносимых» (VI, 361). Молитвенный характер носят также строки статьи Гоголя «Нужно любить Россию»: «Уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодованье благородных на бесчестных, но *вопль* всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в домы этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и все сливается в один потрясающий *вопль*…» (6: 88–89; курсив мой. – *И.В.*). Это заставляет задуматься о самом характере гоголевского «смеха сквозь слезы». Как и размышления о молитве и Литургии, мысли о «видном миру смехе и незримых, неведомых ему слезах» (V, 130), по-видимому, также восходят к 1830-м гг., времени создания «Записок сумасшедшего».

Избегая идеализации, не вводя в повесть «благородного» (III/IV, 467), «добродетельного» лица (V, 215) [Виноградов 2024a], Гоголь в образе самого Поприщина напоминает читателю о преображении человека. В последней сцене искренность героя перед собой, которая наконец становится доступной «испанскому королю», сознание своей духовной нищеты («...Наг я вышел из чрева матери моей...»; Иов 1, 21), закономерно вызывают в нем жажду очищения и возвращения блудного сына к Отцу. На это глубоко ценимое качество Гоголь обращал внимание в письме к Н.М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1845 г. (явно подразумевая при этом «собачью» жизнь Поприщина и заключительный миг его пробуждения): «...Блажен тот, кто, оторвавшись вдруг от разврата и от подлой пресмыкающейся жизни, <…> *особачившим* дни ее, <…> вдруг пробуждается в *великую минуту* и <…> входит в трезвость души <…> и становится таким образом возвышеннее даже того, кто всю жизнь провел в честности» (XIII, 12; курсив мой. – *И.В.*). В образе прозревающего Поприщина сказывается тот психологизм, который лег позднее в основу изображения «мертвых душ» в одноименной поэме Гоголя. По предельной исповедальности и искренности монолог героя в полной мере предвосхищает те исповедь и покаяние, которые принес у Ф.М. Достоевского Раскольников в «Преступлении и наказании». Несмотря на разность героев, общим для них является христианская жажда восстановления в себе падшего человека.

«Проблеск» сознания героя «Записок сумасшедшего» становится возвращением блудного сына из «Испании» в Россию – на «тройке быстрых, как вихорь, коней»: «Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся, кони, и несите меня с этого света! <…> ...С одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют» (III/IV, 176). Эти строки прямо перекликаются, с одной стороны, с изображением «бледного отражения чувства, явления, подобного неожиданному появлению на поверхности вод утопающего» в трагическом образе Плюшкина в «Мертвых душах» [Виноградов 2019d: 115–116], с другой – с знаменитым изображением здесь же, в финале поэмы, «вдохновенной Богом» Руси-тройки, летящей «вихрем», «по воздуху», в неведомую даль (V, 239) [Гуковский 1959: 318–319; Паламарчук 1990a: 389][1].

«Возврат» Поприщина – из «небытия» безумия – на родину, на тройке с колокольчиком, «повторяется» и в словах статьи Гоголя «Петербургская сцена в 1835–36 г.» о «возврате» нашей «славянской певучей природы» от французских «неистовых»,

[1] Подобным образом сват Кочкарев в «Женитьбе», потенциальный вдохновитель «байбака» Подколесина к новой жизни, упоминает о своих лошадях-«птицах»: «А мои гнедые птицы <…> хоть кого обгонят» [Гоголь 1937–1952. 5: 318].

«безобразных» мелодрам к «утешительной» опере, которую следовало бы сочинить «из наших народных мотивов»: «Это не наша ли славянская певучая природа так действует? И не есть ли стремление это – возврат к нашей старине после путешествия по чужой земле европейского просвещения, где около нас говорили всё непонятным для <нас> языком и мелькали незнакомые люди, но возврат на русской тройке, с заливающимся колокольчиком, с которой мы привстаем на бегу, помахиваем шляпою и говорим: в гостях хорошо, а дома лучше» (VII, 505–506).

В «Арабесках» «музыкальному» мотиву возврата русского человека на родину соответствует содержание статей «Скульптура, живопись и музыка» и «О малороссийских песнях» [Дерюгина 2009а: 523]. В первой говорится о значении музыки в противостоянии современному меркантилизму, во второй – что «только в последние годы, в эти времена стремления к самобытности и собственной народной поэзии, обратили на себя внимание малороссийские песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе» (VII, 170). Подобно высокому значению фамильного прозвища героя, эти переклички статей о музыке с «Записками сумасшедшего» тоже указывают на позитивный контекст, на фоне которого совершается «европейски» окрашенное сумасшествие Поприщина.

Работе над «Владимиром 3-ей степени» в 1833 г., по-видимому, существенно способствовал приезд 20 ноября в Петербург А.С. Пушкина [Виноградов 2017–2018. 2: 262] (поэт отсутствовал тогда в Петербурге более трех месяцев). Вскоре, 2 декабря 1833 г., Гоголь прочел Пушкину написанную в его отсутствие «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (повесть о двух ссорящихся безумцах), а Пушкин в тот же период познакомил Гоголя с написанными осенью 1833 г. в Болдино поэмами «Анджело» и «Медный всадник» [Виноградов 2017–2018. 2: 264, 266]. Перекличка с «Анджело» появилась летом-осенью 1834 г. в статье Гоголя в «Арабесках» «Ал-Мамун»[1]. Размышления о безумии, воплощенные Пушкиным в «Медном всаднике» (опубл. в 1837 г.), вероятно, тоже нашли отражение в работе Гоголя, сказавшись, во-первых, во «Владимире 3-ей степени», а затем в «Записках сумасшедшего»[2]. В частности, с чертой пушкинского героя, сходящего с ума, перекликается зависть Поприщина к успехам других. Евгений также замечает: «Что ведь есть / Такие праздные счастливцы, / Ума недальнего, ленивцы, / Которым жизнь куда легка!» [Пушкин 1837а: 7]. Почти тождественным является и «политический» аспект безумия обоих героев. «Злобный», «обуянный силой черной» Евгений готов поднять бунт против самого царя (по ненависти к правителю это роднит его с цареубийцами из пушкинской оды «Вольность»: «Вином и злобой упоенны, / Идут убийцы потаенны. <…> О стыд! о ужас наших дней! / Как звери, вторглись янычары!..» [Пушкин 1937–1959. 2, кн. 1: 44–45]). «Революционному» настроению пушкинского героя вполне соответствует «бунтарская» – пагубная для государства – «бездеятельная деятельность» сумасшедших чиновников Гоголя, пренебрегающих исполнением своего гражданского и христианского долга, – нерадивых исполнителей воли Государя.

Одновременно, как подметил В.Г. Одиноков [Одиноков 2006: 32–33], дается ответ и на вопрошание, поставленное в «Медном всаднике»: «Куда ты скачешь,

[1] В поэме Пушкина: «...Дук переодетый <…> все видел, наблюдал... <…> ...Он <…>, может быть, хотел / Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду» [Пушкин 1834: 74]. В гоголевской статье: «Гарун умел ускорить весь административный государственный ход <…> страхом своей вездесущности. Наместники и эмиры <…> опасались встретить всезрящего, переодетого калифа...» (VII, 349).

[2] Отмечена общая близость образов пушкинского Евгения в «Медном всаднике» и гоголевского Поприщина [Пумпянский 1986: 111, 114].

гордый конь, / И где опустишь ты копыта?» [Пушкин 1937–1959. 5: 147]. Образ устремленного в будущее, первоначально на Запад, петровского коня превращается в «Записках сумасшедшего», а затем в «Мертвых душах» в летящую тройку, возвращающуюся «после путешествия по чужой земле европейского просвещения» на родину (VII, 505). Воплощенные в повести неидеальные образы Германии, Англии, Франции, Испании сменяются в глазах героя мелькнувшей на миг Италией и видом русских изб с родным домом: «в гостях хорошо, а дома лучше» (VII, 506).

9. ПСЕВДОКУЛЬТУРА

Пробуждение Поприщина оканчивается, однако, новым погружением в бред. Сознание соскальзывает в колею привычного образа жизни, круга интересов и полученного образования. Происхождение безумия Гоголь ищет не в патологии и физиологии, но в круге понятий, формирующих человека.

Одной из «сквозных» и устойчивых тем обличительных произведений Гоголя является тема мнимых ценностей, псевдо-«духовных» авторитетов и ориентиров, которыми руководствуются представители «просвещенного» образа жизни (см. подробнее: [Виноградов 2024]). В «Записках сумасшедшего» дезориентирующий, мнимовозвышенный характер всевозможных обольщающих пристрастий – литературных, культурных, политических – подчеркивается, во-первых, узким, примитивным кругом чтения и ярмарочно-театральными интересами героя. Поприщин записывает в дневнике: «Был в театре. Играли русского дурака Филатку. Очень смеялся» (III/IV, 162).

Под «дураком Филаткой» («*Филатка* м. дурачок...» [Даль 1882. 4: 549]) имеется в виду один из псевдонародных петербургских водевилей – «Филатка с детьми на деревенском празднике» П.И. Григорьева 1-го или «Филатка и Мирошка – соперники, или Четыре жениха и одна невеста» П.Г. Григорьева 2-го[1]. С конца XVIII – начала XIX в. «урод Филатка» был также предметом сатирического изображения на лубочных картинках [Гозепуд 1959: 126].

Характеризуя поручика Пирогова в «Невском проспекте», повествователь тоже упоминает о «Филатках»: «В театре, какая бы ни была пьеса, вы всегда найдете одного из них, выключая разве если уже играются какие-нибудь “Филатки”, которыми очень оскорбляется их разборчивый вкус» (III/IV, 29–30). Из этого замечания явно следует, что «вкус» героя «Записок сумасшедшего» настолько «малоразборчив», что оказывается ниже, чем даже у пошлого поручика. Однако, несмотря на ограниченный кругозор, Поприщин считает себя многим выше окружающей среды: «Я люблю бывать в театре. Как только грош заведется в кармане – никак не утерпишь не пойти. А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи: решительно не пойдет, мужик, в театр; разве уже дашь ему билет даром. Пела одна актриса очень хорошо» (III/IV, 162–163).

Далее в дневнике герой записывает: «После обеда ходил под горы» (III/IV, 170), т. е. посетил народные гулянья и балаганные представления вокруг ледяных гор, которые традиционно устраивались в Петербурге на Дворцовой и Адмиралтейской площадях. В исключительном репертуаре этих представлений были французские и итальянские пантомимы. Обзоры петербургских балаганных уве-

[1] Пьесы были поставлены, одна за другой, на сцене петербургского Александринского театра 23 ноября и 30 ноября 1831 г.; представления давались в последующие сезоны 1832/33, 1833/34, 1834/35 гг.; не выходили из репертуара и позднее; [Вольф. 2: 22, 26, 31, 35, 39, 49, 55, 62, 80, 90, 99, 108, 185]. Известен также водевиль «Митавская ярмарка, или Филатка в маскараде», дававшийся в Малом театре в Москве 15 июня 1831 г. и 13 июля 1832 г. [Гозепуд 1959: 314–319, 620].

селений рекламного характера часто помещал в 1827–1836 гг. в своей газете «Северная Пчела» Ф.В. Булгарин [Виноградов 1999].

Кроме того, Поприщин с увлечением читает в той же булгаринской газете, в «Пчелке», «очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком» (III/IV, 161). Как выясняется, статьей, читаемой Поприщиным, является «Письмо из Курска в столицу» неизвестного, напечатанное в газете под псевдонимом «П–в» 5 марта 1832 г. [Виноградов 2024]. Курский корреспондент с восхищением описывает роскошный бал, устроенный для местного дворянства губернатором П.Н. Демидовым: «Полтораста человек трудились неусыпно около пяти недель над убранством всех зал... <…> Тысячи, мириады прелестно расположенных разнородных огней отражаясь во множестве зеркальных и металлических украшений, ослепляли зрение... <…> Мне казалось, <…> я вижу <…> волшебные места величественного Эльборуса... <…> Что касается до самого общества, то напрасно старался бы я изобразить изящность оного, особенно прелестного пола, которым Курск <…> всегда славился и гордился. <…> В 5 часов по полуночи кончился сей блистательный бал» [П–в 1832: 2–3].

В бальной теме – с сочетанием на «сияющих» балах роскоши и женского обаяния – обличительные мотивы «Записок сумасшедшего» переплетаются. Позднее, в заметках «К 1-й части» «Мертвых душ», Гоголь, указывая на сугубое «соединение» в бальной атмосфере светских соблазнов, подмечал: «Сторона *главная*, бальная, общества» (V, 503; курсив мой. – *И.В.*). За «богатым убранством» директорской квартиры, с «зеркалами и фарфорами», которым прельщается герой (III/IV, 163), скрывается «будуар» светской красавицы, любящей балы: «...Софи <…> в чрезвычайной суматохе <…> собиралась на бал... <…> ...Софи всегда чрезвычайно рада ехать на бал...» (III/IV, 166). С бала красавица приезжает «в шесть часов утра» (III/IV, 166). (Едва ли не намеренно Липушку «Невского проспекта» Гоголь тоже характеризует репликой: «А я только что теперь проснулась; меня привезли в семь часов утра»; [Гоголь 1937–1952. 3: 32, 365].) Будуар героини с роскошными нарядами Поприщин называет «раем, какого и на небесах нет» (III/IV, 163).

К проблеме мнимодуховных культурных «запросов» героя присоединяется в повести тема ограниченного политического кругозора героя. Эта составляющая образа Поприщина тоже соотносится с содержанием газеты Булгарина «Северная Пчела»; кроме того, является продолжением в повести «польской» темы[1]. Ф.В. Булгарин – польский уроженец, католик по вероисповеданию, служил в 1812 г. в войсках Наполеона, впоследствии – друг декабристов и сотрудник III Отделения. Характеризуя Булгарина, А.Ф. Воейков в известной сатире «Доме сумасшедших» писал: «Сабля в петле, а французский / Крест зачем же он забыл? / Ведь его он кровью русской / И предательством купил»; «Но на чем же он помешан? / Совесть ум убила в нем: / Все боится быть повешен / Или высечен кнутом» [Дельвиг 1912: 106; см. также: Поэты... 1971: 300][2].

---

[1] См. выше примеч. к разделу 5.

[2] О «сатире на литераторов Воейкова – “Дом сумасшедших”» сам Гоголь упоминал позднее в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Воейковскую сатиру он относил к сочинениям, «в которых всюду видна большая сила» и в которых «желчь Ювенала соединилась с каким-то особенным славянским добродушием» (VI, 183). 19 февраля 1832 г. Гоголь присутствовал на обеде, данном петербургским литераторам А.Ф. Смирдиным по случаю переезда его книжного магазина. На этом обеде Воейков читал публично отрывки из «Дома сумасшедших», посвященные Н.И. Гречу, Ф.В. Булгарину и Н.А. Полевому [Дельвиг 1912: 105–106].

Благодаря показному патриотизму «сумасшедший» (по определению Воейкова) Булгарин получил право печатать в своей газете зарубежные новости. Именно в «Северной Пчеле» из номера в номер подробно освещались «испанские дела», которыми интересуется герой «Записок...». В газете этим событиям периодически отводился специальный отдел, который так и назывался: «Испанские дела» (впервые появился в газете 26 октября 1833 г.; сохранялся там до конца года; существовал в газете и позднее, после завершения Гоголем повести). В рассуждениях Поприщина об «испанских делах» нашли отражение действительные исторические события 1833 г.: смерть короля Фердинанда VII и последовавшая за этим борьба за испанский престол, в которой принимали участие заинтересованные иностранные государства, в частности Англия и Франция[1].

С чтением «Северной Пчелы» связано и упоминание Поприщина об «алжирском дее» (в черновой редакции вместо «алжирского дея» упоминался «французский король» [Гоголь 1937–1952. 3: 214, 571]). Именно «Деем Алжирским» правитель Алжира назывался в публикациях газеты, посвященных завоеванию страны французами в 1830–1834 гг.[2]

Однако искать в политических рассуждениях Поприщина какого-то глубокого смысла не приходится. Рассуждения о политике героя, теряющего рассудок, являются, по Гоголю, не более чем пустыми умствованиями, подобными рассуждениям о сходных «французских делах» одного из героев «Невского проспекта». Псевдозначимый разговор о французской политике, «о Лафайете» (III/IV, 39), занимает в «Невском проспекте» героя вместо должного внимания к своей жене – так же, как «испанские дела» «удерживают» героя «Записок сумасшедшего» от хождения в департамент, от службы: «Я было уже совсем хотел идти в департамент, но разные причины и размышления меня удержали. У меня всё не могли выйти из головы испанские дела. <…> ...Эти происшествия так меня <…> потрясли, что я решительно ничем не мог заняться... <…> Большею частию лежал на кровати и рассуждал о делах Испании» (III/IV, 170) (см. подробнее: [Виноградов 2021а: 239–240]). Умствования о политике являются для Поприщина таким же обманчиво «возвышающим» его в собственных глазах «делом», каким является для него столь же мнимовысокое увлечение театром. Занятия политикой входят в круг его *королевских* «обязанностей», занятий, делающих его важным лицом.

Аналогией к «переживаниям» Поприщина по поводу европейской политики является горделивый интерес праздной аристократической дамы в третьей главе «Мертвых душ» к тому, «какой политический переворот готовится во Франции, какое направление принял модный католицизм» (V, 58), т. е. тоже к «французским» и другим европейским делам. Дама занята этими вопросами вместо должного внимания к тому, «что делается в ее доме и в ее поместьях, запутанных и расстроенных благодаря незнанью хозяйственного дела» (V, 58). В образе ари-

[1] «“Испанские дела” 1833 г., за которыми следит Поприщин по “Северной Пчеле”, доведены Гоголем до провозглашения королевой малолетней дочери Фердинанда VII <…>, лишь до первой вспышки вызванного этим движения карлистов, сторонников Дон-Карлоса, брата Фердинанда VII; право на престол племянницы Дон-Карлос оспаривал... <…> Возможно, что по замыслу Гоголя Дон-Карлос 1833 года сливается в фантазии Поприщина с героем Шиллера, и что именно поэтому, попав в сумасшедший дом, Поприщин принимает его обитателей за доминиканских монахов, а больничного надзирателя – за великого инквизитора (Карлос у Шиллера отдан Филиппом в руки великого инквизитора)» [Комарович 1938: 703–704]. – О драме Ф. фон Шиллера «Дон Карлос» Гоголь упоминал в письме к А.С. Данилевскому от 8 февраля 1833 г. (X, 210).

[2] См.: Северная Пчела. 1830. 22 мая. №61. С. 3; 28 июня. №77. С. 3; 19 июля. №86. С. 3; 26 авг. №102. С. 3; 4 сент. №106. С. 3; 1831. 19 сент. №211. С. 2.

стократической дамы – «сестры» Коробочки (V, 58) – Гоголь подразумевал княгиню З.А. Волконскую, известную отступничеством от Православия. В качестве прообраза космополитической дамы, кроме Волконской, Гоголю, по-видимому, послужила неверная жена из упомянутой пушкинской поэмы «Граф Нулин», которая «совсем / Своей хозяйственною частью / Не занималася, затем, / Что не в отеческом законе / Она воспитана была, / А в благородном пансионе / У эмигрантки Фальбала» [Пушкин 1827: 5].

Праздный интерес Поприщина к «испанским делам», заключительная фраза в его дневнике о том, что «у алжирского дея под самым носом шишка», вполне «родственны» и беседе «двух толстяков» о «строящейся церкви» в том же «Невском проспекте» (вместо разговора об «архитектуре» те рассуждают, «как странно сели две вороны одна против другой»; III/IV, 39), разговору двух праздных «русских мужиков, стоявших у дверей *кабака*» в начальной главе поэмы, о том, куда доедет и куда не доедет «колесо» чичиковской брички (V, 9; курсив мой. – *И.В.*). В целом политические рассуждения Поприщина, вместо исполнения им служебного долга, связаны с представлениями Гоголя о пагубном «рассеянии» современного «цивилизованного» человека, определившие общий замысел «Арабесок» [Виноградов 2021b: 282–288]. Повесть является историей человека, находящегося в «состоянии внутренней раздробленности»; поднимает проблему обретения «духовной целостности» [Бурмистрова: 256].

Об авторской оценке занятий Поприщина политикой можно судить по тому, как относился к истории и политике сам Гоголь. Писатель неизменно подчеркивал, что «прошедшее <…> и отдаленное возлюбляется по мере его надобности и потребности в настоящем» (письмо к Н.М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1845 г.; XIII, 11). В <Авторской апологии> (или, как неточно называют это произведение, <Авторской исповеди> [Виноградов 2022b]) Гоголь замечал: «У меня не было влеченья к прошедшему. Предмет мой была современность в ее нынешнем быту…» (VI, 231). Комментируя признание Гоголя, протопресвитер В.В. Зеньковский в одной из своих ранних работ писал: «История была дорога Гоголю лишь как ключ к настоящему, не сама по себе в своей фактичности и неповторимости, а в ее смысле, если угодно – в ее уроках» [Зеньковский 1916: 44]. Конкретную «фактичность» мировой истории и ее общее содержание Гоголь оценивал по преимуществу как цепь приближений человечества к истине или удалений от нее, заблуждений на пути к Богу: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги» (V, 203); «...Во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы <…> теперь не сделал и ребенок» (V, 203). О «ничтожности» множества мировых событий – с точки зрения их итогов и в отношении к конечной цели истории – Гоголь размышлял в период создания «Записок сумасшедшего» в «Миргороде», в историческом отступлении рассказчика «Старосветских помещиков»: «Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец все это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда <...> два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, и ссора объемлет <…> целое государство» (I/II, 293). При этом Гоголь

и в «Старосветских помещиках» подчеркивал практический характер своих занятий историей: «Но оставим эти рассуждения: <...> я не люблю рассуждений, когда они остаются только рассуждениями» (I/II, 293). Герой «Записок сумасшедшего», поглощенный европейской политикой, никаких по-настоящему нравоучительных, практических уроков из современной истории для себя не извлекает. Напротив, чтение колонки «Новостей заграничных» «Северной Пчелы» становится для него одной из причин сумасшествия, обывательским следованием общим заблуждениям толпы.

10. «ДОНКИШОТСТВО»

В критике мнимых ценностей, которую воплотил Гоголь в образе Поприщина, значимое место занимает авторское понимание своего героя как безумного Дон Кихота. Черты смешного испанского безумца сказываются прежде всего в заботе Поприщина о «нежном шаре» – луне – и в беспокойстве героя о том, что «земля вещество тяжелое и может, насевши, размолоть в муку носы наши» (III/IV, 174), – отчего тот спешит «в залу Государственного совета, с тем чтоб дать приказ полиции не допустить земле сесть на луну» (III/IV, 174). Отмечен целый ряд других черт Дон Кихота в облике Поприщина [Светлакова 2011: 429–431, 434]. Необходимо при этом иметь в виду, что понимание «рыцаря Печального Образа» в XVIII – первой половине XIX в. существенно отличалось от того, как этот образ стал интерпретироваться позднее. Образ Дон Кихота во времена Гоголя оценивался, за редкими исключениями, только критически – как тип неразумного мечтателя и волокиты. В романе Сервантеса гоголевские современники видели преимущественно сатиру на этот отрицательный тип [Любимова 1969: 182]. Так, писатель Н.М. Яновский, автор упомянутого энциклопедического словаря «Новый словотолкователь», в статье «Роман» писал: «Господство рыцарей и рыцарских романов продолжалось и до самого того времени, как Мигель Сенвант, Гиспанец, издал в свет роман свой под названием Дон Кишота, <это> прекрасное творение и весьма острая сатира нащет всего Гиспанского дворянства, которое было им столько осмеяно, что наконец оное принужденным нашлось оставить вкус к рыцарству, быв до того страстно к нему приверженным» [Яновский 1806. 3: 579]. В другой статье – «Паладин» – Яновский добавлял: «Паладин. Витязь, богатырь. Так называют древних странствующих рыцарей... <…>; сии рыцари искали разных случаев, <…> дабы ознаменовать свое мужество и волокитство. <…> Из числа рыцарей сего рода был знаменитый Дон Кишот <…>, прекрасно описанный Сервантом Сааведрою» [Яновский 1806. 3: 174–175].

Представление о «Дон Кихоте» как сатире Сервантеса на своего героя в полной мере разделял и Гоголь. В качестве нарицательного имя Дон Кихота он неизменно употреблял в отрицательном контексте. Говоря о романе Сервантеса, он писал, что в «Дон Кихоте» тот «посмеялся над охотой к приключениям, оставшимся, после рококо, в некоторых людях» («Учебная книга словесности для русского юношества»; VI, 332)[1].

Негативные черты безумца Дон Кихота определяют облик Поприщина преимущественно в политическом отношении. В том же номере «Северной Пчелы», где было помещено прочитанное Поприщиным описание курского бала (от 5 марта 1832 г.), в разделе «Новости заграничные» сообщалось: «Франция. Париж, 2-го

[1] Под «рококо» Гоголь подразумевал стиль барокко, родственный романтизму (о критике Гоголя романтизма, с его ложновозвышенным пафосом, свойственным, в частности, по оценке Гоголя, немецкому романтику Ф. фон Шиллеру, см.: [Виноградов 2022с]).

Марта н. ст. <…> В течение недели опять забраны под стражу в Париже до 70 человек, по подозрению в заговоре против Правительства. Но ночам ходили по городу многочисленные патрули от войск и от народной гвардии; но по сие время ничто не оправдало сих мер предосторожности» [Новости заграничные 1834: 1]. Вероятно, именно с этими газетными строками связана запись Поприщина в дневнике, прямо предваряющая восхищение курским балом: «Эка глупый народ французы! Ну, чего хотят они? Взял бы, ей-Богу, их всех, да и перепорол розгами!» (III/IV, 160–161).

На вопрос о том, «чего хотят» представители революционной Франции, Гоголь неизменно отвечал, что «идеалы» революции всегда заключаются в понятиях сытости и довольства – в стремлении «пить и есть» (см.: [Виноградов 2017–2018. 7: 19–20]). Эта «низменная» оценка одной из политических сторон соединялась, однако, у Гоголя с не менее критическим взглядом на «консервативную» составляющую политики. Осуждающее отношение Поприща к «глупому народу французам» определенно предваряет гоголевскую характеристику в «Выбранных местах из переписки с друзьями» героя комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» «глупого фрунтовика Скалозуба», носителя мнимоконсервативных взглядов, – который полагает, что «весь мир можно успокоить, давши ему в Вольтеры фельдфебеля» (VI, 186) [Виноградов 2021b: 289–290].

Сам Гоголь, обличающий в «Записках сумасшедшего» «европейское» сумасшествие светского общества, «вредного <…> духу правительства своей двусмысленной жизнью» (VI, 185), выступает при этом как последовательный славянофил-«государственник», подобный Н.М. Карамзину, С.С. Уварову, М.П. Погодину, С.П. Шевыреву, М.А. Максимовичу [Виноградов 2019a; 2019b; 2021c].

Мотивы «Горя от ума» и мотивы «Дон Кихота» в равной степени пронизывают «Записки сумасшедшего». На идейную близость проблематики произведений Сервантеса и Грибоедова указывал сам Гоголь. По его словам, комедия Грибоедова «выставила болезни от дурно понятого просвещения, <…> взяла *донкишотскую* сторону нашего европейского образования» (VI, 184; курсив мой. – *И.В.*). Недалеким «рыцарем» «Дон Кишотом» в «Горе от ума», является, по определению Гоголя, во-первых, «глупый либерал Репетилов, рыцарь пустоты во всех ее отношениях, рыскающий по ночным собраньям, радующийся, <…> когда удается ему пристегнуться к какому-нибудь обществу, <…> которого бредни слушает он <…> в уверенности, что <…> тут кроется действительно какое-то общественное дело, которое <…> как раз созреет, если только <…> станут почаще собираться по ночам да позадористей между собою спорить» (VI, 185–186). По поводу главного героя грибоедовской комедии, Чацкого, Гоголь тоже замечал: «Такое скопище уродов общества <…> должно было вызвать в отпор ему другую крайность, которая обнаружилась ярко в Чацком. В досаде и справедливом негодовании противу их всех Чацкий переходит также в излишество, не замечая, что через это самое <…> он делается сам нестерпим и даже смешон» (VI, 186). Такая оценка Гоголем Чацкого совпадала с пушкинской[1].

Выступая в истолкованиях Репетилова и Чацкого против политического радикализма, в том числе со стороны некоторых своих непримиримых друзей-славя-

[1] А.С. Пушкин 28 января 1825 г. писал князю П.А. Вяземскому: «Чацкий совсем не умный человек...» [Пушкин 1937–1959. 13: 137]. В письме к А.А. Бестужеву от конца января 1825 г. поэт пояснял: «Первый признак умного человека – с первого взгляду знать с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми...» [Пушкин 1937–1959. 13: 138]. В.Г. Белинский в «примирительный» период своей деятельности тоже писал: «Чацкий <…> хочет исправить общество <…> своими собственными глупостями, рассуждая с глупцами...» [Белинский 1953–1959. 3: 449].

нофилов, представителей «правой фронды», Гоголь добавлял: «...Чацкий показывает только стремленье чем-то сделаться, выражает только негодованье противу того, что презренно и мерзко в обществе, но не дает в себе образца обществу» (VI, 186). В статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» Гоголь пояснял: «Односторонность в мыслях показывает только то, что человек еще на дороге к христианству, но не достигнул его...» (VI, 66). В другой статье – «Споры» – Гоголь отмечал: «Все эти славянисты и европисты, <…> покамест <…> мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть...» (VI, 51). Упоминая в письме к С.Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г. о его «рыцарствующем» сыне Константине, Гоголь замечал, что говорить о нем что-либо определенное рано, поскольку тот «совершенно в руце будущего» (XII, 393). Подобным образом и по поводу не менее радикального во взглядах А.С. Хомякова Гоголь в статье о русской поэзии указывал, что будущее того «покуда еще <…> не разоблачилось» (VI, 173). В.Г. Белинскому, в свою очередь, Гоголь, отвечая на его зальцбруннское письмо, писал: «Наступающий век есть век разумного сознания... <…> Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен...» (XIV, 411)[1].

Противопоставляя хвастливую «донкишотскую замашку благородством духа» (письмо к А.О. Смирновой от 24 декабря (н. ст.) 1844 г.; XII, 553) трезвому христианскому взгляду на человека, Гоголь отмечал, что, наряду с «донкишотами», в обществе есть «много истинно рассудительных людей» (III/IV, 452), обращающих внимание не на оппозиционные «бредни» (VI, 185), а на всеобщую греховность человеческой природы, которая и является настоящим источником общественных неустройств. Гоголь обращался к тем, кто ценит христианское обличение и не обижается на правду *о самом себе* – «которые будут рады всегда, если будет выведен на всеобщее осмеяние порочащий свое звание»: «Да и в чем здесь обида? Подавайте, подавайте нам его, мы всякий день готовы смотреть» («Театральный разъезд после представления новой комедии»; III/IV, 452).

Защиту недостойного либо пустого (олицетворяемого «спасаемой» Поприщиным «луной») Гоголь называл «рыцарством пустоты» (VI, 185) и объяснял это «донкишотство» в русском характере западным влиянием. Такому «рыцарству» Гоголь противопоставлял исконную русскую черту не проявлять к негативным явлениям ложного снисхождения. В статье «О лиризме наших поэтов» он писал: «Вспомни <…> то умилительное зрелище, какое представляет посещение <…> народом ссыльных, отправляющихся в Сибирь... <…> Ненависти нет к преступнику, нет также и *донкишотского* порыва сделать из него героя, собирать его факсимили, портреты, или смотреть на него из любопытства, как делается в просвещенной Европе. Здесь что-то более: не желанье оправдать его или вырвать из рук правосудия, но воздвигнуть упадший дух его, утешить, как брат утешает брата, как повелел Христос нам утешать друг друга» (VI, 49–50; курсив мой. – *И.В.*).

Еще в 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», Гоголь, говоря о людях, «какими производятся мятежи в обществах», т. е. о тех, кто «спешит сгоряча помогать на донкишотский образец, когда еще не умеет помогать» (письмо Гоголя к матери от 25 января (н. ст.) 1847 г.; XIV, 45), замечал: «Они видят несвойственные формы, не соответствующие нравам и обычаям правила и ломятся напролом

[1] По-видимому, в размышлениях о «Дон-Кихотах XIX столетия» сказалось общение Гоголя в 1832–1833 гг. – тоже, очевидно, не без дружеской полемики – с князем В.Ф. Одоевским (см. ниже раздел 13). Позднее тот опубликовал отрывок из повести с одноименным названием, «сказку для старых детей» «Сегелиель, или Дон-Кихот XIX столетия», датировав это произведение 1832 г. [Одоевский 1838].

чрез все. Они не видят границ, ломают без рассуждения все и всегда, и, желая исправить несправедливость, они в обратном количестве наносят столько же зла» (VII, 503)[1]. «Что до политических событий, – замечал позднее Гоголь в неотправленном письме к Белинскому 1847 г., – само собою умирилось бы общество, если бы примиренье было в духе тех, которые имеют влияние на общество» (XIV, 382). Об этом же Гоголь писал в духовном завещании «Друзьям моим» (VI, 413–414).

«Горе от ума» и «Записки сумасшедшего» объединяет прежде всего одинаковый открытый финал. Судьба Поприщина, колеблющегося от просветления к безумию, от стремления умчаться на тройке погружающегося вновь в мир политики, оставлена неопределенной. Так же неизвестна судьба Чацкого, уносящегося в карете от толпы «мучителей», которые «всем хором» ославили его «безумным» [Грибоедов 1833: 166–167; Данилевский 2011: 186]. Однако ни бунтующую «идеологию» Чацкого, ни такую же, с обратным знаком, радикальную «идеологию» Скалозуба, Гоголь одинаково не разделяет – оценивая их в равной мере как «излишество» и «крайность».

Согласно Гоголю, обе стороны общественного противостояния – ультра-«революционная» и радикально-«консервативная» – проявляют одинаковую узость. При «рыцарстве» и искренности убеждений те и другие оказываются одинаково ограниченными «Дон-Кишотами». Одного из таких неразумных рыцарей Гоголь вывел в «Мертвых душах», сравнивая Ноздрева, намеревающегося избить Чичикова, с «отчаянным поручиком», «которого взбалмошная храбрость уже приобрела такую известность, что дается нарочный приказ держать его за руки во время горячих дел» (V, 85).

Мысль о встречном «донкишотском» безумии ультрареволюционеров и радикальных консерваторов, воплощенная в «Записках сумасшедшего», сопровождается не только критикой в адрес «глупых» французов, но и обличением «глупых» Скалозубов – и прямым призывом к «значительному лицу», «государственному человеку», «двойником» которого является Поприщин, перейти от обеспечения роскошного, для себя, образа жизни, от удовлетворения тщеславия, заботы о наградах к исполнению подлинно государственных обязанностей. В этом повесть вполне созвучна пророческому обличению: «Князья твои <…> общницы татем, любяще дары, гоняще воздаяние, сирым не судящии и суду вдовиц не внимающии» (Ис. 1, 23). Позднее, в статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», Гоголь советовал поэту Н.М. Языкову: «Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом...» (VI, 68).

11. СЕРВАНТЕС И АРИОСТО

С Сервантесом как писателем, разоблачающим ложные увлечения, Гоголь сближает Ариосто, «лунные» образы которого, через посредство Батюшкова, тоже использовал в «Записках сумасшедшего»[2]. В «Учебной книге словесности...» Гоголь замечал: «...Ариост изобразил почти сказочную страсть к приключениям и к чудесному, которым была занята на время вся эпоха, а Сервантес посмеялся над охотой к приключениям, оставшимся, после рококо, в некоторых людях, <…> тот и другой сжились с взятою ими мыслью» (VI, 332).

[1] Ср. также истолкование образа Дон Кихота Ф.М. Достоевским в 1877 г.: [Достоевский 1972–1990. 26: 24–27]. О перекличках в творчестве Достоевского между типами «идеалиста-мечтателя» Дон-Кихота, Чацкого и князя Мышкина см.: [Бем 1931: 101–108; Бем 2001: 153–164].

[2] См. об этом в следующем разделе наст. статьи.

То же соседство имен Сервантеса и Ариосто – как писателей не «мечтательных», но *верных* жизни (в отличие от романтика Шиллера, приукрасившего и *исказившего* в своих произведениях природу человека) – по крайней мере четырежды встречается в черновиках первого тома «Мертвых душ», где повествователь размышляет по поводу своего героя Чичикова: «Автор предвидит <…> заранее, что <…> наружность его героя <будет> <…> не по вкусу <читателям> <…> но никаким образом не может <…> взять в герои добродетельного человека. <…> ...Он <…> не имеет обыкновения смотреть по сторонам, <…> если же и подымет глаза, то разве только на висящие перед ним на стене портреты Шекспира, Ариосто, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была» [Гоголь 1937–1952. 6: 553–554]; см. также [Гоголь 1937–1952. 6: 644, 645, 842].

По-видимому, в таком понимании поэзии Ариосто – как предшественника Сервантеса в критике всеобщих заблуждений – Гоголь следовал Н.И. Надеждину, который в свою очередь, как и он, всегда выступал против подражания «романтическому», «ложному» направлению – против следования французскому «неистовому» романтизму [Надеждин 1830a; 1830b; 1834; 1836]. Надеждин тоже сближал Ариосто и Сервантеса, делая одного предтечей другого. В 1829 г. в своей диссертации на латинском языке «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической»[1] тот писал: «...Ариост произвел <…> очаровательный хаос, <…> который, несмотря на то, величайшею своею неправильностью и нестройностью намекает на внутреннюю гармонию творческого духа. <…> Кто столько проницателен и прозорлив, чтобы мог найти сокрытое средоточие в лабиринте Ариостова “Неистового Орланда” и уловить его в ясное понятие? <…> ...XVI век – свидетель упадка рыцарства – был еще озарен блеском славы романтической поэзии. <…> Но в этом самом золоте <…> можно уже видеть признаки внутренней ржавчины. <…> ...Ариост, в своем “Неистовом Орланде”, представлял героическое великодушие рыцарей, <…> как тень *уже умершего мира*... <…> Но нигде романтическая поэзия не явилась пережившею романтический мир очевиднее, как в знаменитом “Дон-Кихоте” Сервантеса. Там романтический дух вооружился сам против себя и в огромной картине, ознаменованной изяществом романтическим, выставил на позор и осмеяние, как решительно несовместное с настоящим порядком вещей, то героическое великодушие и исступление, коим одушевлены были древние паладины» [Надеждин 1972: 156, 176, 222–223]. – По Гоголю, иначе как иронией автора нельзя объяснить путешествие «в луну» героя Ариосто, где тот находит свой «ум».

Р.Г. Назиров в 1980 г. отметил, что к безумному рыцарю-«спасителю» Сервантеса имеет отношение и художник Пискарев в «Невском проспекте», проявляющий «рыцарское» отношение к женщине и составивший «легкомысленный план» «возвратить миру прекраснейшее его украшение» (III/IV, 26) [Назиров 1980: 98]. (Поприщина и Пискарева объединяет и то, что герой «Записок сумасшедшего», несмотря на пошлость, тоже не чужд благоговейного, почти «религиозного» отношения к женщине [Маркович 1989: 94; Виноградов 2021b: 290–291].) С.В. Синицкая (Александрова) в 2010 г. указала на еще несколько мнимых, шутовских «спасителей», вроде героя Сервантеса, в ряд с которыми может быть поставлен «дон-кишот» Поприщин (стремящийся «спасти луну»). Из них наиболее выразительны сумасшедший Тригей в комедии Аристофана «Мир», озабоченный судь-

[1] «De origine, natura et fatis poeseos, quae romantica audit».

бой всей страны, и Арлекин в комедии дель арте XVI в. и французском ярмарочном театре[1] [Синицкая <Александрова> 2010]. В связи с лунной темой «Записок сумасшедшего» внимание привлекают итальянский фарс «Арлекин в луне» (см.: [Итальянская комедия 1840: 110–113; Александрова 2001: 60; 2011: 11; Синицкая <Александрова> 2010: 71, 73) и два близких по сюжету и названию французских водевиля: «Bonardin dans la lune, ou La monomanie astronomique» Ш.О. Оноре («Бонар в луне, или Астрономические бредни»; спектакли давались в Петербурге 19, 27 февраля и 10 мая 1831 г.) и «La comète en 1832» Ш.О. Оноре и Г.М. Дюмерсана («Комета в 1832 году»; в вольном переводе Н.Ф. Павлова – «Астрономические бредни, или Комета в 1832 году»; первоначальное, запрещенное цензурой название – «На другой день после преставления света») (пьеса была поставлена в Большом театре в Москве 20 января 1833 г.; роль «полоумного астронома» Бонардина играл в ней М.С. Щепкин) [Гозепуд 1959: 622–623; Гриц 1966: 749]. Об одном из представлений водевиля «Астрономические бредни, или Комета в 1832 году» 9 октября 1833 г. в Москве «Северная Пчела» сообщала спустя несколько дней, 20 октября [Русский Театр 1833: 850–951] [Синицкая <Александрова> 2010: 70–71, 74–75, 80][2].

Безумные «Дон-Кишоты» – консервативного и либерального лагерей – в изображении Гоголя одинаково «пошлы». Апостольское обличение в равной мере относится и к тем, и к другим: «...Умеет Господь <…> нечестивых соблюдать ко дню суда, для наказания; наипаче же тех, которые следуют плоти <…>, презирая начальства, будучи дерзки, своевольны, и не страшась злословить высших. <…> ...Они полагают удовольствие во вседневной роскоши...» (2 Петр. 2, 9–10, 13) (цит. по изд. 1822 г.: [Новый Завет: 553–554]). «Политический идеал» Поприщина (и его «двойника»-начальника) – «во что бы то ни стало взять верх» над другими (повесть «Рим»; III/IV, 186), «проехаться на другом верхом» (повесть «Вий»; I/II, 442) – с наглядностью воплощается в финале повести, где герой воображает себя испанским королем. Парадокс заключается, однако, в том, что обличитель женщин, влюбленных «в черта», и их «чиновных отцов»-«христопродавцев», лезущих «ко Двору» и говорящих, что «они патриоты» («аренды, аренды хотят эти патриоты»; III/IV, 172), Поприщин в полной мере – как выразитель единого «душевного города» повести – обличает собственные спесь и пошлость. Саркастическое обличение псевдопатриотизма одинаково относится и к лицемерным «консерваторам», и к их противникам – задиристым «петухам» обеих сторон: «...Я узнал, что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями» (III/IV, 176). (Здесь же Гоголь подчеркивал универсальный характер своей сатиры, «подсказывая», что «Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за разные государства»; III/IV, 174). (Слова о «петухе» в то же время могут намекать и на отречение от Христа, из желания себя

[1] О знакомстве Гоголя с петербургскими балаганными представлениями французских и итальянских пантомим (посещаемых Поприщиным) см.: [Виноградов 1999].

[2] В самих «Записках сумасшедшего» тоже отмечен ряд водевильных черт. Традиционными литературными и театральными приемами являются, в частности, мотивы «перехваченного письма» и «узнавания героя» («Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, <…> даже крестьянин, – и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь»; III/IV, 169). «Водевильность» действия проявляется в финале повести, когда Поприщин прячется под стул, а «великий инквизитор» выгоняет его оттуда «палкою» (III/IV, 175–176). В «Театральном разъезде после представления новой комедии» сам Гоголь писал: «...Поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пьесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его оттуда за ногу» (III/IV, 454) (отмечено: [Кузнецов 1992: 38–39, 41–42]).

спасти (Мф. 26, 34, 74–75; Мк. 14, 30, 68, 72; Лк. 22, 34, 60–61; Ин. 13, 38; 18, 27); [Долгобородов 1997: 24].)

То, каким герой если не является на самом деле, то, по крайней мере, как выглядит со стороны, он узнает из письма Меджи к ее приятельнице-собачке. Это, хотя и «собачье», послание по своему разоблачительному в отношении героя характеру прямо напоминает, однако, «сатирическое» письмо Хлестакова к его петербургскому приятелю в «Ревизоре», из которого Городничий и его окружение узнают о себе часть правды [Константинова 2009b: 208]. Позднее в письме к М.П. Погодину Гоголь замечал по поводу восприятия публикой «Ревизора»: «Что сказано верно и живо, то уже кажется пасквилем» (XI, 50). Глава уездного города в комедии и мелкий столичный чиновник в повести одинаково пошлы, ограниченны, одинаково не терпят смеха над собой (подобно колдуну в «Страшной мести», убивающему тех, кто, как ему мнится, над ним посмеялся; см.: [Виноградов 2020b: 52–57]): «“Софи никак не может удержаться от смеха, когда глядит на него”. – Врешь ты, проклятая собачонка! Экой мерзкий язык!» (III/IV, 164). И Поприщин, и Городничий оба одновременно и либеральны – в снисхождении к себе, и консервативны – в отношении к другим. Обоим в ответ на правду о себе может принадлежать реплика, которую Гоголь вложил в уста «одного чиновника» в «Театральном разъезде после представления новой комедии»: «Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль» (III/IV, 460).

Сведения об авторе:

Игорь Александрович Виноградов,
доктор филол. наук
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН

Igor A. Vinogradov,
Doctor of Philology
Chief Researcher
A.M. Gorky Institute of World Literature RAS

iwinigradow@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-72-76

UDC 81.821.08

Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Словообразовательный потенциал и морфологические особенности суффикса -*ча* в современном таджикском литературном языке

Аннотация: В статье рассматривается вопрос словообразовательного потенциала и морфологических особенностей суффикса -*ча* в современном таджикском литературном языке на примере «Краткого словообразовательного словаря таджикского литературного языка» (1983) [4] и «Рабы» С. Айни (2019) [1]. Эти произведения считаются одним из бесценных и фундаментальных источников, содержащих многочисленные литературные факты и свидетельства, принадлежащие современному таджикскому литературному языку. Сделан вывод, что соответствующий словообразовательный элемент считается одним из продуктивных, способствующих образованию новых существительных.

Ключевые слова: суффикс, таджикский язык, словообразовательный элемент, морфологические особенности, производные существительные

B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Word-Building Potential and Morphological Peculiarities of the Suffix -*ča* in Modern Tajik Literary Language

Abstract: The article dwells on the issue concerned word-building potential and morphological peculiarities of the suffix -*ča* in modern Tajik literary language on the example of “A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language” (1983) [4] “Ghulomon” by S. Aini (2019) [1]. These works are considered to be one of the priceless and fundamental sources contained a numerous literary facts and evidences belonging to modern Tajik literary language. It is concluded that the relevant word-building element is considered to be one of productive ones contributed into new nouns derivation.

Key words: suffix, Tajik language, word-building element, morphological peculiarities, derivative nouns

INTRODUCTION

It is common knowledge that word-combination is considered to be one of the ways to enrich the language word-stock. There are also several ways and methods targeted at word-combination in modern Tajik literary language (MTLL) [2; 3], but the most productive is the morphological one in the language of the comparative historical productions, like MTLL many new lexical elements participate in the creation of a large considerable new derivative words. Even, in the 13th century one of the great scholars in the sphere of three literary sciences – Shamsi Qais Razi has analyzed a number of lexical and formative elements in his work entitled as "al-Mujam" and adduced certain examples to strengthen his thought [6: 177–198]. Professor, Sh. Rustamov spoke about the role and position of prefixes and suffixes in word-combination and showed the level of their usage and denoted his conclusive evidence beset with the corpus of our study [6].

It is worth mentioning that not all kind of words are mechanically connected to any word-building elements to form new derivative words, but such combination of words by virtue of prefixes or suffixes occurs in term of certain linguistic rules. Indeed, the number of nominal suffixes are numerous those ones form the nouns denoting place and temporal, personal and non-personal and mPaterial etc. In the belles-letters prose referred to as "Ghulomon" (Slaves) by Aini occupies a particular place of word-building potential, especially derivation of new words by dint of certain word-building elements.

Book review

The given article dwells on word-building potential and morphological peculiarities of the suffix *-ča* in modern Tajik literary language on the example of "A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language" (1983), "Ghulomon" by S.Aini (2019). Into the bargain, we decided to canvass the relevant lexical element contributed to new derivative nouns formation in the corpus of our study, upon the whole.

The objective of the corpus of our study are:

- to consider morphological features and determine the level of usage of the relevant word-building element in terms of its function and meaning;
- to compare the relevance of the theme explored with other word-building elements;
- to canvass certain distinctive features of the suffix *-ča*.

Scientific novelty

The article under consideration dwells on word-building potential and morphological peculiarities of the suffix *-ča* in modern Tajik literary language, in Tajik linguistic studies, for the first time. It is worth mentioning that the relevant word-building element is one of the most productive ones in the corpus of our study.

Methodology

While canvassing the distinctive peculiarities and the frequency of uses of the suffix *-ča*, we have resorted to the following visual methods, such as: comparative and historical, synchronic and diachronic ones.

MAIN RESULTS AND DISSUASION

It is common-knowledge that the suffix *-ča* is considered to be one of the morphemes possessing a very ancient origin and background in the history of our language. As well as, in "Ghulomon" by S. Aini and "A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language" the former in question is among the most productive word-building

elements, which most often serves as a formative suffix*:* Az nasim-i in muzhda-i ru-hafzo *ğunča-i* omol dar čaman-i muddao-i amir-i komgor rū ba šukuft ovarda… [1: 49]; ...dam-i dosro ba yake az *xodačaho*, ki dar lab-i qura baro-i nigoh doštan-i dastaho-i xor kandagi bud… [1: 229].

As we mentioned above, in "Ghulomon" by Aini, the suffix *-ča* is considered to be one of the most productive ones, which is used not only in the derivation of nouns, but in the formation of other parts of speech either. Hereby, we make an endeavor to carry out the position its word-combination and the level of its resorting in different parts of speech:

a) Firstly, we can confidently express our own opinion that the relevant suffix participates to form a series of new derivative nouns from nouns in most cases based on:

– the model of nouns denoting the names of animals, insects and birds + the suffix *-ča*: *barrača* [4: 16], *zoğča* [4: 23], *murča* [4: 35], *samandča* [4: 43];

– the model of personal nouns denoting human-being, officials and workers + the suffix *-ča*: *Kumušča* [1: 27], *qasabča* [1: 123], *zanča* [1: 185], *pisarča* [1: 13, 46], *muallimča* [4: 35];

– the model of common nouns denoting the names of geographical positions: rivers, gardens, squares, villages, houses, doors and balconies etc. + the suffix *-ča*: *boğča* [1: 96; 4: 16], *katča* [4: 26], *daryoča* [1: 126], *maydonča* [1: 4, 247, 248, 248, 250], *dehača* [1: 107], *xonača* [1: 111, 119, 191, 205, 262], *darvozača* [1: 114], *dariča* [1: 205-5 times], *ayvonča* [1: 389], *ğunča* [4: 57], *oxurča* [4: 38], *rahča* [4: 41] etc.;

– the model of concreate nouns denoting communal services, stationers', things needed to everyday-life, clothes and jewels etc. + the suffix *-ča*: *qolinča* [1: 4, 6, 26, 59, 84], *xaltača* [1: 5, 7, 8; 4: 51], *parča* [1: 7, 117], *zağorača* [1: 8, 23, 26], *taxtača* [1: 58], *halqača* [1: 58], *kurpača* [1: 59, 262], *xodača* [1: 229, 355], *kanabča* [1: 185], *la'liča* [1: 136-9 times], *kaltakča* [1: 248], *banča* [1: 123; 4: 16], *čaroğča* [1: 373], *boziča* [4: 16], daftarča [4: 20], dulča [4: 22], kordča [4: 27], laganča [4: 28], mexča [4: 31], noyča [4: 36], ostinča [4: 38], rafča [4: 41], lifča [4: 29], sandaliča [4: 43], qayroqča [4: 57], qalamča [4: 57], tosča [4: 48], tungča [4: 48];

– the model of nouns denoting parts human and any animated bodies + the suffix *-ča*: dumča [4: 22], kafča [4: 26], kokulča [4: 27], maynača [4: 30], mağzča [4: 31], muğča [4: 34], patča [4: 39], poyča [4: 40], pustakča [4: 40]; *as well as, it comes with the nouns denoting drops and particles:* порча [4: 40], qatrača [4: 58], hissača [4: 60];

– the model of nouns denoting names of fruits and vegetables + the suffix *-ča*: oluča [4: 37], šalğamča [4: 54];

– the model of nouns denoting musical instruments and weapons + the suffix *-ča*: *čangča* [1: 99, 219], *tapponča* [1: 21, 58, 248], tufangča [4: 48], nayča [4: 35], kululača [4: 28], kamonča [4: 26].

b) Into the bargain, the relevant word-building elements is used to form a number of derivative words from adjectives, such as: aloča [4: 14], garmiča [4: 19], zardča [4: 23], *navča* [1: 192; 4: 35], *safedča* [1: 196, 205, 209, 225; 4: 43], *kabudča* [10: 196], nimča [4: 36], pirča [4: 39], siyohča [4: 44], surxča [4: 45], širinča [4: 54].

As a rule, the suffix *-ča* has been widely used to express endement and kindness relation with non-personal nouns, including animals: Soqik shabona *čaroğa-i* pilsuz-ro afruxta ba oğil daromad, az yak sar ba molho-i xud huroh andoxt [1: 373].

– thus it is used to express a descriptive adjectives: Imsol mevaho-i daraxt-i zardolu xele *širinča* mazza dorand.

– Pas az dah sal man du rafiqonam-ro didam, yake az digare *pirčatar* menamud.

In the above-mentioned sentence, a descriptive adjective is derived in the form of comparative.

– based on the original adjective *garmi* the word-building element *-ča* derives to express the name of disease, which is explained as follows: it is a disease that appears in the body due to hot weather…: *Pisarča* az modar purson shud: – modarjon inho chiand? Modar javob dod inho *garmiča* hastand.

In the bellow-adduced example, the word *hissa* is derived by means of *-ča,* which means part of speech, particle (in English particle: *yes, no*): Muallim az šogird pursid: *hissačaaho-i* zabon-i tojiki-ro nombar kuned.

Mo dar taraf-i reg paxškarda-i deha baro-i xud *yak dehača-i* maxsus soxtani šudem… [1: 107]; Taraf-i šarqi-i ru-i havli-i berun pušt-i havli-i darun bud, ki bo *yak darvozača-i* alohida az on jo ba havli-i darun daromada mešud [1: 113].

Designing on the premise of the above-mentioned examples we can confidently note that in "Ghulomon" and in MTLL [5; 7] the derivative nouns come together with the cardinal numeral yak/one, and it is very appropriate and widely used to express indefinite category.

Traditionally, in "Ghulomon", the mentioned elements come by *-ak* in parallel in order to derive a descriptive adjective: Dar deha-i "Qaroyağoč" dar "Kučai Ghulomon" dar darun-i yak *xonača-i pastak-i* poxsagin-i tang du bemor mexobid [1: 110].

S. Aini in his literary prosaic production used the following original adjectives *safed / white, kabud / blue* and *čuqur / deep* to express endement and kindness by virtue of the suffix *-ča*, however, such kinds of derivative nouns are not čaracteristic in M.Karminagi's historical production: Ru-i inho bošad, *safedča*, abruhošon tunuk-i kammuye, čašmonašon *kabudča* ast… [1: 196]

Thus, we encountered with the proper nouns derived by dint of the suffix -ča and the relevant grammatical phonemonon is considered to be one of the distinctive features of the corpus of our study: *Kumuščai* xurdsol, ki dar peš-i darvozai rabot ba roh-i Qambarbobo čašm dūxta istoda bud [1: 27]; – Magar ba holi *Nekqadamča* nigoh namekuni? [1: 75].

In reference to it, a series of derivative nouns appear in S. Aini's work, which are used as word measures: …maddoh tangaho va pulho-i siyoh-i jam'šuda-ro ba yak *juvolča-i* šol andoxta ba balegūi xud bardoronid [1: 241].

S. Aini resorted to the following derivative noun *čangča* instead of *čangak*, which in terms of its function acted as a word-building element twice: …ba nugaš *čangča-i* čubin bastašuda va yak dos digar čiz-e nadoštand… [1: 219].

In the course of consideration and comparision the theme explored, it became clear that the mentioned element contributed to the derivation of new nouns from other parts of speech: *navča* [1: 192], *nimča* [1: 57]:Yak rūz Imomqultuqsabo ba *navča-i* man xušomad zadaast [1: 192]; Karbos, qalami, *aloča,* jomaho-i tayyor barin molhošonro toy basta tayyor kardand [1: 57]; Boyho-i tuman-i mo hamagi *"nimča"*...inho dar andak vaqt kor-i xud-ro anjom medihand… [1: 57].

CONCLUSION

Adducing the results of the conducted analysis one can come to the conclusion that the word-building element under study is meaningful and multi-functional ones contributed into the derivation of new nouns and adjectives. It is worth stressing that in the corpus of our study, there are derivative words, which were taken from today's

language word stock and were formed according to the model of word-building permeating MTLL, but some of them are not in use today.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айнӣ С.* Ғуломон: Роман / Муҳаррир: Раҳматуллои Раҳмон. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2018. 488 с.

2. *Ашрапов Б.П.* Таҳлили муқоисавии маънои пасванди -гоҳ дар забони адабии тоҷикии қарнҳои XVIII ва XX // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. 2021. № 3(88). С. 93–99.

3. *Бобомуродов Ш.* Нақши пасвандҳои исми шахссози ифодакунандаи касбу ҳунар дар «Ёддоштҳо»-и С. Айнӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. 2018. № 8/2. С. 31–37.

4. *Бобомуродов Ш.* Луғати мухтасари калимасозии забонии адабии тоҷик. Душанбе: Маориф, 1983. 120 с.

5. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик: дар се ҷилд.Ҷилди 1. Душанбе: Дониш, 1985. 355 с.

6. *Розӣ Шамси Қайс.* Ал-мӯъҷам / Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи чоп У. Тоиров. Душанбе: Адиб, 1991. 463 с.

7. *Рустамов Ш.* Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1972. 77 с.

REFERENCES

Aini S. (2018) Slaves. Novel / Ed.: Rahmatulloh Rahmon. Dushanbe. Children's Literature Publ. 488 p.

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of the Meaning of the Suffix -goh in the Tajik Literary Language of the 18th and the 20th centuries. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series humanitarian sciences.* 2021. No 3(88), pp. 93–99.

Bobomorodov Sh. The Role of Personal Noun Endings Representing Profession and Craft in "Memoirs" by S. Aini. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences.* 2018. No 8/2, pp. 31–37.

Bobomorodov Sh. (1983) A Concise Dictionary of Tajik Linguistic and Literary Wording. Dushanbe. Enlightenment Publ. 120 p.

Grammar of Modern Tajik Literary Language: In 3 vols. Vol. 1. Dushanbe. Knowledge Publ. 1985. 355 p.

Razi Shams Qais. (1991) Al-Mujam / The author of the introduction and explanations and publisher U. Toyrov. Dushanbe. Man-of-Letters Publ. 463 p.

Rustamov Sh. (1972) Nominal Word-building in Modern Tajik Literary Language. Dushanbe. Knowledge Publ. 77 p.

Сведения об авторе:

Баходурджон Пулотович Ашрапов,	Bahodurjon P. Ashrapov,
канд. филол. наук	PhD
ст. преподаватель	Senior Lecturer
Факультета иностранных языков	Faculty of Foreign Languages
Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова	Khujand State University named after academician B.Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-77-84

УДК 81.822.01

Ф.Р. Кодирова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Лингвистические замечания Мухаммада Бакрона в «Джахан-наме»

Аннотация: В статье анализируются лингвистические замечания Мухаммада Бакрона, изложенные в «Джахан-наме». Подчеркивается, что этот образец географической литературы считается одним из важнейших литературных произведений. Определено, что словарный фонд «Джахан-наме» включает в себя группы лексики, обозначающие местности, природные явления, социальную сферу, понятия о количестве, периодах и временах года, характеризующие человека, его занятия, профессию, умения, а также называющие животных. Сюда входят также соматизмы, научно-профессиональные термины, наименования полезных ископаемых, описания сельского хозяйства, продуктов питания и напитков, понятия, связанные с религией и различными объектами. Мухаммад Бакрон в процессе ознакомления читателя с той или иной местностью также затрагивал вопросы, связанные с языкознанием. Особенностями языка произведения являются: уместное применение слов, краткость и четкость мыслей, детальное выражение словесных значений. Многочисленные замечания, связанные с языкознанием (указание на языковую принадлежность слов, фиксирование различий в книжном и разговорном языках, заметки об этимологии, форме и создании слов, исправление неправильных слов, отметка явных и скрытых ошибок), также являются значительной особенностью данного произведения.

Ключевые слова: особенности языка «Джахан-наме», лингвистические замечания Бакрона, вопросы, связанные с языкознанием, толкование слов, редактирование языка

F.R. Kodirova (Khujand, Republic of Tajikistan)

Bakron's Linguistic View on "Jahon-Name"

Abstract: The article dwells on the issue concerned with the study of Bakron's linguistic view on "Jahon-Name". It is underscored that the relevant geographical production is considered to be one of the most important works.

It is determined that the word stock of "Jahon-Name" includes the following lexicons denoting: locality, natural phenomena, elements, social areas, notions of quantity, period and seasons, person, occupation, profession, skill, animals, somatisms, scientifico-pro-

fessional terms, minerals, agricultural, food and beverage, notions dealing with religion and various objects.

Adducing the result of an analysis beset with the theme explored one can come to the conclusion that "Jahan-Name" refers to geographical literature and its author makes an endeavor to edit the language; to use public vocabulary; to indicate correct pronunciation and spelling of words; to fix the meaning of various lexical elements; to determine linguistic belonging of words; to make obvious and hidden errors; to state hypotheses concerning the origin of names; to point out differences in the names of localities in written and colloquial form... – all this is considered to be peculiarities of the language of the relevant work.

Key words: features of the Jahan-name language, Bakron's linguistic remarks, issues related to linguistics, interpretation of words, language editing

Географическое произведение Мухаммада Бакрона «Джахан-наме» написано с целью сделать общедоступным новое для того времени (XIII в.) изобретение – чертеж, т. е. карту [1; 2; 6; 8]. Это интересное и содержательное сочинение состоит из двадцати неодинаковых по величине глав и, несмотря на его краткость, считается драгоценным творением таджикской науки и литературы. По словам русского ученого М. Борщевского, «"Джахан-наме" в ряду таких видов произведений занимает значительное место» [6: 56; 10] и является надежным источником для последующих произведений (см. [3]). Мухаммад Бакрон в ходе описания различных местностей согласно их ширине и протяженности, географическому расположению, образу жизни населения и животному миру, по размещению кладов и других богатств, характеризуя виды урожая и продукты питания, характерные и интересные особенности конкретных местностей, приводит удивительные краткие или подробные рассказы и для реализации данной цели использует слова из лексического фонда своего времени.

При проведении классификации лексики из «Джахан-наме» определено, что, помимо онимов, в лексический состав сочинения также входят слова, обозначающие различные местности, природные явления и элементы, социальные явления, понятия о количестве, числах и площади, о периодах и временах года, о человеке и целых народах, занятиях людей, их профессиях и мастерстве, о животных. Бакрон приводит соматизмы, научные термины, перечисляет полезные ископаемые, называет виды сельскохозяйственной, пищевой продукции и продукции для питья, понятия, связанные с религией, названия различных предметов и принадлежностей (см. [4; 11]). В процессе комментирования интересных отличительных черт различных местностей автор в большинстве случаев использовал слова для подробного объяснения, прилагая усилия для того, «чтобы его соображения были понятными и доступными для читателя» [1: 67], и в результате добился того, что язык произведения отвечал требованиям всего общества и соответствовал нормам литературного языка [5: 4–5]. Особенностями языка произведения являются: уместное применение слов, краткость и четкость мысли, детальное выражение словесных значений. С этой точки зрения произведение характеризуется богатством лексики. Благодаря исследованию языковых аспектов «Джахан-наме» можно, в известной степени, определить важнейшие лексические особенности таджикского литературного языка XIII в., так как в нем содержатся различные лексические элементы, которые имеют огромное значение для изучения исто-

рии таджикского литературного языка. Многочисленные замечания, связанные с языкознанием, также являются важной особенностью данного произведения и в целом подтверждают слова русского ученого И.М. Оранского: «Источником для изучения языка того или иного периода может являться в большей или в меньшей мере любой письменный памятник, относящийся к данному периоду… Большую помощь оказывают также различные исторические сочинения, описания путешествий, мемуары и т. д. В таких сочинениях содержатся зачастую важные сведения о расположении тех или иных языков, о языковых особенностях отдельных районов…» [7: 250].

Мухаммад Бакрон в процессе ознакомления читателя с той или иной местностью также затрагивал вопросы, связанные с языкознанием, а иногда, в случае необходимости, даже толковал слова и приводил их «точный вариант». В данной статье будет рассматриваться именно это явление.

Указание на языковую принадлежность слов. Для усиления воздействия и экспрессивности речи, наравне с исконно таджикскими словами, автор также использует арабские, греческие, тюркские и индийские слова (см. [4: 39–54]). Бакрон, иногда используя фразы *«это греческий диалект», «по-персидски... говорят», «по-арабски... говорят», «по арабскому языку /словарю... будет»* и т. п., определяет языковую принадлежность слов. Например, слово «булур»: «Булӯр. Санге маъруф аст ва дар ҷӯйҳои ҷазираи Сарандеб бошад ва аз он ҷо оранд ва аввал ба Ҳиндустон афтад. Ва аз вай навъе бошад ба сапедӣ моилтар, **аммо шафифи ӯ камтар,** ӯро ба тозӣ «маҳо» хонанд ва ба порсӣ «ях андар об» [1: 149].

Или другой пример: «...**гирдбод**, ки **араб онро «завбаъа» хонад**, дарахти бузург аз бех биканд ва аз он мавзеъ дур андохт» [1: 80].

В приведенной ниже таблице представлены подобные примеры из «Джахан-наме».

персидский	«Ба Озарбодагон ҷайҳуне дигар аст, ки онро «наҳри Абяз» хонанд ва ба порсӣ «*Сапедрӯд*» гӯянд» [1: 104]; «Ҷибол-ул-Қуфс. Кӯҳҳост дар ҳудуди Кирмон ...ба порсӣ *Куч* ва *Булуч* гӯянд» [1: 111].
греческий	«...лафзи *амронус* румӣ аст» [1: 93]; «*Уршалим*» – Байтулмуқаддас бошад ба забони румӣ» [1: 120].
арабский	«Ва *каҳф* ба забони араб «шикофи кӯҳ» бошад» [1: 160]; «Ва ин ҳар ду шохро («халиҷи Машриқӣ» ва «халиҷи Мағрибӣ». – *Қ.Ф.*) ...ба тозӣ «*баҳр*» хонанд» [1: 73]; «*Наҷд* болоро гӯянд дар луғати араб ва *гавр* нишебро» [1: 157]; «Ва *рақам* дар луғати араб «набиштан» бошад ва *рақим* «набишта» бошад» [1: 162]; «...дар луғати араб ин ҳар ду «*банд*» хонанд» [1: 162]; «Ва «сарир» ба тозӣ *тахт* бошад» [1: 165]; «Дар шаҳри Марв ришта (навъи беморӣ. – *Қ.Ф.*) бисёр барояд... ва ин иллатро ба тозӣ «*ирқи маданӣ*» хонанд» [1: 131].

Еше в двух местах автор говорит об арабизированных словах: «Ҷоба ...ин лафз дар кутуб муарраб кардаанд ва *Зобаҷ* менависанд» [1: 93]; «Кумиш ...ва чун муарраб кунӣ он лафзро *Қумис* гӯянд ва нависанд» [1: 122].

Заметки об этимологии, форме и создании слов. В этом пункте приведены взгляды Мухаммада Бакрона на появление и развитие, создание и формы использования слов в разных местностях и в различные времена: «“Ситанбул” – *Қустантинаро* гӯянд, қасабаи Рум. Ва номи он шаҳр дар қадим *Бизантия* будааст, пас баъд аз он ӯро “*Ситанбул*” хонданд. Ва сабаби он маълум нест. Ва дар қадим қасабаи

вилояти Рум шаҳри Румия будааст, ки бар канори дарё бошад, бар сӯи Фаранг ва вилоятро бад-ин шаҳр бозмехондаанд. Пас, вилояти Румро подшоҳе бузург хост – ном Қустантин ва ӯ дорулмулки хеш ба шаҳри Ситанбул нақл кард. Пас, он шаҳри Ситанбулро бад-ӯ бозхонданд ва "Қустантиния" ном карданд» [1: 121].

Можно заметить, что при характеристике местности основное внимание Бакрона направлено на ее именование. Это относится к особенностям языка произведения, так как автор, используя народную этимологию, знакомит читателя с историей заселения, с теми или иными особенностями описываемой местности. Надо отметить, что в «Джахан-наме» такие разъяснения встречаются часто: «Фарғона вилояте аст дар ҳудуди Мовароуннаҳр ва қасабаи ӯро "Ахсекат" хонанд ва мавзее бағоят хуш бошад. Ва аз Самарқанд то Фарғона панҷоҳу се фарсанг бошад. Ва гӯянд, Фарғонаро Нӯшервон бино ниҳод ва чун ба мардум эҳтиёҷ афтод, ки он ҷо сокин шаванд, аз ҳар мавзеъ қавме он ҷо овард, то сокин шуданд ва иморату зироат карданд, то маъмур шуд. Пас, чун аҳли он аз ҳар ҷое буданд, онро "Аз ҳар хона" ном ниҳод, пас лафзи "*аз*" биандохтанд ва "Ҳар хона" мехонданд. Пас, баъд аз он, батадриҷ ва бакасрати истеъмол "Фарғона" хонданд» [1: 166]; «...Ва дар лафзи алмос низ ихтилоф кардааанд, баъзе гӯянд "алиф ва лом" зиёдатӣ аст ва асли ӯ "мос" аст, мисли "боб" ва "дор" аз аҷваф. Ва баъзе гӯянд, алиф ҷамъ аст ва лом аз матни калима мисли аҳбоб ва асҳоб аз саҳеҳ. Ва баъзе гӯянд, ҷумлаи ҳуруф аслӣ аст, мисли харғол ва Баҳром ва ҳамчунин, баъзе гӯянд алиф ва лом ҳар ду зиёдатӣ аст, аммо син мушаддад аст, мисли ҳор(р) аз музоаф» [1: 147].

Книжный и разговорный язык. Как было отмечено выше, «Джахан-наме» – географическое сочинение, и, соответственно, его центральной темой является описание и характеристика известных к тому времени местностей. Мухаммад Бакрон в ходе данного описания использовал многочисленные источники и, независимо от размеров представляемой местности, приводил ее правильное или известное название, стараясь описать все подробности окружающей среды, «чтобы у читателя появилось полное и ясное представление об описанном объекте» [1: 120]. Например: «Дар фасли аввал гуфта омадааст, ки баҳри Муҳит гирди рубъи маскун даромадааст аз ҳама ҷонибҳо, аммо ду шохи бузург аз ӯ ба ҷониби Уммон дарояд, яке аз сӯи машриқ ва он бузургтар аст ва онро дар кутуб "халиҷи Машриқӣ" хонанд ва дигаре аз сӯи мағриб ва он хурдтар аст ва ӯро "халиҷи Мағрибӣ" хонанд» [1: 73]; «...ҷӯи бузургро "рӯд" хонанд ва авом рӯди бузургро "ҷайҳун» хонанд" [1: 99].

В книгах	Разговорный язык
«...ҷазоири Хона (Ҷоба), ки онро *дар кутуб* Зобаҷ менависанд» [1: 75]; «*Дар китобҳо* ин ҷайҳунро наҳри Шош нависанд» [1: 103]; «Ҷиболи Қорун. ...ва ин кӯҳро низ "Ҷиболи Рунҷ" нависанд, яъне Руна ва маънии он маълум нест» [1: 111]; «"Ирама зоти-л-ъимод", ки *дар Қуръони маҷид* аст, Димишқ бошад» [1: 120]; «Шаҳри Чочро *дар кутуб* аш-Шош нависанд» [1: 122]; «вилояти Арронро ба "лом" нависанд ва бе "лом" ҳам нависанд, яъне "Аррон", аммо "Олон" ноҳияте дигар аст аз ҳадди куффор» [1: 123].	«...*авом* моҳии бузургро "наҳанг" хонанд» [1: 79]; «Ва ҳар дарё, ки ба баҳри Муҳит пайваста набошад, ӯро "дарё" нахонанд, "буҳайра" хонанд ба лафзи тасғири дарё» [1: 73]; «...аз буҳайраҳо ҳеч буҳайра бузургтар аз буҳайраи Обаскун нест, ки ӯро ба сабаби бузургии ӯ *баъзе мардумон* "баҳри мутлақ" хонанд ва аз дарёҳо шумуранд, аммо буҳайра аст» [1: 86]; «*баъзе мардумон* Ҳираро, ки бар канори рӯди Фурот аст, "Ал-Ҳирату-л-Байзо" хонанд» [1: 120–121].

Указаны различия названия местностей в письменной и разговорной форме. Большинство названий (онимы), используемых в различных книгах и распространенных в разговорном языке, приводится с применением словосочетаний и словарных конструкций типа *«говорят», «и говорят», «некоторые говорят», «как отмечают», «также говорят», «называют ...(так-то)», «значение ее непонятно», «и в книгах приводится в неясном виде», «противоречит тому-то»* и т. д., а затем дается правильный вариант. Хотим специально отметить, что двенадцатая глава – «Описание различий в названиях некоторых городов» [1: 120–122] – имеет непостредственную значимость для языкознания. Мухаммад Бакрон начинает данную главу так: «Некоторые города в книгах именуют одним названием, а в разговорной речи называют иначе», – и далее, приводя эти различия, иногда даже указывает на правильное произношение и написание наименований городов: «...Ироқ Кӯфа ва Басраро мехондаанд ва ин ҳар ду шаҳрро Ироқайн низ гуфтаанд. Баъд аз он ҳадди Ироқ зиёдат гирифтаанд, то бад-ин ҷое, ки баъзе ҳар чӣ аз Рай бигзашт, он ҳама шаҳрҳоро Ироқ ё Ироқайн пиндоранд. Ва асл он аст, ки гуфтем» [1: 120–121]; «...кӯҳҳоро дар китобҳо Қуфс ва Булус менависанд ва ба порсӣ Куч ва Булуч гӯянд» [1: 111]; «“Қуббат-ул-ислом” – Балхро гӯянд. Ва дар қадим номи Балх Бомиин будааст» [1: 122]; «Хазар, ки онро низ “Отил” хонанд ва “Хумлих” низ хонанд» [1: 103]; «“Сомарра” – “Сурра Ман Раоро” гӯянд...» [1: 120].

Поиски имен и их значений из книг и фиксирование смысла различных лексических элементов. Чтобы язык сочинения был понятным и доступным для читателя автор включает в текст пояснения, и надо отметить, что его старания не были бесполезными. Именно эти пояснения Мухаммада Бакрона сегодня помогают в распознавании понятий и в то же время делают книгу интересной и занимательной. В «Джахан-наме» пометку автора *«в книгах»* можно заметить более десяти раз: *«в некоторых книгах можно найти...»* [1: 72]; *«из древних книг стало ясно…»* [1: 69]; *«это имя (название) в книгах…»* [1: 84]; «*сущность этих названий неизвестна»* [1: 90]; *«и в книгах приводится в неясном виде»* [1: 107]; *«в большинстве книг приводится так…»* [1: 84]; *«в медицинских книгах сие не упомянуто»* [1: 150]; *«…в книгах прославлено непорочностью»* [1: 123]; *«в арабском словаре...»* [1: 99] и т. д. На ненайденные слова и значения указывает слово *«мубҳам» («скрыто»*, «*неясно»*); в составе *«в книгах приводится в неясном виде»* – 12 раз: «...ҷазираҳоест, ки онро ва хонанд ва ин лафз ҳамчунин *мубҳам дидаем дар кутуб*» [1: 76]; «…дар навоҳии Порс панҷ буҳайра аст, аммо номҳои он мубҳам дидаем ва ба тасҳиф хонда ва ҳақиқати он ***асомӣ*** маълум нест» [1: 90].

Одной из особенностей языка «Джахан-наме» является простой стиль изложения, к тому же, включая соответствующие пояснения, автор сделалтак, чтобы «данное произведение было более доступным» [1: 115]. В процессе чтения можно видеть, как умело и уместно зафиксирован им смысл «непонятных» лексических элементов с помощью синонимов или переводов: «“Мад(д)” зиёдат шудани об аст ва “ҷазр” нуқсони он» [1: 80]; «“Муфрадбуҳайра” бад-он сабаб хонанд, ки оби ӯ дар бештаре аз сол хуш бошаду талх набошад, ба хилофи оби дарё. Ва он бад-он сабаб бувад, ки Нили Миср дар ин буҳайра меравад ва оби ӯро хуш мекунад. Аммо дар ғояти гармо оби ӯ таъм бигардонаду шӯрӣ гирад» [1: 83]; «...лафзи Отил *ҳам номи шаҳри Хазар* аст... ва *ҳам номи он ҷайҳун* аст» [1: 103].

Указание на ошибки. Стиль изложения и передачи информации (приведение исконного и правильного произношения и начертания слова) придает языку про-

изведения особую привлекательность, в чем можно удостовериться с первой его страницы: «...мы приняли и излагаем только то, что близко к реальности» [1: 62]. Например: «Баҳри Бунтус. Ин исм дар кутуб ҳамчунин мубҳам ёфтаем ва ин баҳр миёни Сақлобу Хазар ва Рум аст. Ва ин дарёе аст, ба нафси хеш. Ва дар бештари кутуб чунин овардаанд, ки ин баҳре муфрад аст ва ба баҳри Муҳит муттасил нест. Аммо ҳақиқат он аст, ки ӯро ба баҳри Муҳит иттисол аст аз ҷониби шимол» [1: 84]. Здесь видно, что изначально внимание Мухаммада Бакрона направлено на указание неясности названия – на слово «Бунтус», а затем, говоря об его расположении, он с помощью словосочетания *«на самом деле»* подчеркивает *«неверно»* приведенную в книгах информацию.

Другой пример: «Хито. Ҳашами Хиторо асл аз вилояти Чин аст ва ин лафзи “хито”, ки бар эшон итлоқ мекунанд, хатост ва он “Қито” мебояд. Ва “Қито” номи шаҳри бузург аст аз шаҳрҳои Чин...

...амире бузург аз умарои Қито ва гӯянд амири охир подшоҳи Чин будааст, аз он ҷо ҳаракат кардааст, ба сабаби истизодате ва омадаву дар роҳ ҳарбҳо карда ва ҳамчунин меомада то ҳудуди Балосоғун. Он ҷо касе эшонро монеъ наёмадааст, сокин шуданд. Пас, дар лафзи Қито тасарруфе кардааанду ҷойгоҳи хешро “Қутав” ном ниҳодаанд. Ва авом худ эшонро “Хито” мехонанд ба хато» [1: 125–126].

Как отмечалось ранее, приводя точные сведения и разъясняя слова, в частности онимы (Хито – Кхито – Кхутав), автор хотел, чтобы его описания были доступны читателю. Это подтверждает слова профессора А. Хасанова: «Чтение произведений предшественников доказывает, что литераторы с древних времен беспрерывно направляли внимание на правильность и изящество изложения и также на различение хорошего от неясного» [9: 4].

Подобно этому, группа конструкций придает данному произведению детализационные и изыскательские особенности:

...на чунон аст, ҳақиқат он аст, ки, ба ҳақиқат... , ба тафаҳҳуси бисёр маълум гаштааст... , ва он он аст...	аммо... аст, аммо... нест, ва асл он аст, ки...	ба тасҳиф... , хилоф кардаанд...
«Ва баъзе гӯянд Завроъ зоҳири Бағдод бошад ва на чунон аст» [1: 120]; «...баъзе гӯянд, зумуррад ва забарҷад ҳар ду яке аст, аммо ҳақиқат он аст, ки забарҷад ҷавҳаре дигар аст, чунон-к гуфта шавад» [1: 147–148]; «ба ҳақиқат аз дираме донге беш маъмур нест» [1: 65]; «...фоидае дигар аст ва он он аст, ки қибла бад-ӯ тавон донист» [1: 68].	«...ӯро “халиҷи Мағрибӣ” гӯянд, аммо ӯ маъруф ба баҳри Рум аст» [1: 82]; «..аз дарёҳо шумуранд, аммо буҳайра аст» [1: 86]; «...ҷавҳаре меёбанд монандаи ёқут, аммо ёқут нест» [1: 113].	«...Халлухро мардумон ба тасҳиф “Халаҷ” мехонанд» [1: 127]; «...аммо одат чунин рафтааст... » [1: 65]; «... дар замони мадду ҷазр хилоф кардаанд» [1: 80]; «Анбар. Дар ҷирми ӯ хилоф кунанд... » [1: 152]

Таким образом, на основе приведенных примеров можно сделать заключение, что «Джахан-наме» является одним из ценных научных трудов XIII в. – «истоник, в котором исследователи находят материалы и информацию для познания истории таджикского литературного языка» [5: 3]. Вклад Мухаммада Бакрона, наравне с другими отраслями наук (география, история), важен и для развития языкознания, так как автор применил научный подход, исходя из того, что «ни одно средство не является более подходящим, чем разновидности науки и их результаты» [1: 59]. В тексте «Джахан-наме» заметны усилия автора по редактированию языка

и использованию общедоступной лексики. Намерение его сделать произведение более доступным, приводить известные и понятные факты, использовать слова, не нуждающиеся в пояснениях, сообщать информацию, которая не вызывает отторжения у читателя, – все это свидетельствует об эрудиции Мухаммада Бакрона и о научной значимости созданного им произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакрон Муҳаммад ибни Наҷиб.* Ҷаҳоннома / Муқаддима, таҳия, таълиқот ва феҳристи Фирӯза Қодирова. Хуҷанд: Хуросон, 2019. 192 с.

2. *Бартольд В.В.* Соч. Т. 1. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 760 с.

3. *Деҳақӣ М.Ҷ., Сулаймонӣ М.* Баррасии татбиқии нусхаи хаттии «Масолик ва мамолик»-и Ҷурҷонӣ ва матни «Ҷаҳоннома» // Пажӯҳишҳои эроншиносӣ. Теҳрон, 1393. № 2. С. 1–12.

4. *Қодирова Ф.* Хусусиятҳои луғавӣ-маънои «Ҷаҳоннома»-и Муҳаммади Бакрон. Хуҷанд: Хуросон, 2023. 204 с.

5. *Қосимова М.* Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX–X). Қисми 1. Душанбе, 2003. 490 с.

6. *Мухаммад ибн Наджиб Бакран*. Джахан-наме (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 22 с., 141 с. староараб. паг.

7. *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 490 с.

8. *Раҳимов И.* Глобусе, ки олими тоҷик дар асри XIII сохта буд // Сухани халқ. 2017. № 6(426). С. 8.

9. *Ҳасанов А.* Зикри нуқси сухан дар вожаномаҳои куҳан. Хуҷанд, 2001. 41 с.

10. *Ҳудуд-ул-олам*. Тоҷнома. Силсилаи Тоҷикон дар масири тамаддун. Китоби XI / Таҳиякунандаи матн ва муаллифи пешгуфтор Абдуҷамол Ҳасанов. Душанбе: Бухоро, 2014. 565 с.

11. *Ashrapov B.P*. Comparative Analysis of Word-building Potential of Tajik Adverbial Prefixes bar-, dar- and to- and Their English Equivalents // Stephanos. 2023. № 6(62). P. 81–69. DOI 10.24249/2309-9917-2023-62-6-81-89

12. *Ghiyosov N.I., Kadirova F.R.* Some Views Concerned with the Vocabulary (stock of word) of «Jahon-name» // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. 2020. № 1(82). P. 134–142.

REFERENCES

1. Bakran Muhammad ibn Najib. (2019) Jahan-Name / Introduction, index, commentary and catalog by Firuza Kadirova. Khujand. Khuroson Publ. 192 p.

2. Barthold V.V. (1963) Compositions. Vol. 1. Moscow. Oriental Literature Publ. 760 p.

3. Dehaki M.J., Sulaimoni M. Review on Application of Written Version of Jurjani's "Masolik and Mamolik" and text of "Jahon-Name". *Iranian Studies*. 1393. No 2, pp. 1–12.

4. Kodirova F. (2019) Lexical-Semantic Features of "Jahon-Name" by Muhammad Bakron. Khujand. Khuroson Publ. 204 p.

5. Kosimova M. (2003) The History of Modern Tajik Literary Language (IX–X). Part 1. Dushanbe. 490 p.

6. Muhammad ibn Najib Bakran. (1960) Jahon-Name / Prepared the text, introduced and indexed by Yu.E. Borshevsky.Moscow. Oriental Literature Publ. 22 p., 141 p. old Arabic pag.

7. Oransky I.M. (1960) Introduction to Iranian Philology. Moscow. Oriental Literature Publ. 490 p.

8. Rahimov I. A Globe Made by Tajik Scientist in the 13th Century. *Word of the People.* 2017. No 6(426), p. 8.

9. Hasanov A. (2001) Mention of Speech Defects in Old Vocabularies. Khujand. 41 p.

10. Hudud-ul-olam. (2014) Ceremony. Series of Tajiks on Path of Vivilization. Book XI / Prepared the text and introduced by Abdujamol Hasanov. Dushanbe. Bukhara Publ. 565 p.

11. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Word-building Potential of Tajik Adverbial Prefixes bar-, dar- and to- and Their English Equivalents. *Stephanos*. 2023. No 6(62), pp. 81–69. DOI 10.24249/2309-9917-2023-62-6-81-89

12. Ghiyosov N.I., Kadirova F.R. Some Views Concerned with the Vocabulary (stock of word) of "Jahon-name". *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences*. 2020. No 1(82), pp. 134–142.

Сведения об авторе:

Фируза Рустамовна Кодирова,	Firuza R. Kodirova,
доктор PhD	Doctor of PhD
ст. преподаватель	Senior Lecturer
общеуниверситетская кафедра таджикского языка	All-University Department of Tajik Language
Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова	Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

fkodirova9101@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-85-89

Б.Ж. Биссон (Москва, Россия)

Термин «государство» и его употребление в русском, французском и других романских языках

Аннотация: В статье исследуется восприятие и употребление в XX в. термина «государство» во французском языке и других европейских языках, в особенности романских, в сравнении с русским языком. Рассматриваются разные подходы к переводу данного термина с русского языка на европейские языки в зависимости от политического содержания и контекста. Предложены разные варианты для выявления принципов перевода сопутствующих терминов из лексико-политического дискурса.

Ключевые слова: государство, государственный, государь, республика, режим, королевство, Платон, Людовик XIV, Виши

B.-J. Bisson (Moscow, Russia)

The Term “state” and Its Use in Russian, French and Other Romance Languages”

Abstract: The article deals with the peculiarities of using the term “state” in the twentieth century in French and other European languages, especially Romance languages, in comparison with Russian. Different approaches to translating this term from Russian into European languages are considered, depending on the political content and context. Various options are proposed to identify the principles of translation of related terms from lexical and political discourse.

Key words: État, national, public, régalien, république, régime, royaume, Platon, Louis XIV, Vichy

Практика перевода между русским языком и французским показывает, что не всегда можно найти эквивалент для определенных лексем. Предметом статьи не является изучение происхождения и определение понятия «государство», но тем не менее напомним некоторые из определений и укажем отличительные черты этого понятия.

ТЕРМИН «ГОСУДАРСТВО» КАК СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Эквивалент слова «государство» во французском языке – «État» (с заглавной буквы). Слово происходит не прямо от латинского «status», а от глагола «stare», который в прямом смысле означает «стоять», а в переносном – «занимать позицию».

Слово пришло в XV в. во французский язык из итальянского **stato** вместе с переводами важных работ двух авторов: «Storia d'Italia» (1537–1540) Франческо Гвиччардини (Francesco Guicciardini, 1483–1540) и «Государь» Никколо ди Макиавелли (1469–1527).

Франческо Гвиччардини определяет «stato» как «administration d'une société» – «управлением обществом».

Макиавелли одним из первых употребляет слово «stato» в значении «политическое единство народа, которое <…> может пережить приход и уход не только правительств, но и форм правления».

Около 1500 г. во французском языке уже отмечается определение государства как «nation soumise à une même autorité», а в 1594 появилось понятие «Secretaire d'Estat», т. е. «статский секретарь». Отметим, что слово пишется еще без «accent aigu» и с буквой «s».

Французские переводчики Макиавелли и Гвиччардини ввели новое понятие во французский язык, а в XVI в. стали писать новое слово с заглавной буквы, чтобы отличить его от уже существующего слова «état», которое означает «состояние, положение». В целом переводы этих двух итальянских авторов на другие европейские языки оказали значительное влияние на становление политического дискурса в Европе [6: 57].

Тогда появилось более точное определение государства, как «Autorité politique souveraine, civile, militaire ou éventuellement religieuse, considérée comme une personne juridique et morale, à laquelle est soumise un groupement humain, vivant sur un territoire donné»[1], т. е. «суверенный политический орган, гражданский, военный или, возможно, религиозный, рассматриваемый как юридическое лицо, которому подчиняется группа людей, проживающая на данной территории».

Так же как и во французском языке, в испанском слово «Estado» появилось, благодаря выходу перевода основной работы Макиавелли «Государь» в 1550 г.

В португальском языке слово «Estado» существовало с XIII в. и имело следующее определение: «Refere-se ao conjunto de instituições de apoio que regulam (goberno) e que têm soberania ao longo de um território definido e de uma população».

Что касается румынского языка, сложно определить период появления слова «Statul», но идея Румынии как государства возникла в 1859 г., затем была утверждена в 1866 г. при избрании князя, наделенного наследственностью, для союза Валахии и Румынии.

ОБРАЗОВАННОЕ ОТ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «ГОСУДАРСТВО» ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сложность для переводчика заключается в том, что не во всех романских языках существует прилагательное, произведенное от корни «stat» и соответствующее русскому слову «государственный». В итальянском есть «statale», в испанском «estatal», в португальском «estadual» и «estaduais», но во французском и румынском языках нет такого прилагательного. Во французском скорее всего употребляют

[1] CNRTL (Centre national de ressources textuelles et lexicales). Определение «État»: cnrtl.fr/definition/%C3%A9tat

либо дополнение к существительному, как «de l'État» и «d'État», либо другие прилагательные, такие как «national, français, public, officiel». Если речь идет конкретно о России, прилагательное «государственный» в некоторых случаях может даже переводиться словом «russe».

На самом деле самое близкое к понятию государственности прилагательное во французском – «régalien», от латинского «rex» и всех производных от этого слова терминов: roi, régime, régir, régner, и даже имя Régis. Поэтому исторически «régalien» – это то, что входит в компетенцию королевской власти, а сегодня во Франции прилагательное «régalien», как правило, употребляется применительно к функциям, которые выполняют определенные чиновники или службы; например, «La diplomatie est une compétence régaliennne». Тем не менее данное прилагательное употребляется во французском довольно редко.

Отсутствие прилагательного, которое было бы ближе к слову «государство», объясняется особым и довольно противоречивым отношением французов к государству – между недоверием и преданностью [4]. В данной статье мы не будем обсуждать суть такого отношения, но можно привести несколько примеров этого отношения на практике в разных исторических обстоятельствах.

Отметим, что единственный раз, когда слово «государство» присутствовало в официальном названия Франции, – это время так называемого «режима Виши» («Régime de Vichy»), т. е. при немецкой оккупации Франции во время Второй мировой войны: национальная ассамблея проголосовала за присвоение неограниченных полномочий маршалу Филиппу Петену 10 июля 1940 г. Тогда на следующий день маршал Петен утвердил официальное название «État français». Режим был назван не «royaume de France» («королевство Франции»), не «république française» («французская республика»), но именно «État français», т. е. «Французское государство».

Можно еще вспомнить знаменитое и, может быть, апокрифическое изречение французского короля Людовика XIV: «L'État, c'est moi»: «государство –это я»[2]. Естественно, в этой фразе можно увидеть проявление эгоизма или эгоцентризма, но, скорее всего, налицо заявление о взятии на себя ответственности перед народом – как раз тех функций, которые называются по-французски «régalienes».

До сих пор французы избегают употребления слова «État» и тем более соответствующего прилагательного, поскольку в их менталитете это всегда признак довлеющей над ними власти.

В результате там, где прилагательное «государственный» присутствует в высказываниях на русском языке, во французском просто не находится подходящего слова – ни существительного, ни прилагательного.

С данной проблематикой сталкиваются при переводе, и чаще всего приходится употреблять другое слово или даже другой оборот. Самый яркий пример: подавляющее большинство университетов в России и странах СНГ называются «государственными», в то время как во Франции университеты называются «просто» «universités», без уточнения о статусе. Поэтому «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» было бы логичнее перевести не «Université d'État de Moscou – Lomonossov», а просто «Université de Moscou – Lomonossov». Если необходимо указать принадлежность университета государству, во Франции можно уточнить в названии университета «publique, nationale, française», но это случается редко, и, как правило, названия вузов во Франции не показывают, частное это учреждение или государственное.

[2] На самом деле Людовик XIV сказал «Je m'en vais, mais l'État demeurera toujours» [«Я ухожу, но государство всегда останется»]; см.: *Bluche Fr.* Louis XIV. Paris: Fayard, 2012. 1056 p.

	Французский	**Итальянский**	**Испанский**	**Португальский**	**Румынский**
госкорпорация	entreprise publique (≠ *corporation*)	società statale, Azienda pubblica	Corporación estatal, Empresa pública	empresa publica (*corporation : guilda*)	corporația de stat, companie publica
госзаказ, госзакупки	commandes officielles, marchés publics	ordine pubblico, appalti pubblici	orden público, contratación pública	ordem publica, compras publicas	ordine de stat, achiziții publice
госслужащий	fonctionnaire	dipendente pubblico, impiegato statale	funcionario público	funcionario publico	funcționar public
государственный (университет)	(Université) publique, nationale, или нет указаний, иногда уточняют: частный, муниципальный, региональный	Università pubblica, università statale (реже)	Universidad estatal	uma universidade publica universidade estadual	universitatea de stat, statul
госрегистрация	enregistrement officiel, état-civil	registrazione statale, stato civile	registro estatal, estado civil	registro do estado, estado civil	inregistrarea de stat, stare civilă
госреестр	registre national (par exemple RNE en France : registre national des entreprises)	registro statale			registrul de stat
государственное управление	administration publique, gouvernement	gestione pubblica	administración pública, gobierno	administração publica	administrație publica
социальное государство	État-providence (exception)	stato sociale	estado social	estado social	statul bunastarii
государственный награды	decorations nationales / officielles	premi statali	premios estatales	premios estaduais	premii de stat
госизмена	trahison nationale	tradimento nationale	traición nacional	traição nacional	tradare națională
коммунальные услуги (не совсем эквивалент)	**service public**	servizio **pubblico**	servicios **públicos**	serviço **publico**	serviciul **public**
государственный переворот	Coup d'État (exception)	colpo di Stato	golpe de Estado	golpe de estado	lovitura de stat
правовое государство	État de droit	Stato di diritto	Estado de Derecho	estado de direito	statul de drept

Если вернуться к вопросу о названии политического режима Виши, то это не république, а именно «État». В русском оба термина в некоторых случаях переводятся одним и тем же словом – «государство», как название основной работы Платона «Государство» (в оригинале «Πολιτεία»), которое было переведено на французский как «La République». Этот же термин использован в названиях книги Платона в других романских языках: на итальянском – «La Repubblica», на испанском – «La República», на португальском – «A República», на румынском – «Republica».

Так же и с работой Цицерона «О государстве» (лат. «De re publica»): по-французски «De la République», на испанском данная книга Цицерона называется «La cosa pública, del pueblo», на итальянском – «La Repubblica o Sulla cosa pubblica o Sullo Stato», на португальском – «De re publica».

Но и республика по определению почти всех словарей есть дело общественное, политическое устройство общество, государство.

Чтобы облегчить задачу переводчиков, предлагается таблица, в которой самые встречаемые в русском языке случаи словосочетаний со словами «государство» и «государственный». Перечень не полный, но достаточно представительный.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Bluche Fr. Louis XIV. Paris: Fayard, 2012. 1056 p.

Centre national de ressources textuelles et lexicales: cnrtl.fr/definition/%C3%A9tat (date accessed: 27.01.2023).

Dictionnaire de l'Académie française. Available: www.dictionnaire-academie.fr/ (date accessed: 27.01.2023).

Duhamel A. Les Français n'aiment pas l'État mais ils en attendent tout: www.lemonde.fr/archives/article/1970/10/10/les-francais-n-aiment-pas-l-etat-mais-ils-en-attendent-tout_2661439_1819218.html (date accessed: 27.01.2023)

L'État et la nation (définitions, rapports, différences): aideauxtd.com/etat-et-nation/ (date accessed: 27.01.2023).

Les Traductions comme textes politiques. Un voyage entre France et Italie (XVIe–XXe siècle) / Sous la direction de Fr. Piselli, F. Proietti. Paris: Classiques Garnier, 2017. 293 p.

Сведения об авторе:

Брюно Жозеф Биссон,
канд. филол. наук
доцент
МГИМО(У)

Bruno Joseph Bisson,
PhD
Associate Professor
MGIMO University
bruno.bisson@mail.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-90-95

Л.А. Винокурова (Москва, Россия)

Чешский научный журнал «Новая русистика» о русской литературе

Аннотация: В статье рассматриваются принципы, структура и содержание чешского научного журнала «Новая русистика» (2008–.), посвященного русской литературе. Являясь преемником журнала «Чехословацкая русистика», «Новая русистика» (главный редактор проф. Иво Поспишил, Брно) освещает вопросы, актуальные для русистики XXI в., в русле ареальной филологии, рассматривая русистику в контексте славистики и центральноевропеистики.

Ключевые слова: ареальная филология, славистика, русская литература, русско-чешские литературные связи, чешская русистика, межславянские литературные связи, периодика, русистика

L.A. Vinokurova (Moscow, Russia)

Czech Scientific Magazine “Novaja Rusistika” (“Nová rusistika”) about Russian Literature

Abstract: The article deals with the principles, the principles, structure and content of the Czech scientific magazine “Novaja rusistika” (“Nová rusistika”) (2008– .), devoted to topical issues of Russian literature. As a successor to the magazine “Československá rusistika”, “Novaja rusistika” (editor-in-chief Prof. Ivo Pospišil, Brno) covers issues relevant to Russian studies of the 21st century in line with areal philology, considering Russian studies in the context of Slavic and Central European studies.

Key words: areal philology, Slavistics, Russian literature, Russian-Czech literary relations, Czech Russistics, inter-Slavic literary relations, periodicals, Russian studies

«Новая русистика» – чешский научный журнал, посвященный актуальным проблемам русистики и славистики в контексте ареальной филологии. «Новая русистика» издается на базе университета имени Масарика в Брно, ее бессменным шеф-редактором является профессор И. Поспишил, ведущий специалист Чехии по русской литературе и русско-чешским литературным связям. Архив журнала, издающегося два раза в год, на настоящий момент состоит из 33 номеров и содержит около 500 статей, посвященных прежде всего русской литературе и ее рецепции в славянском и европейском контексте, что свидетельствует о развитии этой области филологии.

Являясь преемником журнала «Чехословацкая русистика» (1956–1990), «Новая русистика» (2008–.) освещает вопросы, актуальные для русистики XXI в., в русле ареальной филологии, рассматривая русистику в контексте славистики и центрально-европеистики. Согласно вводной статье первого номера «“Новая русистика” и новая русистика на пороге 21 века», среди целей и задач журнала – «укрепление международного сотрудничества русистов», «усиление общественной позиции русистики» и «исследование новых этно-психо-социальных процессов, выходящих за пределы филологической и ареальной русистики», в том числе проблемы интеграции русскоязычных эмигрантов и связей Центральной Европы и России [Поспишил 2008: 5].

Среди авторов журнала не только старшее, но и младшее поколение русистов, в чем проявляется «не генерационный, не групповой, а межгенерационный, открытый» [Поспишил 2008: 5] характер журнала. Основными языками публикаций являются русский и чешский, но встречаются также работы на других славянских языках. В журнале публикуются труды как чешских, так и зарубежных ученых; особо следует сказать о плодотворной работе с журналом сотрудника филологического факультета МГУ, известного специалиста по чешско-русским литературным связям А.В. Злочевской (1951–2022), чьи статьи неоднократно печатались в журнале. Все это свидетельствует о том, что «Новая русистика» является одной из самых крупных международных русистических площадок, продолжающих свою деятельность и в настоящее время, в связи с чем анализ публикаций «Новой русистики» крайне актуален и для отечественной русистики.

Материалы, публикующиеся в «Новой русистике», делятся на несколько постоянных рубрик: «Статьи (на русском языке), Marginalia (на русском и чешском языках), раздел рецензий и Informatorium (краткие отзывы, сообщения)» [Поспишил 2010: 210]. Материал каждой из этих рубрик заслуживает отдельного исследования, более того, стоит изучить и отдельные номера журнала, – но мы ограничимся лишь тем, что обзорно наметим проблематику публикаций.

Большую часть объема журнала занимает рубрика «Статьи». Ее материалы можно разделить на две категории: собственно о русской литературе и о русистике как части ареального литературоведения. Статьи о русской литературе были посвящены как отдельным авторам (например, исследуется творчество Лескова, Достоевского, Ахматовой, Набокова, Булгакова и др.[1]), так и отдельным явлениям или жанрам, например: статья Зд. Матыушовой «Художественные и ценностные источники русской деревенской прозы»[2], статья Е. Куховой «Жанровые формы литературных произведений с лагерной тематикой в творчестве А. Солженицына и В. Шаламова»[3], статья М.Г. Уртминцевой «Русский роман XIX века: испытание провинцией»[4].

---

[1] См., напр.: *Mnich R*. Запах как дискурс в поэзии Анны Ахматовой // Novaja rusistika. 2008. Č. 2. S. [11]–19; Zločevskaja A.V. Креативно-эстетическая стратегия В. Набокова и М. Булгакова // Novaja rusistika. 2011. Č. 1. S. [25]–36; *Paučová L*. Saint Petersburg and Dostoyevsky›s Diary of a Writer: on the edge of a literary genre // Novaja rusistika. 2020. Č. 1. S. 45-54; *Pechal Zd.* Природные мотивы в романе Владимира Набокова «Дар» как средство деавтоматизации // Novaja rusistika. 2021. Č. 2. S. 31–43; *Kosych G.* «Современные записки» о «неканонизированном» писателе Н.С. Лескове // Novaja rusistika. 2023. Č. 1. S. 5–14.

[2] *Matyušová Zd.* Художественные и ценностные источники русской деревенской прозы // Novaja rusistika. 2008. Č. 2. S. [21]–34

[3] *Kúchová E.* Žánrové podoby literárnych diel s táborovou tematikou v tvorbe A. Solženicyna a V. Šalamova // Novaja rusistika. 2011. Č. 2. S. [43]–53.

[4] *Urtminceva M.G.* Русский роман XIX века: испытание провинцией // Novaja rusistika. 2010. Č. 1. S. [35]–43

Необходимо отметить, что исследователей интересуют практически все периоды развития русской литературы – от Фаддея Булгарина до современности.

Много статей посвящено сравнительно-историческому литературоведению и компаративистике, например: сравнивается представление о будущем Фаддея Булгарина и Жюля Верна[1]; изучается влияние западных философов на русскую литературу (философские концепты Ницше у Брюсова[2]), преломление общеевропейских течений в русской и западноевропейской литературе, как в статье В.Т. Захаровой «Импрессионистическое художественное сознание в русской и западноевропейской прозе начала XX века»[3]. Затрагиваются также и контактные связи: есть, например, статья Р. Андрейса о московском периоде Йиржи Вайля[4], чешского писателя первой половины XX в., который жил в СССР в первой половине 1930-х гг. и отразил этот период в ряде своих романов.

Присутствуют также статьи по ареальному литературоведению. Так, довольно часто затрагиваются межславянские связи[5]. Некоторые статьи посвящены отражению проблем русистики в исследованиях других славянских стран, например в статье М. Гронцкой «Русская народническая беллетристика в польских исследованиях»[6]. Но гораздо больше статей освещают состояние русистики в Чехии и Чехословакии, как статья И. Поспишила «Русский феномен и проблема чехословацкой / чешской русистики»[7]. Есть и статья Л. Одегналовой, посвященная анализу чешских обзоров чешских же работ о современной русской литературе[8].

Ряд статей посвящен переводам русской литературы. Рассматривается феномен как поэтического перевода (статьи О. Рихтерека «Русская поэзия как феномен чешского перевода»[9], И. Поспишила «К традиции брненского стиховедения и специфике русской поэзии»[10] и др.), так и перевода прозы. Так, в статье К. Шинделаржа сравниваются переводы частей романа братьев Стругацких «Трудно быть богом» на английский, немецкий и чешский языки[11]. Помимо вопросов перевода, присутствует также анализ интерпретации русской литературы в Чехии: например, в статье Д. Крочи рассматривается интерпретация «Трех сестер» Чехова Городским театром Брно[12].

Размышления о русской литературе продолжаются и в разделе «Маргиналии», только уже в формате не статей, а заметок (например, работа И. Поспишила «Не-

---

[1] *Franta V.* 29 век как хронотопос отдаленного будущего в понимании Жюля Верна и Фаддея Булгарина // Novaja rusistika. 2009. Č. 2. S. [5]–12.

[2] *Varga P.* Стихотворение «Юному поэту» и новелла Моцарт В.Я. Брюсова сквозь призму некоторых философских концептов Фридриха Ницше // Novaja rusistika. 2018. Č. 2. S. 33–45.

[3] *Zacharova V.T.* Импрессионистическое художественное сознание в русской и западноевропейской прозе начала XX века // Novaja rusistika. 2010. Č. 2. S. [3]–19.

[4] *Andrejs R.* Московский период Йиржи Вайла // Novaja rusistika. 2020. Č. 2. S. 43–52.

[5] *Suchanek L.* Славянский мир и Европа // Novaja rusistika. 2010. Č. 1. S. [27]–33; *Dohnal J.* Термин «инославянский» и вопрос его уместности // Novaja rusistika. 2018. Č. 1. S. 5–14.

[6] *Grącka M.* Русская народническая беллетристика в польских исследованиях // Novaja rusistika. 2017. Č. 1. S. 69–79.

[7] *Pospíšil I.* Русский феномен и проблема чехословацкой / чешской русистики // Novaja rusistika. 2016. Č. 2. S. 45–56.

[8] *Odehnalová L.* Současná ruská literatura a její česká recepce z perspektivy rusistických periodik // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 39–47.

[9] *Richterek O.* Русская поэзия как феномен чешского перевода // Novaja rusistika. 2009. Č. 1. S. [5]–15.

[10] *Pospíšil I.* К традиции брненского стиховедения и специфике русской поэзии // Novaja rusistika. 2009. Č. 2. S. [55]–65.

[11] *Šindelář K.* Перевод избранных частей романа «Трудно быть богом» на английский, немецкий и чешский языки // Novaja rusistika. 2013. Č. 2. S. [25]–40.

[12] *Kroča D.* Чеховская трагикомедия: интерпретация «Трех сестер» в Городском театре Брно // Novaja rusistika. 2021. Č. 1. S. 31–39.

сколько заметок по поводу концепции Максима Горького и русской литературы в третьем томе России и Европы Т.Г. Масарика»[1]). Также представлен жанр размышлений (заметка М. Бубениковой «Над новой чешской книгой о Ф.М. Достоевском»[2]). Есть заметки и об ареальной русистике («Znovuvytváření ruského fenoménu na počátku 21. století: návraty a nová "nasvěcování"» И. Поспишила[3]). В этом контексте интересны размышления об изучении славистических дисциплин в институте славистики университета им. Масарика в Брно[4].

Но большую часть «Маргиналий» и следующего раздела, «Информатория», занимают заметки о выдающихся русистах и актуальных для славянского мира событиях, чаще всего приуроченные к определенным датам. При общем тематическом совпадении материал в этих двух разделах подается по-разному. Сообщения, печатающиеся в «Маргиналиях», в основном носят характер заметок на полях, как сообщение по случаю выхода новой книги известной брненской компаративистки Д. Кшицовой «От модерна к авангарду»[5]. Здесь же, в «Маргиналиях», публикуются заметки о значимых для русистики годовщинах: так, например, в 2010 г. поместили рассказ о праздновании стопятидесятилетнего юбилея Чехова[6] и о «первых двух сотнях лет гоголевского мира»[7]. Публикуются также размышления по следам прошедших недавно конференций: были затронуты Болдинские чтения[8], конференция в Брно о Гоголе[9], Белградская славистическая конференция 2010 г.[10], конгрессы чешских и зарубежных славистов[11]. Брненскому совещанию по вопросам международной славистики был посвящен целый дополнительный выпуск Suplementum за 2012 г.

Следующая рубрика, тематически пересекающаяся с «Маргиналиями», – «Информаторий», в котором заметки об актуальных конференциях и выдающихся личностях носят скорее не рефлексивный, а информативный характер, обобщая исследовательский путь ученого или подводя итоги конференций. Эти заметки содержат прежде всего ценные данные о жизни и исследованиях выдающихся славистов, как в биографическом, так и в библиографическом смысле. Среди отечественных ученых, чей вклад в русистику и славистику был отмечен журналом, выдающиеся богемисты С.В. Никольский, Л.В. Будагова и А.В. Злочевская; статьи о них написали соответственно Н.С. Рубцова, И. Поспишил и А.Г. Шешкен[12].

[1] *Pospíšil I.* Несколько заметок по поводу концепции Максима Горького и русской литературы в третьем томе России и Европы Т.Г. Масарика // Novaja rusistika. 2017. Č. 2. S. 71–81.
[2] *Bubeníková M.* Над новой чешской книгой о Ф. М. Достоевском // Novaja rusistika. 2011. Č. 1. S. [81]–84.
[3] *Pospíšil I.* Znovuvytváření ruského fenoménu na počátku 21. století: návraty a nová «nasvěcování» // Novaja rusistika. 2014. Č. 1. S. 181–187.
[4] *Pospíšil I.* Новые учебные программы в Институте славистики Университета им. Масарика (Брно) // Novaja rusistika. 2009. Č. 1. S. [79]–80.
[5] *Franta V.* Генологическое межевание на рубеже столетий: in margine Д. Кшицова: От модерна к авангарду // Novaja rusistika. 2009. Č. 1. S. [73]–78.
[6] *Richterek O.* Знаменитый юбилей А.П. Чехова // Novaja rusistika. 2010. Č. 1. S. [57]–61.
[7] *Kliment'jev M.* Первые двести лет Гоголевского мира // Novaja rusistika. 2010. Č. 1. S. [89]–95.
[8] *Počekutova J.A.* Болдинские чтения 2007 // Novaja rusistika. 2008. Č. 1. S. [77]–80.
[9] *Pospíšil I.* V Brně o Gogolovi // Novaja rusistika. 2009. Č. 2. S. [101]–102.
[10] *Stanković B.* Очередная январская встреча славистов: (Белград, 12–15 января 2010 г.) // Novaja rusistika. 2010. Č. 1. S. [63]–66.
[11] См., напр.: *Mattová L.* II. kongres českých slavistů // Novaja rusistika. 2010. Č. 1. S. [67]–68; *Pospíšil I.* Areálová studia a areálová vs. tradiční rusistika na III. kongresu českých slavistů // Novaja rusistika. 2011. Č. 2. S. [85]–87; *Gunišová E.* V. kongres českých slavistů // Novaja rusistika. 2016. Č. 2. S. 200–201; *Zelenka M.* Světové setkání rusistů – XIV. mezinárodní kongres MAPRJAL v Kazachstánu // Novaja rusistika. 2019. Č. 2. S. 77–78.
[12] *Rubcova N.S.* Памяти профессора Сергея Васильевича Никольского // Novaja rusistika. 2015. Č. 2. S. [83]–84; *Pospíšil I.* Odešla významná ruská slavistka a bohemistka: In memoriam Ljudmily Norajrovny Budagovové // Novaja rusistika. 2022. Č. 1. S. 98–101; *Šešken A.G.* Алла Владимировна Злочевская: жизнь как подвиг // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 86–88.

Тематически объединяющей для всего журнала можно назвать рубрику «Рецензии», по объему конкурирующую со «Статьями». В «Новой русистике» печатаются рецензии на самые разные труды, и в их многообразии отражен весь спектр публикующихся в журнале материалов. Есть рецензии на книги, посвященные отдельным периодам русской литературы[1], на исследования, разрабатывающие на русском материале отдельные теоретические понятия[2], на работы о творчестве конкретных литераторов (о Лермонтове, Андрее Белом, Толстом, Солженицыне, Цветаевой и др.)[3]. Журнал откликается и на славистические исследования, прежде всего о русской литературе, изданные за пределами Чехии[4]. Присутствуют также рецензии на труды, анализирующие исследования значимых славистов (в частности, на библиографию известного русиста М. Заградки[5]), на сборники статей по славистической проблематике и русистике[6]. География рецензируемых публикаций крайне обширна. Помимо российских, чешских и словацких исследований, среди отмеченных в журнале книг находятся исследования из Польши, Сербии, Болгарии, Украины, Белоруссии, Венгрии, Литвы, США, Германии и даже Японии. Все это свидетельствует о глубокой вовлеченности «Новой русистики» в европейский научный процесс.

Переняв, согласно вводной статье И. Поспишила, от «Чехословацкой русистики» все лучшее, что было в русистике в 1960-е гг., «Новая русистика» не стоит на месте. Прочно укрепившись в филологических кругах, журнал неутомимо продолжает под руководством И. Поспишила свою деятельность в русле самых актуальных проблем русистики. Публикующиеся в журнале материалы посвящены не только исторически сложившимся аспектам изучния русской литературы, но и тенденциям новейшего времени. Так, в 2016 г. вышла статья М.Н. Пономаренко «Воспроизведение гендерной составляющей авторского идиостиля в переводе художественного текста»[7].

---

[1] *Pospíšil I.* Potřebná příručka o ruském světě // Novaja rusistika. 2008. Č. 1. S. 92–93. Рец. на: *Antoňák A.* Ruská literatura 20. storočia I.: (kompendium). Prešov, 2007.

[2] *Pospíšil I.* Tři tváře románové moderny, aneb, ruský model v světové literatuře // Novaja rusistika. 2016. Č. 2. S. 186–191. Рец. на: *Злочевская А.В.* Три лика мистической метапрозы XX века: Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков. СПб., 2016.

[3] См., напр.: *Pospíšil I.* Logika Lermontovova díla // Novaja rusistika. 2008. Č. 1. S. 99–100. Рец. на: *Савинков С.В.* Творческая логика Лермонтова. Воронеж, 2004; *Dohnal J.* Román Petrohrad Andreje Bělého jako výraz jeho folozofické a umělecké koncepce světa // Novaja rusistika. 2008. Č. 2. S. 78–81. Рец. на: *Vorel J.* Astrální próza Andreje Bělého: román «Petrohrad» v zrcadle esteticko-filozofických koncepcí symbolizmu. Ostrava, 2007; *Žemberová V.* Je těžké říct, zda měla pravdu // Novaja rusistika. 2010. Č. 1. S. 107–110. Рец. на: *Razumovsky M.* Marina Cvetajevová: mýtus a skutečnost. Praha, 2009; *Pospíšil I.* Solženicyn komplexně: tvorba, Polsko a emigrace // Novaja rusistika. 2018. Č. 2. S. 68–72. Рец. на: Aleksander Sołżenicyn i rosyjska emigracja / Red. M. Dąbrowska, P. Guszkowski. Warszawa; Toruń, 2018; *Pospíšil I.* Staronové pohledy: Lev Tolstoj dnešníma očima // Novaja rusistika. 2019. Č. 1. S. 78–84. Рец. на: *Бушканец Л.Е.* (ed.). Рецепция личности и творчества Льва Толстого. Казань, 2017.

[4] См., напр.: *Pospíšil I.* Русская постмодернистская проза в славянском контексте // Novaja rusistika. 2008. Č. 1. S. [81]–83. Рец. на: *Бедзир Н.П.* Русская постмодернистская проза в восточно- и западнославянском литературном контексте. Ужгород, 2007.

[5] *Pospíšil I.* Osud člověka v knihách // Novaja rusistika. 2011. Č. 1. S. 101–103. Рец. на: Bibliografie: Miroslav Zahrádka. 1. vyd. Olomouc, 2010.

[6] См., напр.: *Zaňko T.* Sborník k příležitosti XVI. mezinárodního kongresu slavistů // Novaja rusistika. 2018. Č. 2. S. 78–81. Рец. на: Česká slavistika 2018. Red. Pospíšil I., Zelenka M., Paučová L. Brno: Česká asociace slavistů, Jan Sojnek – Galium, 2018; *Pospíšil I.* Ruská a mezinárodní pocta prof. Danuši Kšicové // Novaja rusistika. 2019. Č. 1. S. 87–88. Рец. на: Интеграция и образование. Теория и практика междисциплинарных исследований. Посвящается памяти выдающегося слависта Дануше Кшицовой / Ред.: О. Стукалова, Е. Олесина. М., 2017.

[7] *Ponomarenko M.N.* Воспроизведение гендерной составляющей авторского идиостиля в переводе художественного текста // Novaja rusistika. 2016. Č. 1. S. 33–47.

Вопрос восприятия русской литературы в мире также изучается не только в диахронии, но и в синхронии: наряду со статьями о современном литературном процессе в России, публикуются историографические очерки о восприятии тех или иных классических произведений как в момент их попадания на чешскую почву, так и сегодня. Особенно примечательна в этом отношении рецензия И. Поспишила «Dostojevskij: pro, nikoli proti»[1], вышедшая во втором номере за 2022 г. и затрагивающая актуальную проблему отмены русской культуры за рубежом.

В этой статье И. Поспишил, отстаивая тезис о неразрывных связях русской литературы с мировыми литературными процессами, утверждает непреходящую актуальность русской литературы для славянского и европейского мира и побуждает славистов и русистов продолжать свои исследования и искать дальнейшие точки соприкосновения с русской литературой, поскольку, как было сказано во вводной статье, «русистика в мировом масштабе как ведущая, доминантная часть славистики имеет свою специфику, заслуживающую поддержки и особой трибуны» [Поспишил 2008: 4].

За пятнадцать лет своего существования журнал «Новая русистика», несомненно, стал наиболее ярким примером такой трибуны для исследователей русской литературы со всего мира, и в данный момент существование в Центральной Европе подобного журнала, активно продолжающего свою деятельность, особенно радостно. Остается только надеяться, что «Новая русистика» по-прежнему будет издаваться и освещать в своих выпусках актуальные проблемы русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pospíšil I.* «Новая русистика» и новая русистика на пороге 21 века // Novaja rusistika. 2008. Č. 1. S. [3]–5.

2. *Поспишил И.* Новая русистика, ее структура и частные итоги (Пять номеров нового русистского журнала – 2008–2010) // Русский язык как инославянский. Белград, 2010. Вып. II. С. [208]–213.

3. Новая русистика (Nová rusistika) [Электронный ресурс]: journals.phil.muni.cz/novaya-rusistika/issue/archive (дата обращения: 22.11.2023).

REFERENCES

1. Pospíšil I. “New Russistics” and New Russistics on the Threshold of the 21st century. *Novaja rusistika*. 2008. Vol. 1. Issue 1, pp. [3]–5.

2. Pospíšil I. New Russistics, Its Structure and Private Outcomes (Five issues of the New Russistics Journal – 2008–2010). *Руски језик као инословенски*. [*Russian as a non-Slavic Language*]. Belgrade, 2010. Issue II, pp. [208]–213.

3. Novaja rusistika (Nová rusistika) (online): journals.phil.muni.cz/novaya-rusistika/issue/archive (date accessed: 22.11.2023).

Сведения об авторе:

Любовь Андреевна Винокурова,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lubov A. Vinokurova,
Master’s Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

ficbespierre@mail.ru

[1] *Pospíšil I.* Dostojevskij: pro, nikoli proti // Novaja rusistika. 2022. Č. 2. S. 74–80. Рец. на: *Červinskaja O., Dzyk R.* Dialog: Pro (za) F.M. Dostojevskogo. Siedlce, 2021.

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-96-104

И.В. Кочергина (Москва, Россия)

Публикации Ю.И. Айхенвальда в газете «Руль» о литературе метрополии

Аннотация: В статье рассматриваются отзывы и рецензии критика Ю.И. Айхенвальда, касающиеся литературы метрополии, которые публиковались в берлинской газете «Руль», где критик вел еженедельные обзоры литературы. Сделан вывод, что Айхенвальд пристально следил за литературой метрополии, стараясь остановиться в своих разборах на наиболее ярких, талантливых, интересных произведениях. В частности, он не обошел вниманием М.А. Булгакова, Л.М. Леонова, М.М. Пришвина и высоко оценил их произведения.

Ключевые слова: советская литература, Ю.И. Айхенвальд, литературная критика, русская эмиграция, журналистика.

I.V. Kochergina (Moscow, Russia)

Publications by Yu.I. Aikhenvald in the Newspaper "Rul" about the Literature of the Metropolis

Abstract: The article discusses reviews Yu.I. Eikhenwald concerning the literature of the metropolia, which weekly were published in the Berlin newspaper "Rul". It is concluded that Aikhenvald closely followed the Soviet literature, being scrutinized on the most striking, talented, and interesting works such writers, for example, as M. Bulgakov, L. Leonov and M. Prishvin.

Key words: Yuly Aykhenvald, Soviet literature, literary criticism, Russian emigration, journalism

Юлий Исаевич Айхенвальд, один из выдающихся критиков Серебряного века, в дореволюционный период занимал одно из главенствующих мест в ряду критиков-модернистов. Он помещал свои обзоры в ведущих журналах и газетах, таких как «Русская мысль» и «Речь», был автором знаменитых эссе «Силуэты русских писателей», объездил с лекциями по философии и литературе всю Россию. Октябрьскую революцию Айхенвальд не принял; будучи свидетелем массового насилия и социальной катастрофы, из критика он превратился в политического публициста. Его яркие выступления в газетах в 1918 г., а также книга «Поэты и поэтессы» и принципиальная антибольшевистская позиция в 1918–1922 гг. привели сначала к аресту, а затем и к высылке из СССР в конце октября 1922 г.

Айхенвальд, заняв ведущее место в литературно-критическом мире русского Берлина, печатался в разных изданиях, однако именно в газете «Руль» был опубликован основной массив его статей и рецензий. В течение шести лет Айхенвальд вел в этой газете еженедельный раздел «Литературные заметки», а также регулярно размещал рецензии на книжные новинки в разделе «Критика и библиография». Определенно можно утверждать, что в первой половине 1920-х гг. Айхенвальд был самым влиятельным критиком русского зарубежья. В.В. Сорокина, ведущий специалист по русскому Берлину, пишет в своей диссертации: «Главную цель эмиграции он видел в сохранении и дальнейшем развитии русских культурных традиций. В этой связи он стремился к изучению классического наследия и популяризации среди читателей “Руля” творчества продолжателей русской традиции – Бунина, Шмелева. Зайцева, Куприна. Он ставил целью своих “Литературных заметок” сократить дистанцию между классиками и современниками...» [Сорокина 2009: 79].

Если статьи и эссе Айхенвальда о литературе XIX в., в том числе и эмигрантские, были рассмотрены за последние десятилетия достаточно подробно, то его публикации о советской литературе изучены мало. Эта тема затрагивалась в фундаментальных работах В.В. Сорокиной [Сорокина 2011], Т.Г. Петровой [Петрова 2010], а также в посвященной Айхенвальду диссертации М. Рипинг [Рипинг 2003]. В данной статье сделана попытка систематизации обзоров и рецензий критика, посвященных литературе метрополии, и обоснования его литературно-критической позиции, находившейся в связи с общественно-политическим дискурсом русской эмиграции.

Отношение Айхенвальда к литературе метрополии было неоднозначным. Яркие и талантливые произведения, печатавшиеся в СССР, критик старался выделить, оценить по заслугам: его безупречный художественный вкус и чутье опытного литератора позволило ему быть в оценках достаточно объективным. С другой стороны, достаточно часто анализируемое произведение использовалось им в качестве антибольшевистского аргумента. Здесь его позиция была характерной для критики и литературы зарубежья – М.М. Цетлин это назвал «гражданской войной в литературе» [Цетлин 1927: 514]. В этом смысле Айхенвальд отчасти транслировал позицию газеты «Руль» в отношении СССР, каких бы сторон советской жизни это ни касалось. Он сам выразил это отношение в одной из статей так: «В самом деле русская беллетристика являет то зрелище, уже отмеченное Ф.А. Степуном[1] и мною, что она уличает советскую действительность. Все рогатки цензуры преодолевает она и в своих строках, и между строк своих, вольно и невольно, сознательно и бессознательно, рисует всю небывалую неудачу революции, все потрясающее крушение ее замыслов» [Айхенвальд 2022, 1: 496]. В этом смысле типичной является характеристика, данная критиком «Роману без вранья» А.Б. Мариенгофа: «И пышно разросся по России всяческий бурьян и чертополох. Эту растительность и показывает книга Мариенгофа. Если бы октябрь нуждался еще в новом изобличении, то эту услугу оказал бы ему “Роман без вранья” – фактом своего появления и своего содержания» [Айхенвальд 2022, 2: 1011].

[1] Федор Августович Степун (1884–1965) – русско-немецкий философ, историк, литературный критик, писатель. В 1922 г. выслан на «философском пароходе». Айхенвальд очень сочувственно относился к литературным произведениям Степуна, положительные отзывы на которые мы можем видеть регулярно в его обзорах. Степуна и Айхенвальда связывали дружеские отношения; философ тепло написал об этом в некрологе критику, размещенном в посмертном издании «Силуэтов русских писателей».

Литература метрополии 1920-х гг. представлена в обзорах Айхенвальда достаточно полно. Во-первых, критик довольно часто обозревает номера советских журналов, таких как «Красная новь» или «Новый мир». Во-вторых, в этот период часть литераторов могла еще публиковаться и в Берлине, и в СССР: выходили отдельные издания произведений Б. Пильняка, В.В. Маяковского, А.Н. Толстого и др., издавалась газета «Накануне», имевшая московское бюро и служившая мостиком между Россией и эмиграцией. В определенном смысле художественная литература, изданная в СССР и за границей, была еще частью общего потока русской словесности, без деления на эмиграцию и метрополию. В-третьих, и это нельзя не отметить, критик с огромным интересом следил за литературным процессом в Стране советов, сознавая, что без близости к почве настоящему писателю очень трудно создать нечто важное, нечто такое, что стало бы органичной частью русской словесности.

Часть эмигрантских критиков, писателей, публицистов была убеждена, что в метрополии при власти большевиков не может быть никакой литературы. Эту точку зрения ярко сформулировала З.Н. Гиппиус в статье «Полет в Европу»[1]: в России «нет литературы, нет писателей, нет ничего: темный провал» [Гиппиус 1924: 123]. Айхенвальд вступил с ней в полемику на страницах «Руля», утверждая, что «нельзя говорить о пустоте там, где есть Анна Ахматова, Сергеев-Ценский, Алексей Толстой, Андрей Белый, Федор Сологуб <…> и та живая литературная поросль, которую знаменует ряд новых молодых имен» [Айхенвальд 1924: 9]. Однако он считал, что значительные, выдающиеся произведения появляются в СССР только как свидетельство тайной оппозиционности, создаются вопреки господствующему режиму и идеологии [Рипинг 2003: 75].

Можно сказать, что для Айхенвальда писатели, творившие на территории метрополии, как бы подразделялись на три группы. Первая, самая небольшая, – это литераторы, проживавшие в СССР, но мало связанные с господствующей идеологией, практически не сотрудничающие с новой властью. К этим писателям можно отнести М.М. Пришвина, М.А. Булгакова и некоторых других.

Пришвин и Айхенвальд хотя и принадлежали до революции к разным литературным группировкам, в послереволюционный период обнаружили определенную близость взглядов на происшедшее, о чем свидетельствуют их статьи и заметки революционных лет. Если говорить о творчестве Пришвина 1920-х гг., то критик высоко оценил художественное совершенство опубликованных в «Новом мире» частей из романа «Кащеева цепь», подчеркивая, что писатель «непосредственно, лично, всецело, глазом, ухом, осязанием, входит во все то, чем он живет и что пленительно изображает, – в природу, в народ, в человека и зверя, и птицу, и былинку» [Айхенвальд 2022, 2: 915]. Критик считал Пришвина признанным мастером художественной словесности, знавшим народ и народную жизнь как никто другой. Похожую оценку заслужил от Айхенвальда и В.Я. Шишков, старавшийся, по мнению критика, «честно изображать советскую действительность»: «Топографически Шишков – советский писатель; живет он в России. Но по существу принадлежит он к старой школе, и едва ли писал бы он намного иначе, если бы жил в эмиграции. Большое знание русской, преимущественно – деревенской,

[1] Главным оппонентом З.Н. Гиппиус выступил М.А. Слоним, который в пражском журнале «Воля России» писал: «Как бы ни была бедна русская литература за пережитые шесть лет, все новое, значительное, интересное, что она дала, пришло из России, а не из-за границы» [Слоним 1924: 58]. Впоследствии, в 1933 г., возражения Слонима и Айхенвальда развил в своей статье «Литература в изгнании» В.Ф. Ходасевич.

жизни отличает его и большое умение эту жизнь красочно и колоритно воспроизводить» [Айхенвальд 2022, 2: 1148].

Одобрительно отзывается критик о К.А. Треневе, который «не растерял своего таланта» и нельзя сказать, чтоб «в угоду большевизму придавал» своим произведениям «соответственную окраску и предумышленность» [Айхенвальд 2022, 2: 858]. При разборе художественного своеобразия «Пугачевщины» Айхенвальд находит и сильные стороны, и недостатки, в частности в изображении самого народного вождя. Однако, в соответствии с упомянутой выше «гражданской войной в литературе», довольно часто его анализ переходит на политико-исторические обобщения, касающиеся современности: «Если не уловлен тот дух, который сделал возможным появление и успех Пугачева, то во всяком случае отчетливо намечена та среда, которая обработала материал его личности и возвела ее на такую небывалую высоту. Возвела для того, чтобы потом предать и свергнуть. Ненадежность народа – это, вообще, главный вывод, какой невольно делаешь из пьесы…» [Айхенвальд 2022, 2: 1034]. Менее удачной критик нашел пьесу «Любовь Яровая»: с его точки зрения, образ главной героини искусствен, «эстетически и этически сомнителен», поведение ее психологически недостоверно [Айхенвальд 2022, 2: 1036].

Высоко ставил критик С.Н. Сергеева-Ценского. Роман «Жестокость» поразил его страшными, но в то же время художественно достоверными картинами гражданской войны: «И как-то странно, и как-то страшно, что описание это, несомненно, воспроизводящее реальный факт недавней русской действительности, все-таки поддается еще эстетической оценке и ее вполне выдерживает, и, при всей своей натуралистичности, от чувства меры не отходит, в литературе остается, и победу одерживает над ужасной сущностью своего предмета» [Айхенвальд 2022, 2: 835].

Если говорить о молодых писателях, вступивших в литературу после революции, то здесь критик прежде всего выделил М.А. Булгакова. Он с восторгом отозвался на роман «Белая гвардия», хотя и ознакомился только с весьма несовершенным изданием романа, осуществленным в 1927 г. издательством «Concorde». Айхенвальд указал на особенности прозы писателя: большую роль мистической составляющей, «искусство тонкого портретиста», сочетающего «внешнюю живописность» с внутренней, чувство меры, непредвзятость в показе фактов и явлений. В своей обычной манере сочетая взволнованный пересказ с комментарием, критик пишет: «От прикосновений этого пера оживают перед нами образы этих прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, “сбитых с винтов жизни войной и революцией <…>, в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах” – сами тени, живые осколки разбитой армии, разбитой России» [Айхенвальд 2022, 2: 1068–1069]. И особую важность критик придает тому, что «на своих белых героев он, подданный красной власти, сумел посмотреть открытыми и непредвзятыми глазами, сумел увидеть в них просто людей и осветить их не от себя, а из их собственной глубины, имманентно, отнесся к ним по законам их собственного внутреннего мира» [Айхенвальд 2022, 2: 1068].

Если продолжить речь о молодых писателях, то критик отметил как интересную и талантливую прозу Л.М. Леонова, К.А. Федина, В.П. Катаева, драматургию Л.Н. Лунца. Повесть Катаева «Растратчики» он сравнил с «Мертвыми душами», причем автор, по его словам, «не посрамил оригинала» [Айхенвальд 2022, 2: 1164]. Роману Леонова «Вор» Айхенвальд посвятил целую статью с подробнейшим разбором сильных и слабых сторон этой «странной книги, замечательной книги», которую «написал человек исключительно большого, но еще не дисциплинированного

таланта» [Айхенвальд 2022, 2: 1179–1180]. Повесть же «Барсуки», по его мнению, «искрится от того избытка жизненности, от той эстетической роскошности, с которыми на своем широком полотне сумел в таких сочных красках написать одаренный автор и природу, и быт, и людей современной России» [Айхенвальд 2022, 1: 442].

Совсем другой разряд писателей метрополии, если следовать за обзорами Айхенвальда, представляют собой те, кто свой несомненный талант поставил на службу новой власти. Сакраментально в этом смысле выглядит характеристика В.В. Маяковского, которому Айхенвальд отнюдь не отказывает в даровании: «…трудно представить себе что-нибудь более обывательское, чем во время революции безопасно, зато не бескорыстно, сочинять стихи о революции, писать ей оды, как Ломоносов писал оды Елизавете Петровне» [Айхенвальд 2022, 1: 218]. Сам Айхенвальд после революции и до самой своей высылки, как подчеркивает А.И. Рейтблат, «несмотря на материальные трудности, на государственную службу не шел и в государственных изданиях не публиковался» [Рейтблат 2014: 244]. Оказавшись в Берлине, критик отрицательно отнесся к сменовеховству и любые попытки сотрудничества с властями СССР считал по этическим соображениям недопустимыми, а по практическим – небезопасными.

Если вернуться к характеристике Маяковского, то критик считал, что «трафаретность» его стихов, нарочитая грубость и «недостаточная культурность» в сочетании с отсутствием духовной свободы, отданной в заклад большевизму, делают его как писателя меньшим, чем <он> мог бы быть» [Айхенвальд 1926: 4].

Много и часто критик пишет о творчестве А.Н. Толстого, с которым в 1923 г. мог пересекаться в русском Берлине и образ мыслей которого не был тайной для русской диаспоры. С точки зрения Айхенвальда, моральная гибкость этого писателя нашла яркое отражение в романе «Восемнадцатый год»: «То, что он думает о русской истории, о судьбах нашей родины, от наивности отходит не далеко. Что же касается его политических воззрений, то, не выражая их с особенной настойчивостью и, видимо, стараясь не забыть в себе художника, он все-таки достаточно отчетливо свидетельствует о своих теплых симпатиях к большевизму. Ясно, на какой стороне, белой или красной, построил он свою комфортабельную позицию» [Айхенвальд 2022, 2: 1183].Отмечая поверхностность изображения событий, тенденциозность подачи образов и моральную неприемлемость некоторых авторских выводов и оценок, критик с сарказмом пишет: «Про убитого государя выражается он так: “...тот, кто был ничтожнейшим из людей, был расстрелян, сожжен, развеян по ветру, как некогда Лжедмитрий, и если бы можно было собрать всю кровь, пролитую по его бессильной воле, то народ, конечно, утопил бы его живого в этом глубоком озере”. То, что государь и его жена и дети были убиты, сожжены, развеяны по ветру, это бывший граф Толстой вменяет в вину не убийцам, а государю, его жене и детям. Неблагороден бывший граф – неблагороден и неблагодарен: забыл он, какую щедрую материальную услугу оказала ему, автору “Заговора императрицы”[1], участь императорской семьи…» [Айхенвальд 2022, 2: 1184].

Восхваление или оправдание бессудных убийств во время Гражданской войны, красного террора и репрессий было для него несовместимо с художественностью, отнимало право у произведения быть причисленным к сфере эстетического. Поэ-

[1] Речь идет о пьесе «Заговор императрицы», написанной А.Н. Толстым в соавторстве с П.Е. Щеголевым и впервые изданной в Берлине в 1925 г. В СССР пьеса была очень популярна, шла на сценах многих театров. При создании пьесы соавторы использовали документы «Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений противозаконных по должности действий бывших министров...» (ЧСК), в которой Щеголев работал в 1917 г.

тизация дикости, бескультурья, жестокости, убийств вызывала отторжение, иногда не дававшее увидеть и оценить достоинства той или иной писательской индивидуальности, не сводимой к этому (таково его отношение, к примеру, к поэзии С.А. Есенина). Резкое неприятие вызвали у него стихи поэтессы М.М. Шкапской, оправдывающие убийство цесаревича Алексея преступлениями его предков [Айхенвальд 2022, 1: 284–285]. Отрицательно отнесся он к роману Н.Н. Русова «Обломки», в котором писатель, «внося подать угодничества современным властям», в недопустимой манере «говорит о людях, революцией сделанных бывшими людьми, выбитых за человеческих штат» [Айхенвальд 2022, 2: 868].

К писателям, отчасти искажавшим, по его мнению, действительность в угоду политической конъюнктуре, отношение у него довольно непримиримое. Вот что он пишет о романе О.Д. Форш «Одеты камнем», не отрицая талантливости писательницы: «Г-жа Форш, если бы и хотела, не могла бы нарисовать личность Александра II не в тех отрицательных красках, в каких она ее нарисовала; и все свое произведение вообще она не могла здесь и там не пронизать тонами, угодными начальству. При таких условиях, при таких обязательствах, даже если она с начальством согласна, было бы достойнее русского писателя молчать…» [Айхенвальд 2022, 1: 513]. С его точки зрения, талант «органически честен», а там, где «впадает в бесчестность», оборачивается бездарностью: высшие силы отнимают дарование у кривящего душой художника [Айхенвальд 2022, 1: 496].

Наконец, еще одна группа писателей метрополии, явно вычленяемая в обзорах критика, – это те, кого Айхенвальд считает лишенными большого дарования: их беллетристику, несовершенную с его точки зрения, он рассматривает как источник сведений о настроениях, мыслях, чувствах, господствующих в СССР. Множество произведений советских писателей, несмотря на их довольно скромные художественные достоинства, критик анализирует довольно подробно, выискивая в них «обвинительный акт» [Айхенвальд 2022, 1: 496] советской действительности. К примеру, отмечая, что повесть Ю.Н. Либединского[1] «Комиссары» слаба в художественном отношении, он говорит о ценности этого произведения как свидетельства разочарования в среде коммунистов, когда они сознают, «что напрасно лилась густая русская кровь на беспредельном пространстве русских снегов и что жестоко обманута светлая мечта о божьем царстве на земле» [Айхенвальд 2022, 1: 523]. Похожее отношение у него к повести Н. Никандрова[2] «Ночь», опубликованной в «Новом мире»: «Ужаснее всего то, что это даже не повесть, не беллетристика, а точный снимок с живой, или с мертвой действительности. То, что есть в “Ночи” от небылицы, от литературы, особенно фигура литератора, сделано слабо и фальшиво; но зато сильное и удручающее впечатление производит быль» [Айхенвальд 2022, 2: 832–833].

Подобный подход можно обнаружить в отношении не только молодых писателей, но и довольно маститых. К примеру, в таком ключе критик рассматривает роман В.В. Вересаева «В тупике»: «Без произведения г. Вересаева могла бы обойтись русская изящная литература; но оно может быть причислено к книгам такого

[1] Юрий Николаевич Либединский (1898–1959) – русский советский писатель и журналист. Участвовал в Гражданской войне на Урале. Член РКП(б) с 1920 г. Один из руководителей РАПП. Во время Великой Отечественной войны был в ополчении, затем работал фронтовым корреспондентом.

[2] Николай Никандрович Никандров (наст. фам. Шевцов, 1878–1964) – русский и советский писатель, революционер-эсер. Участвовал в организации убийства адмирала Чухнина; был сослан. Печататься начал до революции.

порядка, как, например, “Красный террор в России” С.П. Мельгунова[1]. На революцию нашу история вообще “донос ужасный пишет”; в его страницы входит и написанное В.В. Вересаевым» [Айхенвальд 2022, 1: 258]. Следует оговориться, что и до революции творчество этого писателя Айхенвальд оценивал довольно критически (см., напр.: [Айхенвальд 1904: 197–200]).

Как и бóльшая часть эмиграции, Айхенвальд с огромной надеждой искал в картинах советской действительности, изображенных писателями метрополии, приметы ее кризиса и усталости большевистской власти, признаки несбывшихся ожиданий народа. «Ноты глубокого разочарования» в результатах революции критик слышит и в «Цементе» Ф.В. Гладкова [Айхенвальд 2022, 1: 498], и в «Голубых городах» А.Н. Толстого [Айхенвальд 2022, 1: 497], и в «Луне с правой стороны» С.И. Малашкина[2] [Айхенвальд 2022, 2: 982–983], и во многих других произведениях. В упомянутом выше романе Либединского «Комиссары» Айхенвальд обнаруживает приметы нарождающегося повсеместного нэпа: «…помимо его сознательной воли громко говорит его книга о плачевном и позорном крушении октября. Неуверенной нотой несется с уст г. Либединского утверждение, что после НЭПа начался не мир с капиталом, а новая борьба с ним. И даже если бы в это верил г. Либединский, то читателей его собственная книга в этом бы разуверила» [Айхенвальд 2022, 2: 1067]. Часть эмиграции, и Айхенвальд в том числе, воспринимала нэп как первые шаги к возвращению дореволюционного устройства жизни и в этом смысле находилась в плену иллюзий.

К отдельной группе надо отнести тех писателей, кого, с точки зрения Айхенвальда, погубило сотрудничество с большевистской властью. К примеру, самоубийство писателя Андрея Соболя[3], с которым критик довольно часто общался и переписывался, он относил «именно на счет большевизма» [Айхенвальд 2022, 2: 819].

Следует отметить, что Айхенвальд достаточно сдержанно относился к экспериментам в области формы, считая красоту, изящество слога, гармонию неотъемлемой частью художественности. Его раздражали чрезмерная словесная вычурность и неряшливость: в течение всей своей литературно-критической деятельности он требовал от рецензируемых произведений понятности языка, бережного отношения к слову, не принимал стилистические излишества. Так, он писал, что в романе А. Белого «Московский чудак» «в сплошном выверте и языковых гримасах есть какое-то непотребство» и «хочется бежать от литератора-ломаки» [Айхенвальд 2022, 2: 854]. У Б.А. Пильняка в рассказе «Ледоход», по мнению критика, «не важна фабула, ему не близки персонажи: его интересует лишь плетение словес»;

---

[1] Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) – русский историк, политический деятель, публицист, мемуарист. Публиковался в газ. «Русские ведомости», основал несколько издательств, в том числе «Задруга». Член партии кадетов, затем партии Народных социалистов. После Октябрьской революции принимал активное участие в борьбе против большевиков, арестован, приговорен к смертной казни, отмененной благодаря общественному заступничеству. В 1922 г. выслан за рубеж на «философском пароходе». Айхенвальд был знаком с Мельгуновым, с большим интересом и сочувствием относился к деятельности последнего по сохранению документов и мемуаров, касающихся революционной борьбы и гражданской войны. В обзорах критика в «Руле» можно найти отклики на все выпуски сборников «На чужой стороне», издававшихся Мельгуновым в эмиграции.

[2] Сергей Иванович Малашкин (1888–1988) – поэт, прозаик, из крестьян, в 1920-е гг. примыкал к группе «Перевал».

[3] Андрей Соболь (наст. имя Юлий Михайлович Соболь, 1886–1926) – революционер, писатель. Участвовал в революционных кружках, был арестован в 1904 г. и приговорен к каторге, откуда бежал за границу. После Февральской революции служил комиссаром Временного правительства в 12-й армии. Большевистский переворот поначалу не принял, однако позднее в «Правде» опубликовал «Открытое письмо», в котором клялся защищать РСФСР от любых врагов.

«он нарочно делает так, чтобы орнамент преобладал у него над сутью, он забавляется своими фигурными фразами и играет в них как в домино» [Айхенвальд 2022, 1: 387]. Признавая несомненную талантливость В.Б. Шкловского, Е.И. Замятина, он одновременно осуждает их за словесную вычурность.

Большую опасность для культурного мира метрополии критик видел в общем падении образованности, связанном в том числе и с тем, что в науке, культуре и просвещении господствовал классовый подход, сопровождавшийся цензурой, осуществляемой на государственном уровне. Губительной он считал идею о превосходстве пролетарской культуры над всем, ведь «искусство вербует своих избранников не по признаку классовых примет», а по уровню таланта. Там же, где нет свободы творчества, не могут «писатели писать свободно и оттого блекнет там нежный цветок искусства» [Айхенвальд 2022, 1: 468].

Можно определенно утверждать, что к литературе метрополии Айхенвальд относился с большим вниманием, интересом и даже надеждой. Понимая, что многие писатели находятся в Советском Союзе в ситуации отсутствия свободы слова, он ценил в их произведениях верность художественной правде и умение встать «над схваткой». Критик считал, что если по поводу некоторых тем невозможно сохранить беспристрастность в атмосфере политической несвободы, то честнее в этой ситуации молчать. Явное отторжение вызывало у него оправдание и прославление жестокости, убийств и казней во имя революции. Произведения, не отмеченные ярким дарованием, критик использовал как источник сведений о советской действительности. И хотя политическая ангажированность диктовала ему определенную общественно-политическую позицию, проявлявшуюся в обзорах и рецензиях, он умел заметить настоящий талант и оценить его. Статьи его писались еще до того разделения русской литературы на «эмигрантскую русскую» и «советскую», которое произойдет, по справедливому замечанию З.А. Шаховской, в 1930-е гг. [Шаховская 1981: 29]. В 1920-е гг. это все еще единый поток русской словесности, что отчетливо заметно в литературно-критическом наследии Айхенвальда.

ЛИТЕРАТУРА

Айхенвальд 1904 – *А.* [*Айхенвальд Ю.И.*] Журнальное обозрение // Русская мысль. 1904. №2. С. 192–200.

Айхенвальд 1924 – *Б.К.* [*Айхенвальд Ю.И.*] [Рец на кн.:] Современные записки. Кн. XVIII. 1924. Париж // Руль. 1924. 17 февр. №974. С. 9

Гиппиус 1924 – *Крайний А.* [*Гиппиус З.Н.*] Литературная запись / Полет в Европу // Современные записки. 1924. Кн. XVIII. С. 123–138.

Петрова 2010 – *Петрова Т.Г.* Литературная критика русской эмиграции первой волны (Современные отечественные исследования): Аналитический обзор / Отв. ред. Е.А. Цурганова. М.: ИНИОН РАН, 2010. 136 с.

Рейтблат 2014 – *Рейтблат. А.И.* «“Подколодный эстет” с “мягкой душой и твердыми правилами”: Юлий Айхенвальд на родине и в эмиграции» // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 236–255.

Рипинг 2003 – *Рипинг М.* Литературная критика Ю.И. Айхенвальда периода эмиграции: Дисс. … канд. филол. наук. Иваново, 2003. 186 с.

Слоним 1924 – *Слоним М.* Литературные отклики. Живая литература и мертвые критики // Воля России. 1924. №4. С. 53–63.

Сорокина 2011 – *Сорокина В.В.* Формирование литературной критики русского зарубежья: берлинский период: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2011. 415 с.

Цетлин 1927 – *Цетлин М.* Литературные заметки (Гражданская война в литературе. – К юбилею Б. Зайцева) // Современные записки. 1927. Кн. XXX. С. 514–520.

Шаховская 1981 – *Шаховская З.* Литературные поколения // Одна или две русских литературы? / Международный симпозиум, созванный факультетом словесности Женевского ун-та и Швейцарской академией славистики. Женева, 13–15 апреля, 1978. Lausanne: Ed. L'Age d'Homme, 1981. С. 52–62.

Айхенвальд 2022 – Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): В 2 кн. / Сост., предисл., коммент. И.В. Кочергиной при участии Д.В. Зуева. М.: Водолей, 2022. 1419 с.

Айхенвальд 1926 – *Ю. А.* [*Айхенвальд Ю.И.*] [Рец. на кн.:] Маяковский В. Мое открытие Америки. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926 // Руль. 1926. 10 нояб. № 1806. С. 4.

REFERENCES

Aikhenvald 1904 – A. [Aikhenval'd Yu.I.] "Magazine review". *Russkaia mysl'*. 1904. No 2, pp. 192–200.

Aikhenvald 1924 – B. K. [Aikhenval'd, Yu.I.] Review of the book: Sovremennye Zapiski. *Rul'*. 1924. No 974. 17 February, p. 9.

Gippius 1924 – Krainij A. [Gippius Z.N.] Literary entry, Flight to Europe. *Sovremennye Zapiski*. 1924. Book XVIII, pp. 123–138.

Petrova 2010 – Petrova T.G. (2010) Literary Criticism of the Russian Emigration of the First Wave (Modern Domestic Studies): Analytical Review / Ed.: E.A. Tsurganova. Moscow. INION RAN Press. 136 p.

Reitblat 2014 – Reitblat, A.I. " 'An evil esthete' with a 'soft soul and firm rules': Juli Aikhenvald at home and in emigration". In: Reitblat A.I. Writing across: Articles on biography, sociology and literary history. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 2014, pp. 236–255.

Riping 2003 – Riping M. (2003) Literary Criticism of Yu.I. Aikhenwald during the Period of Emigration: PhD Dissertation]. Ivanovo. 186 p.

Slonim 1924 – Slonim, M. Literary responses. Living Literature and Dead Critics. *Volya Rossii*. 1924. No 4, pp. 53–63.

Sorokina 2011 – Sorokina V.V. (2011) Formation of Literary Criticism of the Russian Diaspora: Berlin Period: PhD Dissertation. Moscow. 415 p.

Tsetlin 1927 – Tsetlin M. Literary Notes (Civil War in Literature. – To the Anniversary of B. Zaitsev)"]. *Sovremennye Zapiski.* 1927. book XXX, pp. 514–520.

Shakhovskaia 1981 – Shakhovskaia, Z. "Literary Generations ". In: Une ou deux littératures russes?: colloque international, Organisé par la Faculté des lettres de l'Université de Genève et la Société académique des slavistes suisse*s*. Lausanne. L'âge d'homme Publ. 1981, pp. 52–62.

Aikhenvald 2022 – Yu.I. Aikhenvald in the Newspaper "Rul"(1922–1928): In 2 vols. / Comp., introd. and comment. by I.V. Kochergina and D.V. Zuev. Moscow. Vodolei Publ. 2022.

Aikhenvald 1926 – Yu.A. [Aikhenval'd Yu.I.] Review of the book: Mayakovsky V. My Discovery of America. Moscow; Leningrad. State Publishing House, 1926. *Rul'.* 1926. No 1806. November 10, p. 4.

Сведения об авторе:

Ирина Владимировна Кочергина,
канд. филол. наук
научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Irina V. Kochergina,
PhD
Researcher
A.M. Gorky Institute of World Literture RAS

irepismo@gmail.com

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-105-111

Д.Д. Выволокина (Москва, Россия)

Трансформация мифа в «Федре», «Антигоне» и «Подлинной истории Эсфири» Салвадора Эсприу

Аннотация: В статье рассматривается творчество каталонского писателя Салвадора Эсприу (1913–1985), создавшего в первой половине XX в. произведения «Федра», «Антигона» и «Подлинная история Эсфири», в которых древние мифы интерпретируются с новой точки зрения. Предметом исследования стал анализ повести «Федра», драм «Антигона» и «Подлинная история Эсфири», в результате которого определяется, каким образом было преображено мифологическое наследие прошлого и какие модели трансформации мифа были использованы Салвадором Эсприу в этих текстах. В работе также показано, как античный и ветхозаветный мифы инкорпорируются в историко-политический контекст 1930–1940-х гг. на Пиренейском полуострове.

Ключевые слова: мифология, миф, «Антигона», «Федра», «Подлинная история Эсфири», Салвадор Эсприу, каталонская литература, XX век

D.D.Vyvolokina (Moscow, Russia)

Myth Transformation in Salvador Espriu's "Phaedra", "Antigone" and "The Story of Esther"

Abstract: The paper deals with the Catalan author Salvador Espriu (1913–1985), who interpreted ancient myths in his works "Phaedra", "Antigone" and "The Story of Esther" from a new point of view. The subject of the study was the analysis of the story "Phaedra", the dramas "Antigone" and "The Story of Esther", as a result of which we determine how the mythological heritage of the past was transformed and which models of myth transformation were used by Salvador Espriu in these texts. The work also examines the incorporation of ancient and Old Testament myths into the historical and political context of the 30–40s of the twentieth century.

Key words: mythology, myth, "Antigone", "Phaedra", "The Story of Esther", Salvador Espriu, Catalan literature, the twentieth century

В 1930-е гг. Каталония оказывается в эпицентре Гражданской войны на Пиренейском полуострове. В это трагическое время возникает ощущение, что человек оставлен один на один с несчастьями времени и никто окажет ему на помощь. Старые ценности, считавшиеся неоспоримыми на протяжении многих веков, канули

в Лету. Прежний мир, патриархальный и идиллический, разрушен, а на его месте возник новый, таящий в себе много угроз и опасностей. Как пишет Е.М. Мелетинский, «социальные потрясения поддерживали у многих представителей западноевропейской интеллигенции убеждение в том, что под тонким слоем культуры действуют вечные разрушительные или созидательные силы, прямо вытекающие из природы человека, из общечеловеческих психологических и метафизических начал» [Мелетинский 1976: 9]. Стало ясно, что из-за морального релятивизма, относительности всех идей надежного фундамента, на который можно было бы опереться, больше не существует. Так возникает кризис западной культуры, поставивший перед многими вопрос о том, где же теперь искать новое credo.

Одним из ответов стало обращение к глубокому прошлому, в частности, к античной и библейской эпохам. Богатая мифология древних, как справедливо отмечает Е.М. Мелетинский, в силу своей исконной символичности оказалась (особенно из-за связи с глубинной психологией) «удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса» [Мелетинский 1976: 9]. В уникальном наследии прошлых эпох художники XX в. обнаружили утраченную гармонизирующую основу, способную помочь преодолеть острый мировоззренческий конфликт. Таким образом, в период дисгармонии, раскола бытия через призму мифа авторы прошлого века стремились передать чувство зыбкости современной цивилизации, показать «мощь колеблющих ее сил хаоса» [Мелетинский 1976: 9] и выразить диссонанс времени.

В частности, наследие древних оказалось источником вдохновения для такого выдающегося каталонского автора, как Салвадор Эсприу (1913–1985). В произведениях Софокла, Еврипида, а также в Библии он ищет первооснову, смысл в его первозданном виде. В мифе каталонский автор хочет отыскать надличностное измерение мира. Благодаря этой особенности миф становится мощным средством, помогающим справиться с ужасами Гражданской войны и абсурдностью бытия. Мифология воспринимается как первооснова, которая способна генерировать смыслы, предлагать объяснение дисгармоничному времени.

Однако, как указывает О.Ю. Панова, миф, погруженный в иной контекст, обязательно должен испытать определенные изменения и обрести «новый couleur local» [Панова 2001: 268]. Повесть «Федра», драмы «Антигона» и «Подлинная история Эсфири» Салвадора Эсприу не стали исключением из этого правила: архаика получает новое, современное звучание, а древняя мифология претерпевает трансформацию. Перед тем как перейти к анализу текстов, мы предлагаем кратко напомнить сюжеты первоисточников для Эсприу.

Основой «Федры», написанной в 1938 г., послужил античный миф, ставший известным благодаря трагедии Еврипида «Ипполит». Салвадор Эсприу сохраняет основной конфликт евприпидовского произведения, показывая, насколько человек слаб перед любовной страстью, действующей против его желания: Федра, жена Тесея, воспылала любовью к своему пасынку Ипполиту, за что на нее обрушивается смертная кара.

В 1939 г. Салвадор Эсприу создает драму «Антигона», которая во многом следует античному мифу, представленному в одноименной трагедии Софокла: Полиник, брат Антигоны, предал родной город и пал в борьбе со своим братом Этеоклом. Царь Фив Креонт приказал не хоронить предателя, оставив его тело на растерзание диким животным. Однако главная героиня пошла против этого

беспощадного приказа, решив соблюсти древний религиозный обряд погребения. За свой смелый и героический поступок, принятый Креонтом за дерзновенное нарушение политических устоев, Антигона была наказана жестоким образом.

В 1947 г. в свет выходит первая редакция драмы «Подлинная история Эсфири», в которой каталонский автор предлагает новое прочтение ветхозаветного сюжета о знаменитой заступнице еврейского народа: Эсфирь, скрыв свое истинное происхождение, становится новой женой Артаксеркса, правящего Сузами. В это же время Аман, один из высокопоставленных придворных царя, оскорбляется якобы недостаточно почтительным отношением к нему Мардохея и переносит неправедный гнев на всех иудеев, посоветовав Артаксерксу издать приказ об их истреблении. Тогда Эсфирь, приемная дочь Мардохея, отваживается выполнить духовный долг и идет к правителю с просьбой проявить милосердие к ее народу. Артаксеркс проникается состраданием к своей жене и отменяет бесчеловечный указ.

Мы предлагаем провести сопоставительный анализ всех трех произведений Салвадора Эсприу, что позволит выявить общие модели трансформации античного и библейского мифов, а также определить, в чем они расходятся. Для этого стоит рассмотреть такие ключевые уровни текстов, как композиция, хронотоп, система персонажей. В самом конце работы мы обратимся к теме, озаглавленной нами как «Старый мир и новый мир», проходящей красной линией сквозь все отобранные для анализа произведения.

Для начала важно продемонстрировать, каким образом Салвадор Эсприу меняет композицию. Обобщая, можно сказать, что каталонский автор всегда выбирает новый угол зрения для раскрытия древних мифов, что влечет за собой значительные изменения в композиционной структуре текстов. Например, в повести «Федра» Эсприу решает показать историю главной героини с точки зрения ее близкой подруги, не упоминавшейся в античном мифе. Автор вводит фигуру рассказчицы Каролины де Тур, которая становится единственным человеком, способным понять внутреннюю трагедию Федры. Каролина раскрывает, что терзает главную героиню, поскольку она сама во многом повторяет ее судьбу и является двойником Федры: «Ningú no la comprenia, excepte jo, potser, i tothom la comprenia per insensible, per orgullosa» [Espriu 2014: 81]. Таким образом, рассказ в рассказе становится основой композиционной структуры «Федры», поскольку каталонскому автору важно показать, что внутренний конфликт Федры – наследие заката эпохи.

В драме «Антигона» Эсприу композиция также претерпевает некоторые изменения, если сопоставлять ее с одноименной трагедией Софокла. К примеру, каталонский автор обращается и к тексту Эсхила «Семеро против Фив», поскольку ему важно показать борьбу между двумя родными братьями: Салвадор Эсприу начинает драму с непреодолимого конфликта между Этеоклом и Полиником, что должно отсылать читателей пьесы к событиям современности, то есть, Гражданской войне.

«Astimedusa. Insensata guerra que ens portes tanta destrucció, insensata baralla entre germans. Eumolp. La nostra ciutat va guerrejar largament, sense prudència. Oblidareu les generacions perdudes en inacabables Iluites com de formiguers? Tebes és només un poble de pagesos estúpids» [Espriu 2014: 26].

Как мы видим, каталонский автор решает выбрать другое композиционное решение и раскрыть миф, объединив трагедии Софокла и Эсхила, что дает ему возможность сделать акцент на теме братоубийственной войны.

Значительно усложняется композиционная структура в тексте Эсприу на ветхозаветный сюжет. Драма «Подлинная истории Эсфири» отличается многоуровневой структурой, охватывающей многие важные аспекты произведения. Другими словами, композиция выступает в качестве некоего фундамента, благодаря которому соединяются время ветхозаветное и современное, Сузы и Синера. В частности, каталонская драма начинается с рассказа о судьбе тети автора, Марии Кастельо, жительницы Синеры, в котором раскрывается конфликт прошлого и настоящего, старого мира и нового, непонятного. Далее появляется еще одно композиционное нововведение каталонского автора – вступительный монолог Высочайшего. В этой речи возникает тема, важная для поэтики всей драмы, а именно тема народно-смеховой культуры. Например, он объявляет, что в представлении принимают участие марионетки, что, в свою очередь, усиливает трагизм произведения: место человека заняла искусственная кукла, утратившая свободу и вынужденная беспрекословно подчиняться внешним силам. После этого уровня следует основной текст произведения, завершающийся финальной речью Высочайшего, в которой он напрямую обращается к проблемам, актуальным для Каталонии того времени: «A Persia i arreu del món una cruel estultícia esclavitza des de dolor tenebrós i àrid» [Espriu 1986: 188]. Как мы видим, Салвадор Эсприу ищет точку, в которой соединились бы разные элементы импровизации – и ею становится композиция.

В качестве следующего уровня трансформации древних мифов мы предлагаем выделить изменения в организации хронотопа. В произведениях каталонского автора мы видим расширение пространственно-временн´ых координат с помощью различных художественных средств. Например, в повести «Федра» основное действие разворачивается не в Тризине, а на Майорке. Этот остров является частью современной Каталонии, однако его пейзажи во многом напоминают места, где жили герои древнегреческого мифа: «Es una illa quasi grega. Els vaixells hi arriben embolcallats amb l›olor de benvinguda dels pins. El sol senyoreja, dèspota il·lustrat, sense cap rival possible, i el seu govern manté tota aquella terra en la serenor» [Espriu 2014: 59]. Вдобавок Каролина де Тур приезжает из столицы Франции, очаровавшей Федру еще в юные годы: «Entretant, el nostre grup evocava París, els matins del Louvre, en altre temps estimat amb passió per Fedra» [Espriu 2014: 76]. В «Федре» можно найти несколько важных деталей, указывающих на то, что события повести происходят не в античные времена, а в первой трети прошлого века. В частности, Салвадор Эсприу инкорпорирует миф в контекст XX в., применяя аллюзии: герои, активно обсуждая открытия в области психоанализа, упоминают имена таких выдающихся немецких и австрийских специалистов, как Зигмунд Фрейд, Эрнст Кречмер, Альфред Адлер. В тексте можно найти и другие отличительные признаки современности: «Estrangers de tot el món… volen aclaparar-lo amb l'anatema d'estètiques confuses, complicades i, ni cal dir-ho, avançadíssimes» [Espriu 2014: 59].

В драме «Подлинная история Эсфири» события происходят одновременно в Сузах при правлении Артаксеркса и в Синере в послевоенную эпоху. В частности, в Синере, прототипом которой является каталонский город Ареньс де Мар, жила Мария Кастельо, когда «agonizava, als camps del país, l'última guerra civil» [Espriu 1986: 28]. В этом городе Высочайший собирает зрителей, желающих посмотреть представление о драматических событиях в древней Персии. И, что самое любопытное, сами герои спектакля, марионетки, упоминают это место. Например, Аман, враг еврейского народа, вспоминает, какой в Синере соус, а Астинь, бывшая жена Артаксеркса, грозится сбежать «a Sinera amb galant, cotxe i cuinera» и

поселится с ним «a l'hostal de Mont Calvari»[1] [Espriu 1986: 60]. Выходит, в тексте на древний сюжет появляются изобретения и предметы конца XIX – начала XX в. Тем самым еще раз подчеркивается, что Сузы и Синера, прошлое и настоящее находятся в единой пространственно-временно́й плоскости.

В драме «Антигона» место действия и временны́е рамки остаются, как в древнегреческом мифе. В этом произведении связь с современным контекстом выстраивается через применение других художественных средств. Салвадор Эсприу использует реминисценции и подтекст, чтобы передать атмосферу Гражданской войны и описать послевоенные репрессии Франко. К примеру, один из персонажей драмы (Мудрый советник) предупреждает о вероятной угрозе, поскольку каталанский язык, на котором написано произведение, в ту эпоху находился под строжайшим запретом: «Els meus mots representen un perill, però no per a mi que parlo, sinó per a tu que escoltes» [Espriu 2014: 51].

Последний уровень трансформации, который мы бы хотели осветить в данной работе, – это изменения в системе персонажей. Здесь мы предлагаем сконцентрировать внимание на том, как преображаются образы главных героев древних мифов. Основной моделью, к которой обращается автор, является снижение образов персонажей с помощью иронии и гротеска. В частности, в повести «Федра» Ипполит утрачивает былую чистоту, становясь безнравственным человеком, игроком и наркоманом: «Bell i dissolut, jugava fort, enamorava, bevia i prenia, segons la brama, cocaïna» [Espriu 2014: 69]. Ко всему прочему в каталонской повести древнегреческий герой представлен в качестве мошенника: Ипполит крадет из кассы гарнизона большую сумму денег. Тесей лишается ореола царского величия и обретает плебейское происхождение. Образ жены Тесея тоже изменяется: Федра Орфила, графиня Босканская – героиня XX в., настоящая каталонка из аристократических кругов, по воле рока вышедшая замуж за человека неблагородного происхождения и поселившаяся вместе с ним на Майорке. Вдобавок Эсприу важно показать, что она является наследницей многовековой литературной традиции. Главная героиня сопоставляется с персонажами произведений Еврипида, Сенеки, Расина и Сервантеса. Например: «Intelectual i inexperta, Fedra afirmava constantment la seva personalitat contra fantasmes, i al col·legi Maria de Llodio ja l'havia proclamada "nou don Quixot que envestia volves"» [Espriu 2014: 65]. Выходит, что сравнение с героями более поздних произведений делает образ современной Федры более многогранным.

В драме «Антигона» Салвадор Эсприу также решает по-новому представить некоторые черты действующих лиц. Каталонский автор изменяет образ главной героини, фокусируя больше внимания на противостоянии Антигоны и царя Фив. В частности, если в древнегреческой трагедии сестра погибших братьев была схвачена стражей во время совершения религиозного ритуала и приведена к Креонту, то Антигона в произведении Эсприу оказывается достаточно храброй, чтобы самой предстать перед правителем. Вдобавок конфликт между Антигоной и Креонтом становится более острым и неразрешимым за счет того, что героиня открыто заявляет о своем презрении к царю Фив, тем самым ставя вопрос о справедливости политического устройства полиса и мира в целом: «No t'estimo ni et respecto… Vares atiar les nostres discòrdies per aconseguir la corona, que ja és teva. Des d'aquest setial, pots descansar en la constant inquietud del poder» [Espriu 2014: 47]. В финальном монологе Антигона увековечивает такие идеалы, как мир и сво-

[1] Лысая Гора действительно существующее место, которое находится рядом с городом Ареньс.

бода – ценности, которые были утрачены во время Гражданской войны: «Que el poble, oblidant el que el divideix, pugui treballar. Que pugui treballar, i tant de bo que tu, rei, i tots vosaltres el vulgueu i el sapigueu servir» [Espriu 2014: 49]. Образ Креонта также трактуется по-другому, поскольку Эсприу делает больший акцент на бесчеловечности этого персонажа. Например, если в античной трагедии Креонт прозревает и отдает приказ о погребении Полиника и освобождении Антигоны из заточения, то в пьесе каталонского автора царь наотрез отказывается от советов старцев, поскольку он следует лишь корыстным интересам и желанию укрепить свое могущество любым способом, что делает его похожим на диктатора Франко.

В «Подлинной истории Эсфири» действующие лица также получают новую интерпретацию. Как и в «Федре», Эсприу использует иронию и гротеск, показывая образы некоторых героев более сниженными. К примеру, Артаксеркс, представленный в ветхозаветном тексте в качестве могущественного правителя Суз, к которому поданные испытывают почет и уважение, в каталонской драме становится простой марионеткой, страдающей несварением желудка, сравнивающей себя с «bunyol de vent» [Espriu 1986: 36]. Все в его окружении, включая жену, лишь насмехаются над ним: «Ui, ui, els papus, quin visatge!» [Espriu 1986: 108]. Кроме того в образе государя, как и в «Антигоне», подчеркиваются жестокость и вспыльчивость, что, конечно, обусловлено историческим контекстом и стремлением автора создать портрет диктатора. Образ центральной героини «Книги Эсфири» тоже претерпевает определенную трансформацию, становясь более сложным и амбивалентным. С одной стороны, Эсфирь относится с большим почтением к иудеям и разделяет их мучения. С другой стороны, когда Мардохей, ее воспитатель, просит вспомнить о ее предназначении и высшем долге, героиня немного сомневается и отвечает, что спасет свой народ против своего желания. К тому же в трактовке Эсприу Эсфирь является непокорной, независимой героиней, готовой пойти на обман и подчинить себе мужа ради того, чтобы обрести власть над огромным государством.

Мы проанализировали, какие модели трансформации древнего мифа использует Салвадор Эсприу в произведениях «Федра», «Антигона» и «Подлинная история Эсфири», и можем сделать следующие выводы: во-первых, автор значительно усложняет композиционную структуру текстов, делая ее более «многоуровневой», показывая события с точки зрения нового персонажа или расширяя основное действие. Во-вторых, он устраняет пространственно-временны́е границы: герои древнего мира живут в краях, где прошло детство писателя, посещают Лувр или останавливаются в модных отелях. В-третьих, претерпевают существенное изменение образы главных персонажей: как правило, с помощью иронии и гротеска автор утрирует черты, которые были только намечены в его источниках, или интерпретирует характеры персонажей совершенно по-новому.

Таким образом, в произведениях Салвадора Эсприу миф оказывается тем фундаментальным, вечным уровнем, вступающим в сложное взаимодействие со временем и показывающим трагизм жизни современного человека. Здесь важно вспомнить о теме старого и нового мира, проходящей красной линией во всем творчестве каталонского автора: мир идиллического прошлого, в котором царили целостность и гармония, был расколот и канул в небытие. На его месте возник новый мир, неизведанный и непредсказуемый, где нет справедливости, искренности и свободы, где роли людей исполняют марионетки, где родные братья идут против друг друга и развязывают Гражданскую войну.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Головня В.В. История античного театра. М.: Искусство. 1972. 399 с. / Golovnya V.V. (1972) The History of the Ancient Theater. Moscow. Iskusstvo Publ. 399 p.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 406 с. / Meletinsky E.M. (1976) The Poetics of Myth. Moscow. Nauka Publ. 460 p.

Панова О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. М., 2001. С. 221–291. / Panova O.Yu. Human in Modernist Culture. In: Foreign Literature of the Scond millennium. 1000–2000. Moscow. 2001, pp. 221–291.

Arbonès J. (1973) Teatre català de postguerra. Barcelona. Pòrtic. 177 p.

Espriu S. (2014) Antígona. Fedra. Una altra Fedra si us plau. Barcelona. Edicions 62. 111 p.

Espriu S. (1986) Primera història d'Esther. Barcelona. Edicions de Mall. 196 p.

Miralles C. (2013) Sobre Espriu. Barcelona. Publicacions i Edicions de la Universitat de Barcelona. 416 p.

Сведения об авторе:

Дарья Дмитриевна Выволокина,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Daria D. Vyvolokina,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lanzarotesol@yandex.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-112-119

А.М. Левитина (Москва, Россия)

Дом, который построил Бёлль: образ дома в романах Г. Бёлля 1950-х годов

Аннотация: В статье проанализированы образы дома в трех романах Г. Бёлля 1950-х гг.: «И не сказал ни единого слова», «Дом без хозяина» и «Бильярд в половине десятого». Особое внимание уделяется проблематике освоения пространства и дихотомии «хаос – порядок».

Ключевые слова: Генрих Бёлль, немецкая литература, образ дома, группа 47, литература послевоенной Германии, архитектурные пространства, констелляция, антидом, коммуникация, соборность

A.M. Levitina (Moscow, Russia)

The House that Böll Built: the Concept of House in Heinrich Böll's 1950-s Novels

Abstract: The article analyzes the concept of house in three 1950-s novels by H. Böll: "And Never Said a Word", "The Unguarded House; Tomorrow and Yesterday" and "Billiards at half past nine". Special attention is paid to the problems of space exploration and the "chaos-order" dichotomy.

Key words: Heinrich Böll, German literature, concept of house, Group 47, post-war Germany literature, architectural spaces, constellation, concept of antihouse, communication, conciliarity

Образ дома является одним из ключевых в творчестве Г. Бёлля. В романах 1950-х гг. «И не сказал ни единого слова» («Und sagte kein einziges Wort», 1953), «Дом без хозяина» («Haus ohne Hüter», 1954), «Бильярд в половине десятого» («Billard um halb zehn», 1959) этот образ приобретает особую значимость. На лексическом уровне в тексте концепт «дом» (Haus) реализуется также в двух других важных архитектурных образах – гостинице (Gästegaus) и соборе (Gotteshaus), их анализ позволяет проследить трансформацию мотива взаимодействия со своим и чужим пространством и роль дихотомии «хаос – порядок» в художественном мире Бёлля.

Проблематика построения и разрушения зданий наделена особым смыслом в творчестве Бёлля, вернувшегося с фронта в послевоенную Германию. Писатель был вынужден самостоятельно отстраивать свой дом заново – из руин, чтобы вернуть семью: свою жену Аннемари и четверых детей – к мирной жизни, однако в глобальной реконструкции Кёльна он участвовать отказался. Для Бёлля было

важно видеть разрушенные дома, служившие напоминанием об ужасах войны и о том, что лишь сплоченные действия людей станут ключом к выходу из кризиса. Об этом Бёлль рассуждает в эссе «В защиту литературы развалин» («Bekenntnis zur Trümmerliteratur», 1949), отстаивая необходимость разговора о страшном прошлом и силу особого писательского взгляда, познающего в образах разрушенных домов «суть вещей» [Бёлль 1989: 675]. Развалины Бёлль осмысляет в буквальном смысле: «...мы писали о войне и о возвращении домой, о том, что мы увидели на войне, и о том, что нашли дома, когда вернулись: о развалинах» [Бёлль 1989: 673]. Осмысляя состояние послевоенного немецкого общества и проводя параллели с «литературой развалин» других эпох, Бёлль приходит к выводу, что именно отражение реального положения вещей в мире, описание руин, а не их реставрация, является основной задачей писателя на пути к преображению человека: «наша задача напоминать о том, <…> что бывают в нашем мире и такие разрушения, которые глазами не увидеть и которые не столь незначительны, чтобы можно было взять на себя смелость залечить эти раны всего за несколько лет» [Бёлль 1989: 677].

Двойственность роли отстраивания и разрушения Бёлль осмысляет не только в своей личной и общественной жизни, но переносит и в художественный мир своих произведений в качестве ключевой проблематики: «Наверное, он был счастлив, что ты помогаешь восстанавливать аббатство? // – Да, – сказал Йозеф, – но я не могу больше давать ему это счастье; не спрашивай – почему; не могу, и все» [Böll 1966: 171]. Помимо того, что эти мотивы входят в тексты романов, они оказываются связаны с взаимоотношениями персонажей, метафорически отражают взаимодействия персонажей с внешним миром и собственный душой.

Проблема разрушенности и сопряженной с ней категории хаотического становится предметом осмысления в исследовании немецкого публициста Ганса Йенера «Волчье время», посвященного исторической панораме первого послевоенного десятилетия в Германии. Глава «Среди развалин» по проблематике и образам, предстающим перед читателями, повторяет размышления Бёлля о хаотичности разрушенного пространства и уборке как привнесению упорядоченности. Йенер отмечает особую роль женщин в уборке развалин в разрушенных немецких городах: «...то, что женщины, работавшие на расчистке завалов, все же стали легендой послевоенного восстановительного периода, связано с незабываемым впечатлением, которое производил их труд среди руин» [Йенер 2024: 42]. В романах Бёлля женщины также становятся главными «борцами с грязью» и разрушением дома как архитектурного строения и как психологического и философского концепта. Выделение Йенером темы развалин как одного из ключевых образов, символизирующих послевоенную Германию, продолжает современную Бёллю и характерную для того времени призму взгляда на положение человека в особом пространстве и времени, в рамках которой особую символическую важность получала дихотомия хаоса и упорядоченности.

Среди отечественных исследований образов дома у Бёлля можно выделить диссертации А. Пономаревой «Концепт “Haus” в индивидуально-авторской картине мира Генриха Бёлля: на материале романов “Дом без хозяина”, “Бильярд в половине десятого”, “Глазами клоуна”» (2018) и Г. Вириной «Типы персонажей и система образов в романах Генриха Бёлля “Дом без хозяина” и “Бильярд в половине десятого”» (2004). Работа Пономаревой представляет собой лингвокультурологическое исследование, где предложено анализировать архитектурные образы с позиций нескольких концептуальных слоев: «здание», «место жительства»,

«жильцы домов» и «семья»; уделено особое внимание концепту «наш / свой» в индивидуально-авторской картине мира Бёлля. В работе уделяется больше внимания формальным характеристикам языка романов, таким как количество и контекст употреблений различных лексем из семантического поля «дом», однако за рамками исследования остается взаимодействие персонажей с пространством домов, направленное на преодоление хаоса и установление контакта друг с другом, анализируемое в данной статье.

Вирина, обращаясь к проблеме пространства в романах Бёлля в первой главе своей работы, отмечает что в названия романов Бёлля выносятся категории пространства («Дом без хозяина») и игры («Бильярд в половине десятого»). На основе выделения этих категорий как концептов Вирина рассматривает все структурные элементы романов, в том числе выделяет группы персонажей, актуализирующих различные значения концептов «дом» и «игра». Вирина также выделяет связь домашних пространств в романах Бёлля со временем. Отчасти развивая отдельные положения анализа Вириной, в данной статье мы больше внимания будем уделять характеристикам образа дома в романах Бёлля, категориям хаоса и порядка, чуждости и освоенности, в рамках которых персонажи взаимодействуют с пространством.

Образ дома важен для всех трех романов («И не сказал ни единого слова», «Дом без хозяина», «Бильярд в половине десятого») уже на сюжетном уровне: действие строится вокруг нескольких ключевых архитектурных образов, одним из которых всегда является дом как место жительства героев. Другими важными точками, вокруг которых также будет концентрироваться действие, обычно являются гостиницы («И не сказал ни единого слова», «Бильярд в половине десятого») и церкви (образ представлен во всех трех романах). В романе «Дом без хозяина» образ гостиницы имеет особый статус: он не явлен напрямую, однако в разные моменты повествования каждый из домов семей Бах и Брилах может брать на себя функцию «гостиничного», т. е. чужого, пространства. Передвижение героев между пространствами домов, гостиниц и соборов связывает их в особые умозрительные структуры – констелляции. Каждый из героев-обитателей этих пространств пытается осмыслить категории хаоса и упорядоченности и направить свою деятельность на гармонизацию пространства.

В романе «И не сказал ни единого слова» дихотомия «хаос – порядок» актуализируется в сцене воскресной уборки Кэте. Уборка представлена как война с грязью: «Потом я начинаю свою борьбу, борьбу против грязи. Сама не знаю, почему я надеюсь, что когда-нибудь добьюсь победы» [Böll 1953: 49]. Д. Рёмгильд трактует акт уборки Кэте как символ роли женщин в восстановлении послевоенной Германии: «Ее борьба против пыли, грязи и вредных насекомых – это истинные жизненные условия так называемых Trümmerfrauen, женщин времен разрушений Второй мировой войны» [Römhild 1991: 50]. Однако важно отметить, что героиня использует воду, чтобы вымывать штукатурную пыль. Так наступающий хаос увязывается с иссушенностью комнаты, а действия Кэте, направленные на упорядочивание пространства, связаны с образом влаги, способной противостоять хаосу разрушения, «вдохнуть» в комнату жизнь.

Дома семей Бах и Брилах из романа «Дом без хозяина» описываются через образы сырости и запустения. Дом Бахов наполовину пуст, жители пытаются бороться с протекающей крышей: «...иногда бабушка поднималась на чердак, чтобы осмотреть повреждения <…>, и все ее тело излучало благоразумие и ответствен-

ность» [Böll 1965: 121], но эти попытки не приносят плодов. Семья Брилахов живет еще более бедно, в доме они вынуждены накрывать одежду клеенкой, чтобы та не промокла. Излишек влаги предстает не меньшей разрушительной силой, чем сухость. Генрих Брилах, сын матери семейства Вильмы, пытается уравновесить состояние хаоса и разрушенности попыткой организации быта и бюджета семьи: «Примерно в это же время Генриху Брилаху было пять с половиной лет, и он помогал своей матери зарабатывать на хлеб, выполняя поручения для многочисленных жителей дома в обмен на комиссионные с продаж на черном рынке» [Böll 1965: 19–20]. Однако этого оказывается недостаточно для преодоления хаоса на уровне отношений внутри семьи, из-за чего невозможно сохранять прочные связи с «дядями», которые сожительствуют с Вильмой. В финале романа всепроникающей влаге и разобщенности как силам хаоса противопоставлен образ человеческого дыхания: «Мартин слышал, как Генрих порывисто дышал, как человек в большом волнении. Вильма дышала спокойно» [Böll 1965: 323]. Своеобразное единение героев через внимание к одновременному дыханию друг друга дает возможность гармонизировать пространство дома. Этот процесс реализуется не через метафоры разрушения и отстраивания, а через переход на другой уровень коммуникации.

В романе «Бильярд в половине десятого» роль дихотомии хаоса и порядка в развитии мотива разрушения и созидания усложняется. Структуро- и смыслообразующим элементом в романе выступает образ аббатства Святого Антония, построенного Генрихом Фемелем, разрушенного его сыном Робертом и так и не отреставрированного внуком Йозефом. Руины аббатства символизируют закольцованность его существования. Образ каменных груд и пыли сопровождает описания аббатства и сразу после его разрушения (Генрих Фемель говорит об аббатстве как о «пустынной груде камней, пыли и строительного раствора» [Böll 1966: 100]), и на момент восстановительных и реставрационных работ, проводимых внуком Генриха Йозефом: «Незадолго до закрытия бригадир компании по сносу привел его в столовую, где гору щебня в углу сгребли на ленту и перенесли с ленты на грузовик; влага, скопившаяся в щебне, образовала липкие комки из каменных обломков, остатков раствора и неопределяемой грязи» [Böll 1966: 167]. Так аббатство святого Антония переживает, по сути, возвращение из праха в прах, и в этом состоянии должно остаться, чтобы наконец дать возможность семье Фемелей высвободиться из его кирпичных стен. Образ влаги в этом эпизоде отражает пограничное положение аббатства между разрушением и созиданием, однако уже не имеет онтологической силы, так как Йозеф в итоге отказывается реставрировать аббатство.

Происходит смещение ценностных координат с созидания (отстраивание как хаос) на разрушение (взрыв как порядок), которое заметно в судьбе всех троих Фемелей: Генрих «готов принести в жертву двести аббатств, чтобы вернуть Эдит и Отто» [Böll 1966: 100], Роберт мечтает взрывом «воздвигнуть памятник из праха и обломков <…> тем, кого никто не пощадил» [Böll 1966: 133], а Йозеф, узнав о причастности отца к взрыву, хочет пересмотреть свое жизненное призвание и избрать иное применение своим навыкам архитектора. В финальной сцене, где вся семья и близкие люди Фемелей собираются в одном доме, старик Фемель разрезает купол торта в форме аббатства и отдает тарелку Роберту. В этом жесте реализуется идея разделения на части собора как единой формы ради перехода к соборности (разделение торта напоминает акт святого причастия).

Обрести подлинную коммуникацию друг с другом и «свое» пространство в жизни персонажам также помогает приобщение к изначально максимально «чужому» пространству. Таким пространством может стать гостиница. Дихотомия «свое / чужое» реализуется через противопоставление образов дома (Haus) и гостиницы (Gästehaus). В данном случае можно говорить о реализации в образе гостиницы пространства «антидома» по Лотману: это «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир» [Лотман 2005: 748]. В романах «И не сказал ни единого слова» и «Бильярд в половине десятого» образ гостиницы берет на себя функцию «чужого» пространства, которое герои пытаются сделать «своим»: так, Кэте и Фред встречаются в гостинице после расставания, только там возможна их супружеская жизнь. Обитатели гостиницы воспринимают Кэте как девушку легкого поведения («поднимаясь по лестнице, я услышала из открытой двери, как чей-то голос сказал: а она из здешних» [Böll 1953: 116], «с женщинами, которым становится плохо, не ходят по отелям» [Böll 1953: 152]). За счет того, что использованное в оригинале слово die Frau можно перевести и как женщина, и как жена, пространство гостиницы становится пространством, где не место женам, т. е. пространством, разрушающим семью. Бёлль переворачивает и эту коннотацию. Если именно в гостинице Кэте беременеет и эта встреча становится поворотным моментом для Фреда, который наконец-то готов обрести дом и семью заново, то пространство «антидома» за счет своих противоположных «дому» характеристик наделяется силой воздействия на героя и, вопреки законам «антидома», способно спасти их семью.

Не случайно проблематика воссоединения семьи связана в тексте романа с образом церкви. Пространство церкви в романе чаще всего описывается с помощью образа входной двери. Финальная сцена, которая должна привести к примирению и воссоединению супругов, представляет Фреда следующим за Кэте до входа в церковь. Фред не решается войти, однако слышит звуки органа, а затем не узнает Кэте, когда она выходит. Пространство церкви преображает ее образ и восприятие их взаимоотношений для Фреда. Воспоминание о «черной двери церкви», куда входила Кэте, становится ключевой активизирующей силой, благодаря которой он наконец обретает стремление вернуться домой, – не только в физическом, но и в духовном смысле, и благодаря этому может восстановиться подлинная коммуникация между персонажами.

В романе «Дом без хозяина» проблема «освоенного» и «чужого» пространства вынесена в название. Исходно у обоих героев установлена эмоциональная связь с домом как пространством, где живет их семья. Так, в ночное время пространство дома становится «женским» пространством: «Альберт был почти такой же точный, как Глум, – ровно в одиннадцать у него в комнате становилось тихо, – то, что совершалось в доме после одиннадцати, имело отношение только к женщинам: бабушке, Больде и матери» [Böll 1965: 10]. Образ бабушки для Мартина в принципе неотделим от дома, может даже сливаться с ним: «Когда он думал: “Никого нет”, он не считал бабушку, которая, вне всякого сомнения, сидит дома. Думать: “Дома никого нет”, – значит, думать: “Бабушка дома, а больше – никого”» [Böll 1965: 66].

Пространство дома в сознании Мартина связано в основном с матерью. Однако его мать Нелла Бах также является причиной появления в доме гостей, которые «отнимают» у Мартина и его дом, и его мать, и такие периоды времени (обычно вечерние) связаны с «отельным» пространством комнаты соседа-художника Аль-

берта: «Но часто по вечерам мать уходила куда-нибудь или приводила с собой гостей, тогда его, сонного, переносили в комнату к дяде Альберту, и он притворялся, будто не слышит этого. Он терпеть не мог гостей, хотя любил спать в комнате дяди Альберта» [Böll 1965: 10]. Приход гостей всякий раз изменяет для Мартина функцию его дома как места, где живут близкие и знакомые ему люди, переводя дом в разряд «чужих» пространств, – дом становится в сознании Мартина гостиницей, «антидомом». Такая шаткость статуса дома, постоянное колебание между «своим» и «чужим» определяется именно отсутствием «хозяина», отца семьи.

Для Генриха Брилаха, как и для Мартина Баха, наиболее четкая эмоциональная связь существует между домом и матерью. Также важна связь пространства дома с семьей. Символом этой связи становится фотография погибшего на войне отца: «В доме хозяйничали разные дяди, но фотография отца продолжала висеть на стене» [Böll 1965: 22]. Возникшее противопоставление отца, истинного хозяина дома, – и «дядей», сожителей Вильмы, которые могут пытаться устроить пространство дома по-своему, но не могут стать настоящими его хозяевами, подчеркивает конфликт пространства дома и «антидома».

Выходом из пространства чуждости и пустоты для обоих мальчиков становится объединение семей под одной крышей в финале романа, что приводит к освоению «чужого» пространства и переносу внимания героев друг на друга, благодаря чему появляется возможность установить связь между членами семьи и обрести надежду на общее будущее: «Генрих думал о надежде, которая на мгновение отразилась во взгляде его мамы; всего одном взгляде, но Генрих знал, что этого достаточно» [Böll, 1965: 324].

Роман «Бильярд в половине десятого», в отличие от двух других произведений, открывается не образом дома, но образом отеля «Принц Генрих», в котором живет Роберт Фемель. И сам Роберт наделяет его в большей степени чертами своего домашнего пространства, чем отельного, обозначив, что «всегда рад видеть мать, отца, дочь, сына и господина Шреллу, но больше никого не принимает» [Böll 1966: 17]. Если отель по функциональному предназначению должен впускать в себя всех людей, которые желают на время снять там комнату или провести время, то Роберт Фемель устанавливает особые ограничения на вход в пространство своего номера, принимая там лишь членов семьи и единственного близкого друга. Мы видим, что пространством, наделенным для Роберта семейными коннотациями, становится «чужое» пространство отеля, т. е. происходит подмена, обратная ситуации «Дома без хозяина». Если в «Доме» у героев «отбирали» пространство своего дома, то Роберт стремится осмыслить пространство гостиничного номера как полностью «свое», устанавливая там собственные правила и границы, которые нельзя нарушать «чужим».

Однако Роберт все еще остается изолированным в отеле «Принц Генрих», и, несмотря на разрешение для семьи посещать его, контакт с близкими людьми нарушен. Номер в отеле и бильярд в половину десятого становится для Роберта Фемеля способом упорядочить жизнь, фиктивной заменой утраченных человеческих связей, от которых он сознательно закрывается в отеле «Принц Генрих». Это затворничество символически отражается в образе игры в бильярд, ведь бильярдные шары Роберта никогда не вылетают за борт. Роберт создает констелляции, фигуры из шаров на бильярдном столе, словно проецируя на зеленое поле свою потребность в созидании: «...каждый раз, как шар ударялся о два других шара, из зеленого небытия возникала новая геометрическая фигура; это напоминало

звездное небо, на котором несколько точек находятся в движении» [Böll 1966: 30]. Возможность игры в бильярд на протяжении долгого времени позволяет Роберту запускать «динамику», так как ранее он реализовывал динамический принцип только во взрыве аббатства: «Взрыв, – сказал Роберт, – нечто противоположное статике. Так сказать, ее обратная величина» [Böll 1966: 135]. Однако, пока Роберт остается внутри пространства отеля, ему недоступны в полной мере ни творческое созидание, ни поддержание контакта с семьей и «освоение» пространства отеля как «антидома». Поэтому приход Леоноры в отель «Принц Генрих» на день рождения старика Генриха Фемеля меняет функцию отеля. Факт того, что семейный праздник герои отмечают в отеле, снимает негативные коннотации с этого пространства. В номере отеля наконец собираются все члены семьи Фемелей, включая Гуго и Шреллу, разрушая те границы, которые Роберт выстраивал вокруг себя.

Полностью пространство гостиницы не поддается освоению ни в одном из романов: в конце произведений каждый из героев покидает Gästehaus навсегда, но и Фред, и Роберт обретают там своих детей и семью. В пространстве «антидома» для героев становится возможным изменить главенствующий вектор его жизни с «центробежного» на «центростремительный». «Чужое» пространство гостиницы, собирая вокруг героев близких людей, помогает персонажам обрести «свое» пространство и свое место.

Таким образом, дихотомии «хаоса – порядка» и «своего – чужого» пространства в романах Бёлля 1950-х гг. позволяют выявить и проанализировать одну из ключевых проблем творчества Бёлля, – проблему подлинной коммуникации. Этот тип коммуникации предполагает выход из категории разговора о материальности формы. Цельность формы, в том числе архитектурных образов, уступает место единению людей, происходит сдвиг от неорганического к органическому единству, так как теперь объединяющей, центростремительной субстанцией становится человеческое дыхание и совместное бытие в одном пространстве. Преодоление категорий чуждости и разрушенности происходит благодаря соположению пространств в констелляции и объединению героев через пространство в единую систему. В том числе достижению соборности способствует творческое усилие со стороны персонажей, которое преобразует разрушение материальной формы в акт духовного созидания.

ЛИТЕРАТУРА

Бёлль Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 707 с.

Вирина Г.Л. Типы персонажей и система образов в романах Генриха Белля «Дом без хозяина» и «Бильярд в половине десятого»: Дисс. … канд. филол. наук. СПб., 2004. 200 с.

Зачевский Е.В. «Группа 47» и становление западногерманской литературы. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1989. 148 с.

Йенер Х. Волчье время. Германия и немцы, 1945–1955. М.: Individuum, 2024. 480 с.

Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования. СПб.: Искусство, 2005. 845 с.

Пономарева А.Ю. Концепт «Haus» в индивидуально-авторской картине мира Генриха Бёлля: на материале романов «Дом без хозяина», «Бильярд в половине десятого», «Глазами клоуна»: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. 202 с.

История литературы ФРГ. М.: Наука, 1980. 687 с. (См.: Рудницкий М.Л. Творчество Генриха Белля).

Bernhard H. Die Romane Heinrich Boells. Berlin: Ruetten & Loening, 1970. 424 p.

Böll H. Billard um Halb zehn. München: Droemer Knaur, 1966. 237 p.

Böll H. Haus ohne Hüter. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1965. 303 p.

Böll H. Und sagte kein einziges Wort. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1953. 195 p.

Lehnhardt E. Das Romanwerk Heinrich Boells von «Haus ohne Hueter» bis «Gruppenbild mit Dame». Urchristentum und Wohlstandgeselschafit. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1986. 258 p.

Römhild D. Die Ehre der Frau ist unantastbar. Das Bild der Frau im Werk Heinrich Bölls. Pfaffenweiler, 1991. 225 p.

REFERENCES

Böll H. Works: In 5 vols. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1989. 707 p.

Virina G.L. (2004) Types of Characters and System of Images in Heinrich Böll's Novels "Haus ohne Hueter" and "Billard un Halb Zehn": Thesis. St. Petersburg. 2004. 200 p.

Zachevsky E.A. "Group 47". Pages of the History of the West Germany's Literature. Petersburg. Leningrad State University Press. 1989. 148 p.

Jähner H. (2024) Wolfszeit. Germany and the Germans, 1945–1955. Moscow. Individuum. 480 p.

Ponomareva A.Yu. (2018) Representation of Concept "Haus" in Individual Worldview of Heinrich Böll (on the material of the novels "Haus ohne Hüter", "Billard un Halb Zehn", "Ansichten eines Clowns"): Thesis. Moscow. 202 p.

History of Western Germany Literature. Moscow. Nauka Publ. 1980. 687 p. (See: Rudnitsky M.L. Works of Heinrich Böll)

Bernhard H. (1970) Die Romane Heinrich Boells. Berlin. Ruetten & Loening. 424 p.

Böll H. (1966) Billard um Halb zehn. München. Droemer Knaur. 237 p.

Böll H. (1965) Haus ohne Hüter. Köln. Kiepenheuer & Witsch. 303 p.

Böll H. (1953) Und sagte kein einziges Wort. Köln. Kiepenheuer & Witsch. 195 p.

Lehnhardt E. (1986) Das Romanwerk Heinrich Boells von "Haus ohne Hueter" bis "Gruppenbild mit Dame". Urchristentum und Wohlstandgeselschafit. Köln. Kiepenheuer & Witsch. 258 p.

Römhild D. (1991) Die Ehre der Frau ist unantastbar. Das Bild der Frau im Werk Heinrich Bölls. Pfaffenweiler. 225 p.

Сведения об авторе

Алиса Михайловна Левитина,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alisa M. Levitina,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

levitina.a@mail.ru

Библиографии

Bibliography

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-121-131

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2023

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

Bibliography of Works by N.V. Gogol and Literature about Him in Russian. 2023

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести / Худож. О. Коминарец. М.: Изд-во Махаон, 2023. 144 с.: ил. – (Серия Классная классика.)

Содерж.:

Вечер накануне Ивана Купала; Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством.

Записки сумасшедшего: сб. М.: Изд-во АСТ, 2023. 256 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Содерж.:

Шинель, Невский проспект, Нос, Портрет, Записки сумасшедшего, Коляска.

Мертвые души: поэма, том первый / Коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; худож. А.А. Агин; гравировал Е.Е. Бернардский. М.: Детская литература, [2023]. 445, [2] с.: ил. – (Школьная библиотека). 5000 экз.

Коммент. С. 432–446.

Приложения:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 400–407.

Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 408–412.

Воропаев В.А. Главы из книги «Н.В. Гоголь: Жизнь и творчество»

История замысла и его осуществление. С. 413–415.

Смысл названия. С. 415–419.

Тема дороги. С. 419–421.

Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче. С. 421–426.

Особенности поэтики. С. 426–431.

Мертвые души: поэма. М.: Изд-во Тион, 2023. 368 с. – (Классическая серия).

Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 5: [драматические сочинения] / Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького; редкол.: Е.И. Анненкова, А.Г. Битов, С.Г. Бочаров, В.М. Гуминский, И.А, Зайцева, И.В. Карташова, Ю.В. Манн (гл. ред.); тексты и коммент. подгот. И.Ю. Виницкий, Н.Л. Ви-

ноградская, В.А. Врубель, В.Н. Греков, П.Ю. Гуревич, Е.Е. Дмитриева, А.Л. Зорин, Ю.В. Манн, Е.Г. Падерина (отв. ред. тома), Т.И. Печерская. М.: Наука, 2023. 1126 с.: ил.

Содерж.:

Женитьба. Совершенно невероятное событие в двух действиях (писана (Так! – *В.В.*) в 1833 году). С. 5–54.

Драматические отрывки и отдельные сцены (с 1832 по 1837 год).

Игроки. С. 57–92.

Утро делового человека. С. 93–100.

Тяжба. С. 101–108.

Лакейская. С. 109–116.

Отрывок. С. 117–128.

Театральный разъезд. После представления новой комедии. С. 129–164.

Незавершенное

<Драма из светской жизни> С. 165–171.

Владимир 3-ей степени. С. 172–181.

<Драма из английской истории>. С. 182–206.

Подготовительные материалы

<Черновые материалы и предварительные записи к замыслу трагедии из истории Запорожья>. С. 209–214.

Черновые редакции

Женитьба

Первая редакция. Женихи. С. 217–230.

Фрагмент авторизованной копии. С. 231.

Черновые наброски второй редакции. С. 231.

Третья редакция (петербургская). С. 244–267.

Четвертая редакция (первая римская). С. 268–305.

Черновые наброски к пятой редакции. С. 306–309.

Игроки

Первая редакция начала. С. 310–316.

Черновые наброски ко второй редакции. С. 317–324.

Лакейская

Черновая редакция первой сцены. С. 325–328.

Отрывок

Черновая редакция. С. 329–344.

Черновые наброски к первой редакции. С. 348–358.

Черновые наброски ко второй редакции. С. 359–360.

Варианты. С. 361–420.

Приложение

Сганарель, или Муж, думающий, что он обманут женою. Комедия в 1 д. Ж.-Б. Мольера. Перевод с фр. при участии Гоголя. С. 423–438.

Дядька в затруднительном положении. Комедия в 3 д. Дж. Жиро. Перевод с ит. при участии Гоголя. С. 439–474.

Комментарий. С. 475–1088.

Условные сокращения. С. 1089–1098.

Список иллюстраций. С. 1099–1100.

Именной указатель. С. 1001–1123.

ЛИТЕРАТУРА

Абашев В.В. «Одержимость пространством»: Пастернак и Гоголь // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. М., 2023. № 7. С. 80–85. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.7.01

Анненкова Е.И. О Гоголе в историко-литературном контексте. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2023. 536 с.: ил.

Содерж.:

От автора. С. 3–5.

От древнерусской культуры к литературе Нового времени: духовные основы и сложности эволюционного пути. С. 6–25.

«Древнерусская православно-христианская образованность» в интерпретации Гоголя и И.В. Киреевского. С. 26–40.

«Поэт» и «церковный пастырь» в контексте «Выбранных мест из переписки с друзьями». С. 41–69.

Монашество в миропонимании Гоголя. С. 70–89.

«Нищенство» и «богатство» в гоголевском контексте на фоне историко-культурной и религиозной традиции. С. 90–119.

Богатыри, бродяги и странники: лики народного мира в гоголевском и славянофильском понимании. С. 120–166.

Феномен красоты в народной словесности и в понимании Гоголя. С. 167–192.

Телесное и духовное в традиционной народной культуре и в прозе Н.В. Гоголя (семантика и функции еды). С. 193–208.

«Наука жизни» в художественном сознании Гоголя и литераторов пушкинского круга. С. 209–226.

«Всё не только самая правда, но еще как бы лучше ее» (тайна единства этического и эстетического в творческом сознании Пушкина и Гоголя). С. 227–240.

«Клеветники России» в пушкинском и гоголевском контекстах. С. 241–254.

«Я возмужал среди печальных бурь...» (о теме духовного возмужания и формах ее воплощения у Пушкина и Гоголя). С. 255–272.

Осмысление итогов жизненного пути в творческом сознании Гоголя и в мемуарном наследии декабристов. С. 273–287.

Гоголь и Иван Аксаков: «беспрерывная внутренняя переработка» как фактор творчества. С. 288–300.

Записные книжки Гоголя: материя жизни и творчества. С. 301–315.

«Рим» и «Выбранные места из переписки с друзьями». От римского текста к русскому. С. 316–329.

От писем к «Выбранным местам из переписки с друзьями». С. 330–350.

«Выбранные места из переписки с друзьями» как антипетербургский проект Гоголя. С. 351–362.

«Страхи и ужасы России» (диалог автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» с современниками). С. 363–406.

«Чей удел на земле выше» в контексте «Выбранных мест из переписки с друзьями». С. 407–431.

Славянский вопрос в контексте гоголевской эпохи:

I. «Сочувствие единоверия и единоплеменности». Славянский вопрос в понимании славянофилов 1840–1850-х гг.: публицистический и поэтический дискурсы. С. 432–456.

II. Славянский мир в творческом сознании Ф.И. Тютчева и рецепция его в биографическом труде И.С. Аксакова. С. 456–485.

Абрамцево и творческие маршруты Гоголя:

I. Литературное Абрамцево в контексте усадебной культуры. С. 486–503.

II. Абрамцево и творческие маршруты Гоголя. С. 504–517.

[Указ. имен.]

Бережной И.А. Трагедия художника в романе Джека Лондона «Мартин Иден» и в повести Н.В. Гоголя «Портрет» // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения: Материалы XLVII научно-практической конференции, посвященной 250-летию со дня основания Миасса (Миасс, 21 апреля 2023 г.) / Челябинский гос. ун-т; под ред. И.И. Валова. Челябинск, 2023. С. 268–273.

Ван Ч. Традиции Н.В. Гоголя в прозе Цзя Чжифана // Litera. М., 2023. № 7. С. 27–42. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43474

[Особенности рецепции произведений Гоголя в творчестве китайского писателя-реалиста XX в. Цзя Чжифана.]

Виноградов И.А. Воспитание и образование в творческом наследии Н.В. Гоголя // Идеи отечественной педагогики, или Как воспитать «совершенного человека» / Департамент образования и науки города Москвы, Московский городской Дом учителя; сост.

Л.А. Черниченко, отв. ред. Н.Г. Минько. Череповец: ООО «ПД Череповецкая Полиграфическая компания», 2023. С. 37–47.

Виноградов И.А. Между светской литературой и богословием: архимандрит Феодор (Бухарев) – читатель Гоголя // Русско-Византийский вестник. СПб., 2023. №4(15). С. 77–92. https://doi.org/10.47132/2588-0276_2023_4_77

Виноградов И. Немецкий романтизм и XX век: к истокам фашизма. Художественное предвидение Гоголя // Русская народная линия. СПб., 2023. 08.06. (ruskline.ru)

[Полную редакцию статьи см. в издании: *Виноградов И.А.* Немецкий романтик В.Г. Вакенродер и XX век: художественное предвидение Н.В. Гоголя // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; отв. ред. М.И. Щербакова, В.Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Вып. 3. С. 273–313. https://doi.org/10.22455/Lit.pr.2022-3-273-313]

Виноградов И.А. Становление Российской Империи в гоголевской концепции русской поэзии // Русская народная линия. СПб., 2023.12.11 (ruskline.ru)

[Доклад на IV всероссийской научной конференции «Русская литература и национальная государственность» (Научно-исследовательский центр «Русская литература и христианская традиция», ИМЛИ РАН 17 октября 2023 г.)].
https://ruskline.ru/analitika/2023/12/11/stanovlenie_rossiiskoi_imperii_v_gogolevskoi_koncepcii_russkoi_poezii

Виноградов И.А. «Тарас Бульба»: история и текстология // Два века русской классики: научный филологический журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Т. 5. №1. С. 122–123.
https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-122-133

Виноградов И.А. «Тарас Бульба»: история и текстология // Русская народная линия. СПб., 2023.06.02 (ruskline.ru)
https://ruskline.ru/analitika/2023/06/02/taras_bulba_istoriya_i_tekstologiya

Виноградов И.А. Чичиков: смысл прозвища героя «Мертвых душ» // Русская речь. М., 2023. №5. С. 93–105.
DOI: 10.31857/S013161170028369-4

Волосков И.В. Символика петербургских повестей Н.В. Гоголя // A Posteriori: научное сетевое издание. М., 2023. №12. С. 73–75.

[Воздействие романтической символики немецкого романтизма на петербургские повести Гоголя, специфика усвоения писателем наследия Э.Т.А. Гофмана.]

Воронов А.М. Сценическая интерпретация поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в литературном театре «Классика» // Общество. Среда. Развитие. СПб., 2023. №4(69). С. 106–110. DOI: 10.53115/19975996_2023_04_106_110

[Моноспектакль по мотивам поэмы Гоголя «Мертвые души», созданный известным петербургским режиссером Дженни Катышевой в 2015 г. на сцене театра «Классика». Анализ проблемы актуальности сценических интерпретаций произведений отечественной классики в современном русском театре. Рассмотрены предыдущие попытки соединения авторского текста с персонажами «Мертвых душ» в некоторых сценических и телевизионных версиях гоголевской поэмы, созданных в течение XX столетия.]

Воропаев В.А. «Все сие да будет к назиданию». К истории замысла «Размышлений о Божественной Литургии» Н.В. Гоголя // Духовно-нравственное воспитание: научно-просветительский журнал. М., 2023. №1. С. 3–11. DOI: 10.12345/2074-5001_2023_1_3

Воропаев В.А. «Гоголь для меня – святыня». К 200-летию Аполлона Григорьева // Православное книжное обозрение. М., 2023. Август. №8(139). С. 40–48.

Воропаев В.А. Друг Гоголя. К 150-летию со дня кончины графа А.П. Толстого // Православное книжное обозрение. М., 2024. Январь. № 1(144). С. 38–50.

Воропаев В.А. Живой источник родного слова. Н.В. Гоголь о церковнославянском языке // Русская народная линия. СПб., 2023.05.24 (ruskline.ru)
https://ruskline.ru/analitika/2023/05/24/zhivoi_istochnik_rodnogo_slova

Воропаев В. Литература и Церковь. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // К единству!: журнал Международного Фонда духовного единства народов. М., 2023. Март-апрель. № 2(149). С. 36–38.

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь за чтением Священного Писания // Филология и теология: актуальные вопросы междисциплинарных исследований: материалы IV Зимней всероссийской научно-практической школы-конференции с международным участием «Язык – Литература – Православие» (Москва, 14–16 декабря 2022 г.) / Отв. науч. ред. и сост. С.В. Феликсов. М.: Перервинская духовная семинария, 2023. С. 94–105 / [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: https://ppds.ru/elib/filologia-i-theologia-pds-2023.pdf

Воропаев В.А. Ночь у Святого Гроба. К 175-летию паломничества Н.В. Гоголя в Святую Землю Ч. 1 // Православное книжное обозрение. М., 2023. Февраль. № 2(134). С. 42–53.

Воропаев В.А. Ночь у Святого Гроба. К 175-летию паломничества Н.В. Гоголя в Святую Землю. Ч. 2 // Православное книжное обозрение. М., 2023. Март. № 3(135). С. 43–55.

Воропаев В.А. Образ самодержавной монархии в религиозно-философском миросозерцании Н.В. Гоголя // Верующий разум: журнал Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии. СПб., 2023. № 12. С. 63–69.

Воропаев В.А. Последняя книга Гоголя. Из истории создания и публикации «Размышлений о Божественной Литургии». К 165-летию выхода в свет. Ч. 2 // Православное книжное обозрение. М., 2023. Январь. № 1(133). С. 44–52.

Воропаев В. Рубцов и Гоголь. К годовщине смерти поэта // Русская народная линия. СПб., 2019.19.01 (www.ruskline.ru) (эл. изд.). https://ruskline.ru/news_rl/2024/01/19/rubcov_i_gogol

Воропаев В. Русский Афон в судьбе Гоголя. К 170-летию со дня кончины иеросхимонаха Сергия (Веснина) // К единству! : журнал Международного Фонда духовного единства народов. М., 2023. Ноябрь-декабрь. № 6(153). С. 40–42.

Воропаев В. Русский Гомер. «Тарас Бульба» как героический эпос // Русская народная линия. СПб., 2023.05.06 (ruskline.ru) (эл. изд.). https://ruskline.ru/analitika/2023/06/04/russkii_gomer

Воропаев В.А. «Свет Христов просвещает всех!»: К 175-летию преставления преподобного Макария (Глухарёва) // Русская народная линия. СПб., 2023. 09.01 (www.ruskline.ru) (эл. изд.). https://ruskline.ru/news_rl/2023/01/09/svet_hristov_prosvewaet_vseh

Воропаев В. Святой источник слова. Церковнославянский язык в творчестве Н.В. Гоголя // К единству: журнал Международного Фонда духовного единства народов. М., 2023. Июль-август. № 4(151). С. 39–40.

Гоголь и его творчество: спектр интерпретаций. Двадцать вторые Гоголевские чтения: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 12–14 мая 2022 г.) / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2023. 248 с.: ил.

Содерж.:

Викулова В.П. Предисловие. С. 13–15.

Исследовательские подходы к наследию Гоголя:

Виноградов И.А. Наследие Гоголя: методология и идеология изучения. С. 16–26.

Воропаев В.А. 170 лет спустя. Гоголь в современном литературоведении. С. 27–33.

Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании гоголевского творчества. С. 34–40.

Лю Хунбо. История изучения жизни и творчества Н.В. Гоголя в Китае. С. 41–50.

Прозоров В.В. Г.А. Гуковский о роли Хлестакова в комедии Гоголя «Ревизор». С. 51–56.

Проблемы изучения биографии и творчества писателя:

Гуминский В.М. Гоголь: Украина и Россия. С. 58–68.

Денисов В.Д. Николай Гоголь и братья Прокоповичи. С. 69–75.

Карташов В.С. Гоголь и его окружение. Штаб-лекарь Василий Яковлевич Быковский. С. 76–77.

Падерина Е.Г. Об авторской датировке «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». С. 78–101.

Никитина Д.М. Отношение Н.В. Гоголя к А.Ф. Воейкову и его изданиям. С. 92–101.

Сапченко Л.А. Понять Гоголя: воспоминания С.Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем» в коммуникативном аспекте. С. 102–109.

Серягин С.Н. Забытое знакомство: Н.В. Гоголь и Родионовы. С. 110–114.

Поэтика Гоголя в современном научном дискурсе:

Анненкова Е.И. «Чей удел на земле выше» в контексте «Выбранных мест из переписки с друзьями». С. 116–131.

Иваницкий А.И. Гоголь и Питер Брейгель Старший (о возможном источнике гоголевской взаимосвязи народа и земли). С. 132–152.

Капустин Н.В. О семантике слова ужас в финале «Мертвых душ» Гоголя. С. 153–159.

Масаюки Уэмура. Возвышенные мотивы в повести «Тарас Бульба» (на основе трактата Эдмунда Бёрка). С. 160–166.

Фокеев А.Л. О фольклоризме раннего творчества Н.В. Гоголя («Тарас Бульба»). С. 167–170.

Интерпретация образа писателя и его текстов в литературе и других видах искусства:

Кривонос В.Ш. «Записки сумасшедшего» Гоголя в «Школе для дураков» Саши Соколова. С. 172–178.

Шульц С.А. Мотивы повести «Вий» в лирике Арсения Тарковского. С. 179–187.

Меладшина Ю.В. Танатологические мотивы в творчестве Н.В. Гоголя и М.Ю. Елизарова. С. 188–194.

Балакшина Ю.В. Пароход «Н.В. Гоголь»: к истории формирования «гоголевского текста». С. 195–204.

Иваньшина Е.А. Сумбур времени и музыка вечности (мультфильм А. Хржановского «Нос, или Заговор “не таких”»). С. 205–213.

Малахова Е.И. Роль книжных памятников в воссоздании образа писателя (на примере экспозиции Дома Гоголя). С. 214–223.

In memoriam Памяти Юрия Владимировича Манна (1929–2022):

Дмитриева Е.Е. «Тяжелая истина Гоголя»: завершение пути. С. 225–237.

Калганова Т.А. Ю.В. Манн – учитель и методист С. 238–242.

Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. 8-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2023. 232 с.

Гоголь и Пушкин сегодня: Материалы VIII межвузовской очной и онлайн-конференции (Санкт-Петербург, 19 октября 2023 г.) / Российский государственный гидрометеорологический ун-т. Кафедра отечественной филологии; Центральная библиотека имени Н.В. Гоголя (Красногвардейский район г. Санкт-Петербурга); отв. ред. В.Д. Денисов. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2023. 32 с.

Из содерж.:

Воропаев В.А. Н.В. Гоголь и князь В.Ф. Одоевский в пушкинском журнале «Современник». С. 2–6.

Денисов В.Д. Этот загадочный Вий. С. 7–17.

Чэн Чэнбянь. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в Китае: переводы, изучение, творческая рецепция. С. 23–27.
Кудрявцев Д.А. Ботанический текст в творческом наследии Н.В. Гоголя. С. 27–32.

Демидов Н.М., Клинг О.А. Притчевость в произведениях Н.В. Гоголя: особенности авторского воплощения // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия Литературоведение. Журналистика. М., 2023. Т. 28. № 2. С. 199–209.
DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-199-209

[Притчевость произведений Гоголя как один из важнейших элементов писательской стратегии.]

Дерюгина Л.В. М.А. Максимович – адресат писем Н.В. Гоголя (из комментария) // Литературный факт: научный журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М.: ИМЛИ РАН, М., 2023. № 2(28). С. 89–102.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-89-102

Дмитриева Е.Е. Второй том «Мертвых душ»: замыслы и домыслы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 464 с. – (Серия Научная библиотека).

Дмитриева Е.Е. «Тяжелая истина Гоголя»: завершение пути // Вопросы литературы. М., 2023. № 1. С. 101–120.
DOI: 10.31425/0042-8795-2023-1-101-120

[В статье памяти Ю.В. Манна прослеживается жизненный и творческий путь ученого и те заметно-незаметные открытия, которые он сделал в изучении русской литературы и прежде всего в творчестве Гоголя].

Жаворонкова М.Ю. Травестирование романтических любовных мотивов в «петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Проблемы метода и жанра: Материалы всероссийской научной конференции в честь 100-летия профессора, заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии РСФСР по науке Фаины Зиновьевны Кануновой (1922–2009) (Томск, 12–14 октября 2022 г.) / Томский гос. ун-т; ред. В.С. Киселев. Томск, 2023. С. 130–137.

[Любовные сюжеты в «петербургских повестях» Гоголя в сопоставлении со «Страданиями юного Вертера» И.В. Гёте и повестями Э.Т.А. Гофмана.]

Зенкевич С.И. Письмо В.Г. Белинского Н.В. Гоголю (1847) и эволюционная мысль: размышления на тему // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (Москва, 22–25 мая 2023 г.). Труды XXIX Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, посвященной 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского. М., 2023. С. 298–301.

Калмыкова Д.А. Этнокультурный код бытовой лексики в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вестник Донецкого национального ун-та. Серия Д. Филология и психология. Донецк, 2023. № 4. С. 156–163.

Карякина В.Л. Языковые средства реализации связности текста (на материале пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба») // Символ науки: международный научный журнал. Уфа, 2024. № 1-1. С. 119–127.

Каширина В.В. Новонайденные помянники Н.В. Гоголя из архива Опийной пустыни // Богословский вестник. М., 2022. № 4(47). С. 256–269. DOI: 10.31802/GB.2023.47.4.014

Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Гоголя: пространство смысла. 5-е изд. М.: ФЛИНТА, 2023. 320 с.

Кривонос В.Ш. Повести Гоголя: пространство смысла. 4-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА, 2023. 420 с.

Кривонос В.Ш. Профессия: филолог. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 416 с.

Из содерж.:

Гл. I: О литературе

Трансформации пространства и нарративные трансформации в повести Н.В. Гоголя «Вий». С. 31–47.

Гоголевские мотивы в «Школе для дураков» Саши Соколова. С. 181–188.

Производство знаков подобия (о романе Л. Гиршовича «“Вий”, вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя»). С. 189–199.

Гл. III: На границах литературы и филологии

Некто Гогель. С. 347–354.

Миражи, или хлестаковщина

Фантасмагории на темы Гоголя. С. 355–380.

Кунецкая А.А. Аллюзии и реминисценции в повести Н.В. Гоголя «Шинель // Духовная ситуация времени. Россия XXI век: электронный научно-теоретический гуманитарный журнал. Курск, 2023. №2(31). С. 18–21.

[Сюжетообразующая функция аллюзий и реминисценций в повести Гоголя «Шинель»; сопоставительный анализ с поэмой А.С. Пушкина «Медный всадник и сказкой В.А. Левшина «Досадное пробуждение».]

Матвеичев О.А. Николай Гоголь о «русском коде» // Первый большой философский собор «Об основаниях русской идеи. Онтологические доводы»: сб. докладов / Гл. ред. А.Б. Киселева. М.: Издательский дом «Русская философия», 2023. С. 336–341.

Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве: коллективная монография / Липецкий гос. педагогический ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; науч. ред. Н.В. Стюфляева. Липецк, 2023. 320 с.

Из содерж.:

Гл. V: Наследие святителя Тихона Задонского и христианская аксиология, и антропология русской литературы

§ 1. *Воропаев В.А*. Н.В. Гоголь и святитель Тихон Задонский. К постановке проблемы. С. 144–150.

§ 2. *Сатарова Л.Г., Стюфляева Н.В.* Оппозиция сребролюбия и нестяжания в трудах святителя Тихона Задонского и поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 150–155.

§ 3. *Сатарова Л.Г., Стюфляева Н.В.* «Я брат твой» (Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» и учение святителя Тихона Задонского о всечеловеческом братстве). С. 156–168.

§ 4. *Пантелеев И.В.* Отражение православного вероучения о духе, душе и теле в русской классической литературе. С. 168–177.

[В частности, о Гоголе (повесть «Портрет).]

Путник К. «Миргород» Н.В. Гоголя как историософская модель. Ч. 5 // Русская народная линия. СПб., 2023.05.01. (ruskline.ru)

Райкина М. Акакий луганский оказался женщиной. На «Уроках режиссуры» показали спектакль по Гоголю // Московский комсомолец. М., 2023. 15 ноября. №213(644). С. 4: фотоил.

[Фестиваль На «Уроках режиссуры» набирает обороты. В «Et Cetera» Луганский академический русский драмтеатр показал спектакль «Акакий» по повести Гоголя «Шинель» (режиссер Сергей Васин; в роли Акакия Акакиевича – Наталья Бутко.]

Райкина М. Новый поход в Запорожскую Сечь. «Тараса Бульбу» в «Коляда-театре» посвятили Галине Волчек // Московский комсомолец. М., 2023. 27 января. №15(28.959). С. 7.

[В то время как на Украине крушат и сносят памятники Пушкину (уже 24) и прочие символы, напоминающие о России, в Москве играют Гоголя, пляшут гопака, даже говорят по-украински. Что за толерантность? На чьей стороне правда? «Коляда-театр», который последнюю неделю показывает старые и новые спектакли в Центре на Страстном, отыграл одну из своих последних премьер – «Тараса Бульбу». Важное уточнение: к повести Гоголя драматург и режиссер обратился еще до начала СВО, и спецоперация его не остановила. С подробностями из театральной Запорожской Сечи, развернутой в российской столице, обозреватель «МК».]

[Драматург Н.В. Коляда поставил спектакль «Тарас Бульба» (по одноименной повести Гоголя), который посвящен памяти Г.Б. Волчек.]

Райкина М. Гений из удобрений. Николай Коляда: «Стоит мой театр чего-то или нет, будет известно через двадцать лет после моей смерти» // Московский комсомолец. М., 2023. 1 февраля. №18(603). С. 12.

[В частности, Н.В. Коляда о постановке «Тараса Бульбы» Гоголя.]

Райкина М. Хаматову лишили трех языков. Спектакль в Риге с участием актрисы отменили по Гоголю // Московский комсомолец. М., 2023. 1 марта. №36(607). С. 10.

[Новый Рижский театр отменил премьеру с участием Чулпан Хаматовой. Спектакль по «Старосветским помещикам» Гоголя, названный «Гоголис. NATURE MORTE», в котором актриса должна была играть аж на трех языках [латышском, украинском, русском], не стал художественным событием.]

Райкина М. Хаматовой наступили на язык. «Дошло до того, что чуть ли не МИД Украины вмешался в театральную работу» // Московский комсомолец. М., 2023. 17 марта. №47(28.991). С. 6.

[Две недели прошло с тех пор, как маленькую Ригу взбаламутила новость о закрытии спектакля с участием Чулпан Хаматовой в Новом Рижском театре, и страсти по нему никак не улягутся. Поскольку «Gogolis. Nature Morte» (по пьесе Гоголя «Старосветские помещики») так ни разу и не сыграли, а значит, судить об их политической или художественной несостоятельности никто толком не может, то интерес к постановке только возрастает.]

Романов С.С. Николай Полевой о Гоголе и квасном патриотизме // Духовный путь земли Курской: литература, язык, история, культура: Материалы региональной студенческой научно-исследовательской площадки (Курск, 14 декабря 2022 г.) / Курский гос. ун-т. Курск, 2023. С. 239–246.

Рузимбаев Х. Лексико-семантические группы диалектизмов в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. Т. 1. №2. Ташкент, 2023. С. 77–80. DOI: 10.47689/2181-3701-vol1-iss2-pp77-80

Русская литература: история и современность: сб. научных статей: научное электронное издание / Белорусский гос. ун-т; редкол.: Л.Л Авдейчик (гл. ред.) [и др.] Минск, 2023.

Из содерж.:

Воропаев В.А. Где и когда родился Гоголь. С. 16–19.

Сидорова Т.П. «Петербургские повести» Н.В. Гоголя и Р.В. Сенчина: традиции и новые интенции. С. 146–165.

[Сравнительно-типологический анализ «петербургских повестей» Гоголя и Р.В. Сенчина. Идейно-художественное переосмысление современным автором гоголевской классической традиции в изображении Петербурга, образа «маленького человека» и темы творчества.]

Русская словесность: научно-методический журнал. М., 2023. №1.

[Специальный номер, посвященный 200-летию со дня рождения поэта Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864), подготовленный совместно с Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН и Библиотекой музеем «Дом А.Ф. Лосева».]

Из содерж.:

Захарова Е. «Нечто о литературе»: Ю.Н. Говоруха-Отрок как последователь Ап. Григорьева С. 25–31.

[В частности, Ю.Н. Говоруха-Отрок о Гоголе.]

Воропаев В.А. Аполлон Григорьев и Николай Гоголь. С. 43–49. DOI: 10/47639/0868-9539_2023_1_43

Сартаков Е.В. Смерть Гоголя и сербская пресса // Вестник Московского ун-та. Серия 10. Журналистика. М., 2023. №4. С. 84–103. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.8410

Симеон (Томачинский), архимандрит. Поэтика богослужебных текстов в славянской традиции: учебное пособие. М.: Διάλογος [Диалогос], 2023. 88 с.

Из содерж.:

Традиции богослужебной литературы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. С. 76–85.

[Первоначально: Богослов.Ru [Электронный ресурс]. URL: https://bogoslov.ru/article/61742762022 г.]

Токонова А.А. Образ Петербурга в творчестве Н.В. Гоголя // Вестник Бишкекского гос. ун-та. Бишкек, 2023. № 1(63). С. 247–251. DOI: 10.35254/bhu/2023.63.45

[На материале произведений: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Пропавшая грамота», «Женитьба», «Ревизор», «петербургские повести» и «Мертвые души».]

Скороходов М.В. Чтение и библиотека в русской литературной традиции (от помещичьей усадьбы до дачи советского периода) // Два века русской классики: научный филологический журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М.: ИМЛИ РАН, 2023. Т. 5. № 3. С. 202–217. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-202-217

[В частности, о Гоголе. С. 210: Наличие «книг и бумаг» – характерная черта усадебного кабинета, их отсутствие воспринимается в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя как нарушение заведенного порядка – в кабинете Ноздрева «не было заметно следов того, что бывает в кабинетах, то есть книг или бумаги; висели только сабли и два ружья» <…>. В кабинете Манилова «всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года» <…>. Проблему круга чтения Гоголь ставит во втором томе поэмы, где описывает «книгохранилище» помещика Кошкарева.]

Слово и текст: теория и практика коммуникации: сб. научно-методических трудов. Вып. 17 / Армавирский гос. педагогический ун-т; ред. О.В. Четверикова. Армавир, 2023. 184 с.

Из содерж.:

Ковалёва В.И., Замаруева Е.С. Тема «мертвой» и «живой» души в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» С. 80–84.

Кокарева С.И., Стрельникова Л.Ю. Символика мистических образов в произведениях Н.В. Гоголя. С. 84–88.

Смирнов А.Е. Розанов против Гоголя: превратности письма // Известия Байкальского гос. ун-та. Иркутск, 2023. Т. 33. № 3. С. 610–621. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(3).610-621

Теслюк Д.А. Уничтожение тела и реконструкция телесности в «петербургских повестях» Н.В. Гоголя // Молодежные Чеховские чтения в Таганроге: Материалы XV международной научной конференции (Таганрог, 27–28 апреля 2023 г.) / Ростовский гос. экономический ун-т (РИНХ); отв. ред. Т.М. Субботина, О.А. Яковлева. Ростов н/Д., 2023. С. 271–275.

[Трансформация телесности гоголевского персонажа в повестях, традиционно относимых к «петербургским».]

Ходус В.П. Реальное и ирреальное пространство в художественном мире Н.В. Гоголя // Chinese Journal of Slavic Studies / Институт русского языка Пекинского университета иностранных языков. Пекин, 2023. Т. 3. № 2. С. 211–228. DOI: 10.1515/cjss-2023-0016

Хомчак Е.Г., Волкова И.В. Художественный мир Н.В. Гоголя сквозь призму поэтики сновидений // Русская литература в меняющемся мире 2022: сб. материалов международной научной конференции (Ереван, 10–11 ноября 2022 г.) / Российско-Армянский университет; отв. ред. Л.С. Меликсктян, А.А. Татевосян. Ереван, 2023. С. 418–428.

Хохрякова С. Башмачкин стал червячком и съел шинель. Москва показала два кукольных спектакля по Гоголю // Московский комсомолец. М., 2023. 3 апреля. № 58(29.002). С. 7.

[На фестивале «Золотая маска» представили два кукольных спектакля из Петрозаводска и Екатеринбурга по произведениям Гоголя в постановке режиссера из Белоруссии Игоря Казакова. Зрители становятся свидетелями появления на свет Башмачкина, его ухода в мир иной и вместе с Городничим дивятся на крыс и клопов.]

Чэн Ч. История переводов произведений Н.В. Гоголя в Китае: к постановке проблемы // Филоloos / Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елецк, 2023. №2(57). С. 95–99. DOI: 10.24888/2079-2638-2023-57-2-95-99

[Краткий очерк истории переводов произведений Гоголя на китайский язык в контексте китайской переводческой традиции.]

Чэнь Чэнь. История переводов произведений Н.В. Гоголя в Китае: к постановке проблемы // Казанская наука. Казань, 2023. №4. С. 15–18.

Шаяхметов Р.А. Образ гномов в малороссийских повестях Н.В. Гоголя // Говор: альманах. СПб., 2023. №5. С. 595–598.
DOI: 10.48612/govor/t5g2-9rzv-xh7p

Шолохова А.С. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в английском пространстве // Литературный факт: научный журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М.: ИМЛИ РАН, М., 2023. №4(30). С. 238–252.
https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-238-252

Щукин В.Г. Как сделано «Заколдованное место» Н.В. Гоголя //Литературный факт: научный журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М.: ИМЛИ РАН, М., 2023. №1(27). С. 157–172.
https://doi. org/10.22455/2541-8297-2023-27-157-172

Щуков Д.А. Балладная модель В.А. Жуковского в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Язык. Общество. Образование: сб. научных трудов IV международной научно-практической конференции памяти Н.А. Качалова (Томск, 15–17 ноября 2023 г.) / Национальный исследовательский Томский политехнический ун-т; отв. ред. В Кобенко. Томск, 2023. С. 267–272.

[Гоголь в своем раннем творчестве («Ганц Кюхельгартен», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») нередко отсылает читателя к балладам В.А. Жуковского. Повесть Вий» стоит признать самой «балладной». В ней обнаруживаются важнейшие элементы баллад поэта.]

Щуков Д.А. Влияние творчества В.А. Жуковского на концепцию повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Филология и человек / Горно-Алтайский гос. ун-т, Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2023. №1. С. 129–137. DOI: 10.14258/filichel(2023)1-09

[На материале драматической поэмы В.А. Жуковского «Орлеанская дева».]

Яровой С.А. Синтез искусств в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Litera. М., 2023. №7. С. 15–26.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.7.43469

[Анализируются взгляды Гоголя на проблему взаимодействия живописи, архитектуры, музыки и литературы. Основная цель статьи – проследить эстетические искания писателя, выраженные в его статьях об искусстве, вошедших в сборник «Арабески», выявить примеры использования художественных приемов «нового» синтетического искусства в произведениях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки».]

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,	Vladimir A. Voropaev,
докт. филол. наук	Doctor of Philology
профессор	Professor
филологический факультет	Philological Faculty
МГУ имени М.В. Ломоносова	Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-132-149

М.М. Громова (Москва, Россия)

Миядзава Кэндзи. Библиография публикаций на русском языке. Часть 1

M.M. Gromova (Moscow, Russia)

Miyazawa Kenji. Bibliography of Publications in Russian. Part 1

В 2024 г. исполняется сто лет с момента выхода двух единственных прижизненных сборников великого японского писателя Миядзава Кэндзи (1896–1933). Этот всенародно любимый в Японии поэт, сказочник, философ, чье собрание сочинений составляет восемнадцать томов, до недавних пор был практически не известен русскоязычным читателям и до начала Перестройки не упоминался в публикациях советских японистов. Вероятно, причиной тому самобытность и обособленность литературного наследия Миядзава, стоявшего в стороне от литературных кружков и направлений, а также мистически-религиозная специфика его сказок и отсутствие в них привычного конфликта «хорошего» с «плохим».

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ МИЯДЗАВА, ИССЛЕДОВАНИЯ

Первыми из советских читателей о нем узнали дети. В 1968 г. одна из наиболее известных и часто экранизируемых на родине сказок Миядзава – «Ресторан, где много заказов» – была напечатана в переводе М. Певзнера в июльском номере центрального детского журнала «Костер», выпущенном тиражом 324 тыс. экз. В краткой заметке, предваряющей публикацию, Миядзава был представлен русскоязычным читателям исключительно как автор детских сказок, а в самой сказке подчеркнута сатирическая составляющая: «Миядзава Кэндзи – один из наиболее любимых писателей японской детворы. В Японии есть даже куклы “Кэндзи кокэси”. Произведения Миядзава Кэндзи вошли в фонд японской классики. Особенно популярен сборник сказок “Тюмон-но-ои-рёритэн”, то есть “Ресторан, где много заказов”, так это звучит по-русски. Название сборнику дала сказка о двух глупых жадных господах. Автор смеется над ними, но ирония его ненавязчива, приглушена. В этой сказке, как и во всем творчестве Миядзава Кэндзи, очень своеобразно переплетение реального и волшебного. Спокойный будничный рассказ о заблудившихся охотниках незаметно переходит в фантастический план»[1].

[1] [Автор не указан]. Миядзава Кэндзи – один из наиболее любимых писателей японской детворы… // Костер. 1968. № 7. С. 51.

Восемь лет спустя уже взрослые читатели смогли узнать из статьи профессора университета Васэда Торигоэ Син в журнале «Детская литература», что «имя Миядзава Кэндзи… для любого японца – грамотного и неграмотного – это целый мир. Мир “Кэндзи” своеобразный и неповторимый. Миядзава Кэндзи горячо любим не только детьми, но и взрослыми. В детстве читают его сказки, становясь старше, перечитывают снова, знакомятся с его стихами. Миядзава Кэндзи – писатель, философ, ученый»[1]. Еще через десять лет специалист по творчеству писателя и член IBBY Кониси Масаясу очерком жизни и сказочной прозы Миядзава открыл обзор японской детской литературы XX в.[2] в том же журнале.

Практически сразу появляется первое упоминание о поэзии Миядзава – правда, мельком и снисходительно. В статье японист А. Долина читаем: «Позже Снайдер занялся переводами японской поэзии Нового времени, в частности, лирики Миядзава Кэндзи, популярного писателя первой половины XX в. – чудаковатого эксцентрика и приверженца буддийской философии»[3]. Через два года Долин посвящает творческой биографии и поэзии Миядзава объемную статью[4], выдержанную в куда более уважительном тоне и позже вошедшую в его «Историю новой японской поэзии» (2007).

Публикации российских ученых о Миядзава в научных изданиях возобновляются только в 2004 г. Г. Ронская предваряет подборку своих переводов сказочной прозы Миядзава в малотиражном журнале «Знакомьтесь – Япония» биографической справкой о писателе и краткой характеристикой значения его творчества для японцев[5].

За этой заметкой последовали научные статьи о поэтике и философии писателя[6], о теме Сахалина в его творчестве[7], о специфике конфликта в его сказках[8] и т. д. Творчество Миядзава прочно входит в круг тем исследований отечественных японистов.

ПОЭЗИЯ

«Взрослая» поэзия Миядзава Кэндзи появляется на русском языке в 1988 г. в научном издании. В монографии Ю. Берндта «Лики Японии», вышедшей тиражом 40 тыс. экз., в подстрочном переводе приводится «программное» стихотворение Миядзава *Амэ ни мо макэдзу* / «Устоять перед дождем» (1931) [Берндт 1988: 26–27]. В дальнейшем стихотворения Миядзава продолжают появляться в научных изданиях.

---

[1] *Торигоэ Син*. Первые полвека // Детская литература. 1976. № 6. С. 28–30.

[2] *Кониси Масаясу*. Летит Красная птица. Заметки о детской литературе Японии / Пер. с яп. Н. Старосельской // Детская литература. 1986. № 8. С. 2–8.

[3] *Долин А.* Японская поэзия на Западе: перевод – стилизация – адаптация // Взаимодействие культур Востока и Запада. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. С. 89–126.

[4] *Долин А.* Миядзава Кэндзи // Долин А. Новая японская поэзия. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 158–172.

[5] *Ронская Г.* [Предисловие] // Знакомьтесь – Япония. 2004. № 37. С. 117.

[6] *Ожогин В.И., Ожогина А.В.* Поэтика и философия Миядзава Кэндзи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2005. Т. 4. № 3. С. 102–111.

[7] *Иконникова Е.А.* Образ Сахалина и Курильских островов в творческом наследии японских писателей XX века (материалы к занятиям по литературному краеведению) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2008. № 7. С. 95–101 и др.

[8] *Аюпова М.Д.* Специфика конфликта в сказках Кэндзи Миядзавы // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Сб. статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых. Ч. 2 / Под общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, Л.А. Запевалова, А.А. Ширшикова. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2013. С. 201–203.

В 1990 г. А. Долин перевел для своей статьи о Миядзава несколько фрагментов его стихотворений [Миядзава 1990], а в 1991 г. включил в сборник классической японской поэзии конца XIX – первой пол. XX в. двадцать одно стихотворение из единственного прижизненного поэтического сборника Миядзава «Весна и Асура» (1924) [Миядзава 1991]. С тех пор эта подборка без изменений перепечатывалась в сборниках японской поэзии, составленных Долиным, не менее одиннадцати раз.

Стихотворением «Устоять перед дождем» открываются сборник «Звезда Козодоя» (2009) в переводе Е. Рябовой и его дополненное переиздание «Ночь в поезде на Серебряной реке» (2019).

В 2016 г. к поэзии Миядзава обращается А. Щетников (р. 1960) – новосибирский поэт, переводчик, педагог, издатель, физик, историк науки. Напечатав семнадцать стихотворений Миядзава в переведенном с английского сборнике Гэри Снайдера «На задворках / The Back Country», на протяжении последующих семи лет Щетников публикует в интернете многочисленные новые переводы, встречающие живой отклик читателей. В настоящее время он находится в поиске издателя для сборника своих переводов поэзии Миядзава.

В 2018 г. девять стихотворений Миядзава включены в малотиражный авторский сборник Н. Кондратьева «Сердце химика»; еще шесть переводов Н. Кондратьева опубликованы в интернете в течение года после публикации сборника.

К поэзии Миядзава обращаются японисты (Е. Рябова, А. Долин, А. Семида и др.), переводчики с английского и энтузиасты (А. Щетников, Н. Кондратьев, Т. Александров, Тэппей Минато и др.). Переводы существуют не только в интернете, но и в печатном виде. В наибольшем количестве переводов бытует на русском языке стихотворение *Амэ ни мо макэдзу* («Устоять перед дождем», «Дождю не уступать», «Дождю – не сдамся», «Не уступая дождю» и т. д.); также переводчики часто обращаются к сборнику «Весна и Асура» (1924) и «Песне Звездного пути» (*Хоси мэгури но ута*) из повести «Ночь на Галактической железной дороге / Ночь в поезде на Серебряной реке».

СКАЗКИ

Как уже было сказано, первой публикацией прозы Миядзава на русском языке стала сказка «Ресторан, где много заказов» [Миядзава 1968]. Вторая и последняя русскоязычная публикация сказочной прозы Миядзава в СССР – сказка «Олений танец» в переводе Г. Ронской – вышла только в 1989 г. в сборнике произведений писателей Азии и Африки «Спроси свою мечту» [Миядзава 1989]. Тираж сборника составил 100 тыс. экз., а сказка по ошибке затерялась в разделе «Африка». По словам преподавателя кафедры японской филологии ИСАА В.П. Мазурика, Г. Ронская, переводившая японскую детскую прозу, взялась за сказки Миядзава по совету переводчицы-японистки В.Н. Марковой (1917–1995). С готовыми переводами сказок Миядзава она обращалась в различные издательства, но всюду получала отказ из-за «недетской» темы смерти[1]. Четыре переведенные ею сказки были опубликованы в малотиражном научном журнале «Знакомьтесь – Япония» лишь в 2004 г. [Миядзава 2004: 118–128] и широкой читательской аудитории не известны.

Настоящая волна русскоязычных переводов сказочной прозы Миядзава Кэндзи хлынула в 2008 г.

В апреле 2008 г. японистка Fabienne a.k.a. Mashkamashka опубликовала в Живом Журнале свой перевод сказки «Горная груша».

[1] Из личной переписки (2023).

В феврале-марте 2009 г. японистка Анна Козлова разместила в Живом Журнале и в блоге на платформе Wordpress свои переводы трех сказок Миядзава – «Сон-трава», «Радуга и дикий виноград» и «Молодой Лесной Дух» (известный в переводе Е. Рябовой как «Апрель горного лешего»). Также она подготовила переводы сказок «Плоды гинкго», «Дикая груша», «Сеть Индры», «Магия тюльпанов» и «Кипарис и красные маки», однако они остались неопубликованными. В случае затруднений переводчица просила совета у своей первой преподавательницы японского языка – Т.Л. Соколовой-Делюсиной[1].

Весной 2009 г. тиражом 4000 экз. вышел сборник сказочной прозы Миядзава Кэндзи «Звезда Козодоя», включающий тридцать сказок, в том числе повесть «Ночь в поезде на Серебряной реке», в переводе японистки Екатерины Рябовой. Годом позже в переводе Оксаны Штык тиражом 3000 экз. вышел сборник Миядзава «Недетские сказки Японии». В 2012 г. отдельным изданием в переводе О. Штык опубликована сказка Миядзава «Бриллиант десяти сил», проиллюстрированная жостовскими подносами заслуженного художника России М.Е. Домниковой. Тираж книги составил 3000 экз.

В 2013 г. выпускник МГСУ Илья Симаков (1991–2020), публиковавший в Живом Журнале свои переводы сказок классиков японской детской литературы Огава Мимэй, Ниими Нанкити и Ёсано Акико, сообщил о работе над переводом повести «Ночь на галактической железной дороге» (вероятно, не зная о существовании перевода Е. Рябовой). Этот перевод опубликован не был.

За десять лет сборник «Звезда Козодоя» стал библиографической редкостью. В 2019 г. он прошел переводческую редактуру, был дополнен тремя сказками и переиздан тиражом 3000 экз. под названием «Ночь в поезде на Серебряной реке» с иллюстрациями Дарьи Гюрсой.

В 2020 г. рассказ Миядзава «Ива-птицеед» в переводе Е. Рябовой вошел в сборник «Красная птица. Детская литература Японии» (тираж 1000 экз., 2-е изд.: 2023), а в 2021 г. сказки Миядзава «Бригадир Кайро» и «Три выпускника школы пещерного медведя» в переводе Е. Рябовой вошли в издание манги Масумура Хироси.

Сказки Миядзава входят и в хрестоматии для изучающих японский язык. Так, сказка «Сигнал и Сигналочка» в подстрочном переводе М. Прохоровой вошла в сборник «Лучшие истории о любви» (2018, переиздание «Самые лучшие японские истории о любви» – 2022).

Наконец, в 2019–2020 гг. в небольшой литературной группе «Нихон бунгаку» на платформе Дзен была опубликована сказка «Мех ледниковой мыши» в переводе японистки, выпускницы СПбГУ Надежды Корнетовой.

На фоне многочисленных интернет-публикаций поэзии Миядзава на русском языке особенно заметно, что его сказки в рунете публикуются редко. Все публикации сказок Миядзава после распада СССР объединяет (и отличает от публикаций советской эпохи) то, что они рассчитаны на взрослого читателя, а печатные их версии – стремление издателей подобрать необычные, уникальные авторские иллюстрации, дополняющие своеобразие стиля писателя.

[1] Из личной переписки (2023).

МАНГА

Произведения Миядзава Кэндзи пришли к российским читателям и в виде манга-адаптаций. Это манга Масумура Хироси в переводе Е. Рябовой, вышедшая в брянском издательстве Alt Graph.

В 2020 г. на русском языке была опубликована манга «Ночь на Галактической железной дороге» (именно эта манга легла в основу одноименного анимационного фильма Сугии Гисабуро, который открыл сказочную прозу Миядзава русскоязычной аудитории). В издание вошли манга-адаптации финальной и ранней редакций повести («Профессор Вулканило»), заметки мангаки («Кто ждет на платформе Галактической железной дороги»), а также статья Амадзава Тайдзиро «Сила, рожденная непреодолимой сложностью», посвященная манга-адаптациям Масумура Хироси, и заметки о творчестве Миядзава.

В 2021 г. был опубликован сборник «Бригадир Кайро», в который вошли две сказки Миядзава Кэндзи («Бригадир Кайро» и «Три выпускника школы пещерного медведя») и манга-адаптации Масумура Хироси.

Русскоязычные издания манги по мотивам сказок Миядзава содержат дополнительные материалы отнюдь не развлекательного характера, что адресует их прежде всего взрослым читателям. Тем не менее в Центре манги и комиксов (Санкт-Петербург) к манге по мотивам сказок Миядзава обращаются читатели всех возрастов, начиная с 12 лет[1].

Сказочная проза Миядзава, доступная русскоязычным читателям с 2009 г., уже обрела преданную аудиторию. Значительная ее часть знакомится со сказками Миядзава по аниме-экранизациям, манга-адаптациям или видеоиграм (а также посредством многочисленных анимационных фильмов и сериалов, содержащих аллюзии на творчество писателя или песни на его стихи) и затем обращается к литературному первоисточнику. Популярности Миядзава Кэндзи среди русскоязычной молодежи способствует также аниме-сериал «Бродячие псы литературы / *Bungou Stray Dogs*» (2016–.), где есть одноименный персонаж, и манга-первоисточник Асагири Кафка и Харукава Санго, издающаяся на русском языке с 2021 г.

Сообщество «Кэндзи Миядзава» в социальной сети ВКонтакте, существующее с 2012 г., объединяет русскоязычных любителей поэзии и сказочной прозы Миядзава и сейчас насчитывает почти полторы тысячи человек.

СУБТИТРЫ К АНИМЕ-ЭКРАНИЗАЦИЯМ СКАЗОК

Необходимо упомянуть также о многочисленных анимационных экранизациях сказок Миядзава Кэндзи, переводы которых на русский язык (выполненные, как правило, любителями-энтузиастами) не включены в настоящую библиографию.

В 2003 г. М. Емельянов создал русскоязычные субтитры к биографическому анимационному фильму «Весна Кэндзи / Ихатов Гэнсо: Кэндзи но хару» (1996, реж. Кавамори Сёдзи). Перевод был выполнен частично на основе английских субтитров, частично с японского на слух; стихотворные цитаты полностью переведены со слуха по причине сильнейших искажений текста в английских субтитрах. Первый зрительский отзыв на это аниме появился на русскоязычном сайте World Art в 2006 г. Такая пауза между появлением субтитров и откликом зрителей неудивительна, если учесть, какой редкостью в те годы было хорошее интернет-соединение, достаточное, чтобы загрузить полнометражный фильм, как

[1] Из личной переписки с куратором Центра манги и комиксов Ю.Б. Тарасюк (2023).

трудно было найти нужное аниме и насколько малоизвестен был писатель среди русскоговорящих поклонников аниме.

В ноябре 2003 г. Константин Трубин (Takuto) перевел с английского субтитры к полнометражной аниме-экранизации сказки «Виолончелист Гош» (1982, реж. Такахата Исао). Первые зрительские отзывы на World Art появляются в 2007 г.

В 2008 г. известный челябинский фотограф и краевед Евгений Клавдиенко перевел с английского аниме «Ночь на Галактической железной дороге» (1985, реж. Сугии Гисабуро). Первый русскоязычный зрительский отзыв на экранизацию на сайте World Art появился на два года раньше, в апреле 2006 г., т. е. почти одновременно с «Весной Кэндзи». Интересно, что автор отзыва указал, откуда узнал об экранизации (вероятно, всё же о литературном первоисточнике), – из аниме-сериала «Небо с восходящим полумесяцем», который выходил в феврале того же 2006 г.

Интерес поклонников аниме к сказкам Миядзава, в первой половине 2000-х гг. практически отсутствовавший[1], вспыхивает в 2007 г.

В ноябре 2007 г. в онлайн-журнале *Anime magazine* опубликован обзор аниме-экранизации повести «Ночь на Галактической железной дороге» (1985). В декабре того же года в блогах Живого Журнала появляется первое упоминание «Весны Кэндзи», с 2008 г. – аниме «Ночь на Галактической железной дороге».

В июне 2008 г. в журнале «АнимеГид» появилась подробная статья А. Хачатурянца о жизни и творчестве Миядзава Кэндзи[2]. В частности, были упомянуты его известнейшие стихотворения и повесть «Ночь на Галактической железной дороге»; была пересказана знаменитая притча о скорпионе. Сообщалось о манга-адаптациях Масумура Хироси, в то время у нас неизвестных, и об аниме-экранизации «Ночи…» (1985). В статье подробно рассказывалось о биографическом анимационном фильме «Весна Кэндзи» и была анонсирована аниме-экранизация рассказа «Жизнь Гуско Будори» (2012, реж. Сугии Гисабуро). Были названы как относительно известные аниме-адаптации («Виолончелист Гош» 1982 г.), так и практически недоступные в то время: «Виолончелист Гош» (1949, реж. Моринаги Кэндзиро), черно-белая антология «Три истории» (1960), «Ночь на Танэямагахаре» (2006, реж. Ога Кадзуо), анимационный телефильм «Ресторан с большим выбором блюд» (1993).

Русскоязычные субтитры к экранизациям Миядзава продолжают появляться. Если в середине 2000-х они создавались с опорой на английские субтитры, то в последние годы основой для них служит имеющийся перевод сказки-первоисточника. Так, русские субтитры lukorepka к экранизации сказки «Звезда козодоя» (2013, реж. Като Рю), созданные в 2018 г., опираются на перевод Е. Рябовой, а любительские русские субтитры (2013) к полнометражному фильму «Жизнь Гуско Будори» (2012) существуют в двух версиях: со стихотворением *Амэ ни мо макэдзу* в переводе Е. Рябовой и в переводе автора субтитров General Tab.

МЕРОПРИЯТИЯ

С 2013 г. в крупных городах России всё чаще проходят мероприятия, посвященные поэзии и сказкам Миядзава: публичные лекции, выставки иллюстраций, чтения с обсуждением и т. д.

[1] Характерно, что в каталоге аниме на сайте Бориса Иванова «Аниме и манга в России» (http://www.animemanga.ru/Catalog/index.shtml), созданном до 2004 г., не упомянута ни одна экранизация сказок Миядзава.

[2] *Хачатурянц А.* Демон и звезда Кэндзи Миядзавы // АнимеГид. 2008. Июнь. № 28. С. 32–39.

С 2015 г. ежегодный фестиваль «Японская осень в Санкт-Петербурге» включает мероприятия, посвященные творчеству Миядзава Кэндзи. Так, регулярно декламируют по-японски стихотворение *Амэ ни мо макэдзу* участники ежегодного концерта «Японская мозаика», организованного Студией японского языка и культуры «Япония от あ до Я» (2015, 2019, 2020, 2021).

5 октября 2016 г. в рамках фестиваля в петербургском Планетарии состоялась музыкально-художественная программа «Путешествие по Млечному Пути» – музыкальное представление по мотивам повести «Ночь на Галактической железной дороге». В звездном зале Планетария прозвучала музыкальная сюита Таруми Кадзунори, выпускника Санкт-Петербургской консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова, в сопровождении отрывков из повести и видеопредставления на куполе.

15 сентября 2023 г. на фестивале «Книжная Сибирь» в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН А. Щетников прочел свои переводы стихотворений Миядзава Кэндзи из книги Гэри Снайдера «The Back Country» (1968), и рассказал историю знакомства Снайдера с поэзией Миядзава.

Популяризацией творческого наследия Миядзава Кэндзи занимаются переводчицы его сказок Екатерина Рябова и Оксана Штык.

18 апреля 2015 г. Е. Рябова рассказала о сказках Миядзава Кэндзи на открытой лекции «Японские истории о чудесах» в Восточном институте (СПб.).

23 ноября 2019 г. в Центральной публичной библиотеке имени В.В. Маяковского (СПб.) прошел литературный праздник «Мир Кэндзи Миядзава: театр, стихи, иллюстрации», приуроченный к выходу сборника «Ночь в поезде на Серебряной реке» в переводе Е. Рябовой. Помимо художественной декламации поэзии Миядзава в исполнении студентов-японистов СПбГУ, праздник включал выставку иллюстраций Дарьи Гюрсой к сборнику, представление учащихся ЧОУ «Школа Вундеркинд» по мотивам «Ночи…» и лекцию Е. Рябовой о творчестве писателя.

С 20 по 26 января 2020 г. выставка иллюстраций Дарьи Гюрсой к сборнику «Ночь в поезде на Серебряной реке» проходила в петербургском магазине восточной литературы «Желтый двор».

15 января 2020 г. Е. Рябова прочла лекцию «Великие сказочники Японии: Кэндзи Миядзава и Нанкити Ниими» в Библиотеке-культурном центре имени М.А. Волошина (Москва), а 11 мая 2022 г. выступила с этой лекцией в Детской библиотеке иностранной литературы имени М.Д. Яснова (Санкт-Петербург).

С 11 октября по 10 ноября 2013 г. Оксана Штык с коллективом единомышленников при поддержке Японского Фонда и художника Кобаяси Тоун провели в Мытищинской галерее искусств выставку «Бриллиант десяти сил», посвященную сближению японской и русской культур. На выставке были представлены гравюры и живопись японских мастеров и жостовские подносы Марины Домниковой, звучали тексты сказок Миядзава, проводились мастер-классы по суми-э, каллиграфии, икэбане, оригами, а Кобаяси Тоун создавал живопись суми-э под чтение его сказки.

В 2016 г. О. Штык организовала выставку «Диалог двух культур» в подмосковной Коломне. Звучали сказки Миядзава, ставились икэбана-импровизации к его произведениям.

Знакомство с поэзией и сказками Миядзава порождает чувство сопричастности, желание творческого соучастия. При чтении его произведений нет ощущения непреодолимого барьера инаковости, как зачастую бывает у русскоязычных чита-

телей японской литературы. Подтверждением этого является то, что свой путь к сказкам Миядзава всё чаще находят люди творческих профессий.

Так, зимой 2023 г. студентка кафедры станковой и книжной графики Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академия имени А.Л. Штиглица Полина Чушова создала иллюстрации к «Ночи» в качестве семестрового задания по композиции.

В марте-апреле 2023 г. в арт-пространстве PURBA place (Москва) состоялся первый показ перформанса Анастасии Щербаковой и Дмитрия Калинина «Весна и Асура», вдохновленного одноименным стихотворением Миядзава Кэндзи.

В сентябре 2023 г. в юбилейном десятом театральном сезоне театра «Скарабей» (Челябинск) состоялась премьера песочного спектакля «Ночь в поезде на Звездной реке», а 13 ноября того же года спектакль был показан в первый день фестиваля культур Востока «Японские сезоны 2023» в Челябинске.

8 октября 2023 г. в Центральной детской библиотеке Сургута участники встречи интеллектуально-дискуссионного клуба «Неформат» и клуба любителей чтения «Чайный домик» читали и обсуждали сказку Миядзава «Кошачье бюро».

11 апреля 2024 г. в галерее-мастерской современного искусства «ГРАУНД Солянка» (Москва) состоялась премьера первой части оперы Петра Бойкова «Бриллиант десяти сил» по одноименной сказке Миядзава.

Библиография состоит из двух частей. Первая охватывает публикации произведений Миядзава Кэндзи на русском языке, вторая – статьи, заметки и упоминания о нем в русскоязычной печати и в сети интернет. Художественные публикации, предназначенные для взрослых читателей, отмечены астериском.

1968

Миядзава К. Ресторан, где много заказов. Сказка / Пер. с яп. М. Певзнера; худож. К. Савкевич // Костер. 1968. № 7. С. 51–54.

1988

**Миядзава К.* «Перед дождем и…» [Подстрочный пер.] // Берндт Ю. Лики Японии / Пер. с нем. Л. Шохиной; предисл. С. Арутюнова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 26–27. (Рассказы о странах Востока.)

1989

Миядзава Кэнзи. Олений танец / Пер. с яп. Г. Ронской // Спроси свою мечту. Повести, рассказы, стихи и сказки писателей Азии и Африки / Сост. М.Л. Вольпе; худож. Т. Нариманбеков. М.: Детская литература, 1989. С. 113–120.

1990

**Миядзава К.* Сосновые иглы. Предисловие. Весна и Асура. Лепестки кармы [Фрагмент]. Облачный сигнал [Фрагмент]. Доклад. Сочинение № 1008 [Фрагмент]. Лошадь. Хозяин поля [Фрагмент]. Гравюры Укиё-э [Фрагмент]. Пляски с мечами в Харатаи [Фрагмент]. Не сдамся дождю [Фрагмент] / Пер. с яп. А. Долина // Долин А. Новая японская поэзия. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 161, 163, 164–165, 166, 167, 168, 169, 170–171.

1991

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э // Лунные блики: Классическая японская поэзия конца XIX – первой половины XX в. / Пер. А. Долина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1991. С. 273–294.

2004

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Японская поэзия Серебряного века. Танка, хайку, киндайси / Сост. А. Долин. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 348–367.

**Миядзава К.* Избранные сказки. Праздничный вечер. Горный кот и желуди. Волчья роща, роща-Корзина, роща-Темный склон, роща-Грабитель. Олений танец / Пер. с яп. Г. Ронской // Знакомьтесь – Япония. 2004. № 37. С. 118–128.

2005

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Японская поэзия Серебряного века. Танка, хайку, киндайси / Сост. А. Долин. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 348–367.

2007

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Гравюры Укиё-э. Девять цветов тишины / Пер. Т. Александрова (05.07.2007): https://stihi.ru/2007/05/07-1346 (дата обращения: 27.07.2023).

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Гравюры Укиё-э. Необратимость / Пер. Т. Александрова (05.07.2007): https://stihi.ru/2007/05/07-1352 (дата обращения: 27.07.2023).

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Гравюры Укиё-э. Условность / Пер. Т. Александрова (05.07.2007): https://stihi.ru/2007/05/07-1339 (дата обращения: 27.07.2023).

**Миядзава К.* Сосновые иглы. Предисловие. Весна и Асура. Лепестки кармы [Фрагмент]. Облачный сигнал [Фрагмент]. Доклад. Сочинение № 1008 [Фрагмент]. Лошадь. Мастер поля [Фрагмент]. Гравюры Укиё-э [Фрагмент]. Пляски с мечами в Харатаи [Фрагмент]. Не сдамся дождю [Фрагмент] / Пер. с яп. А. Долина // Долин А. История новой японской поэзии: в очерках и литературных портретах: В 4 т. Т. 2: Революция поэтики. СПб.: Гиперион, 2007. С. 177–191.

2008

**Миядзава* К. Горная груша / Пер. с яп. Fabienne a.k.a. Mashkamashka (15.04.2008): https://mashkamashka.livejournal.com/21028.html (дата обращения: 23.08.2023).

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Японская поэзия Серебряного века. Танка, хайку, киндайси / Сост. А. Долин. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 348–367.

2009

*Миядзава К. Звезда Козодоя / Пер. с яп. и предисл. Е. Рябовой. СПб.: Гиперион, 2009. 376 с. (Terra Nipponica.)

Содержание: Устоять перед дождем (стихотворение). Предисловие (эссе). Ресторан «У Дикого Кота». Желуди и Горный Кот. Волчий лес, Лес бамбуковой корзины и Воровской лес. Воронья Большая Медведица. Четвертый день месяца нарциссов. Апрель горного лешего. Ночь в дубовом лесу. Лунная ночь и телеграфные столбы. Откуда пошли оленьи танцы. Прогулки по снегу. Дзасики-бокко. Обезьяний гриб. Добродушная вулканическая бомба. Босоногие во свете. Начальная школа Барауми. Трава старика. Бог земли и Лис. Ночевки учителя Нараноки под открытым небом. Медведи с горы Намэтоко. Роща Кэндзю. Вечер праздника. Жизнеописание Гуско Будори. Матасабуро-ветер. Звёзды-близнецы. Звезда Козодоя. Отбэл и слон. Кошачье бюро. Генерал – защитник северных границ и три брата-врача. Ночь в поезде на Серебряной реке. Госю-виолончелист.

**Миядзава К.* Молодой Лесной Дух / [Пер. с яп. А. Козловой.] (04.03.2009): https://tokyo-exchange.livejournal.com/15810.html (дата обращения: 23.08.2023).

**Миядзава К.* Молодой Лесной Дух / [Пер. с яп. А. Козловой.] (04.03.2009): https://tsuyunoyo.wordpress.com/2009/03/04/молодой-лесной-дух (дата обращения: 23.08.2023).

**Миядзава К.* Радуга и дикий виноград / [Пер. с яп. А. Козловой.] (25.02.2009): https://tokyo-exchange.livejournal.com/15440.html (дата обращения: 23.08.2023).

**Миядзава К.* Радуга и дикий виноград / [Пер. с яп. А. Козловой.] (25.02.2009): https://tsuyunoyo.wordpress.com/2009/02/25/радуга-и-дикий-виноград (дата обращения: 23.08.2023).

**Миядзава К.* Сон-трава / [Пер. с яп. А. Козловой.] (19.02.2009): https://tokyo-exchange.livejournal.com/15038.html (дата обращения: 23.08.2023).

**Миядзава К.* Сон-трава / [Пер. с яп. А. Козловой.] (19.02.2009): https://tsuyunoyo.wordpress.com/2009/02/19/сон-трава (дата обращения: 23.08.2023).

2010

Миядзава К. Недетские сказки Японии / Пер. и предисл. О. Штык; худож. Е. Духовская, И. Татибадзе, Е. Лапинская, Л. Гончарова-Коняева. М.: Мир Детства Медиа, 2010. 80 с.

Содержание: В чаще. Красноголовый журавль и хризантемы. Плоды дерева гинкго. Учитель Птичья Клетка и мышонок Фу.

2012

Миядзава К. Бриллиант десяти сил / Пер. О. Штык; худож. М. Домникова. М.: Мир Детства Медиа, 2012. 36 с.

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Японская поэзия Серебряного века. Танка, хайку, киндайси. В переводах Александра Долина / Сост. А.А. Долин. СПб.: Азбука, 2012. С. 348–367.

**Миядзава К.* Не уступая дождю / Пер. с яп. (05.10.2012): https://riani007.livejournal.com/188031.html (дата обращения: 27.07.2023).

2013

**Миядзава К.* Дитя диких гусей / Пер. с англ. Настасьи Ве-Ре-Сень (27.10.2013): https://proza.ru/2013/10/27/482 (дата обращения: 20.11.2023).

**Миядзава К.* Дракон и поэт / Пер. с англ. Настасьи Ве-Ре-Сень (27.10.2013): https://proza.ru/2013/10/27/491 (дата обращения: 20.11.2023).

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Японская классическая поэзия Нового времени. Конец XIX – первая половина XX в. В переводах Александра Долина / Сост. А.А. Долин. М.: Издательский центр РГГУ, 2013. С. 312–330.

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Железная дорога на Карафуто (отрывок) / Пер. с яп. А.М. Сулейменовой // История и культура Японии. Вып. 6 / Под ред. И.С. Смирнова. М.: Наталис, 2013. С. 402–403.

**Миядзава К.* Песня о звездном хороводе / [Пер. с англ. Н. Вересень] (13.12.2013): https://stihi.ru/2013/12/13/6927 (дата обращения: 31.10.2023).

**Миядзава К.* Утро прощания / [Пер. с яп. В. Онищенко] (15.02.2013): https://narihira.livejournal.com/142308.html (дата обращения: 26.08.2023).

2014

**Миядзава К.* Девушка / Пер. Мисаки Ао (20.03.2014): https://proza.ru/2014/03/20/1459 (дата обращения: 20.11.2023).

**Миядзава К.* Дикая груша / Пер. Мисаки Ао (23.04.2014): https://proza.ru/2014/04/23/257 (дата обращения: 20.11.2023).

**Миядзава К.* Дикий виноград и Радуга / Пер. Мисаки Ао (18.03.2014): https://proza.ru/2014/03/18/890 (дата обращения: 20.11.2023).

**Миядзава К.* Кот / Пер. Мисаки Ао (19.03.2014): https://proza.ru/2014/03/19/1264 (дата обращения: 20.11.2023).

2015

**Миядзава К.* Край поля / Пер. Мисаки Ао (20.04.2015): https://proza.ru/2015/04/20/301 (дата обращения: 20.11.2023).

2016

**Миядзава К.* Показатель преломления. Снег на Седельной горе. Весна и Асура. Облако-семафор. Пейзаж. Разрыв. Рассвет. Некоторые мысли насчет выбора места для национального парка. Корова. Расплывчатая картина: Весна в горах Китагами. Приказы. Далекая работа. Политики. Луна, дочь небес. Дневной сон на тропе. Высокая опора ЛЭП. Сосновые иглы // Снайдер Г. На задворках = The Back Country / Пер. с англ. А. Щетникова. Новосибирск: Артель «Напрасный труд», 2016. С. 101–115.

**Миядзава К.* Сосновые иглы [Фрагмент] / Пер. с яп. А. Долина. Залив Функа (ноктюрн) [Фрагмент] / Пер. с яп. А. Никоновой // Иконникова Е.А., Никонова А.С. Сахалин и Курильские острова в японской литературе XX–XXI веков: монография. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2016. С. 22, 24.

2018

**Миядзава К.* Дождю не уступать / Пер. с яп. А. Беляева // Беляев А.П. Bungeiron. Взгляд на японское письмо. М.: РГГУ, 2018. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. 67.) С. 314.

**Миядзава К.* Песня звездного пути / Пер. с яп. Тэппей Минато // «星めぐりの歌» / «Песня звездного пути» (21.08.2018): https://vk.com/wall192309545_1772 (дата обращения: 14.01.2021).

**Миядзава К.* Предисловие. Картина. Долина. Впечатление. Кобальтовые горы. Утро вечного прощания. Песня Звездного пути (Из сказки «Ночь в поезде на серебряной реке»). Весна и Асура. Февраль 1929 / Пер. с яп. Н. Кондратьева // Кондратьев Н. Сердце химика. М.: ИД ООО «Роликс», 2018. С. 366–379.

**Миядзава К.* Светлая ночь и рана / Пер. Н. Кондратьева (08.06.2018): https://vk.com/wall-4560308_1149 (дата обращения: 24.02.2022).

**Миядзава К.* Сигнал и Сигналочка [Сказка] // Лучшие истории о любви / Сост., подг. текста, пер., словарь и упражнения М.С. Прохоровой. М.: АСТ, 2018. (Легко читаем по-японски.) С. 70–103.

**Миядзава К.* Холмы Танеямы / Пер. Н. Кондратьева (18.05.2018): https://vk.com/wall-4560308_1138 (дата обращения: 24.02.2022).

**Миядзава К.* Чандра / Пер. Н. Кондратьева (19.07.2018): https://vk.com/wall-4560308_1162 (дата обращения: 24.02.2022).

**Миядзава К.* Четвертый трапецоид / Пер. Н. Кондратьева (30.10.2018): https://vk.com/wall-4560308_1207 (дата обращения: 24.02.2022).

2019

**Миядзава* К. «До сих пор…» / Пер. Н. Кондратьева (23.02.2019): https://vk.com/wall-4560308_1219 (дата обращения: 24.02.2022).

**Миядзава К.* Мех ледниковой мыши (1) / Пер. с яп. Н. Корнетовой (12.11.2019): https://dzen.ru/media/id/5c7692dfedb9e500afc0612c/miiadzava-kendzi-meh-lednikovoi-myshi-1-5dc80df4f5a25e6c5ca728e0 (дата обращения: 27.07.2023).

**Миядзава К.* Ночь в поезде на Серебряной реке / Пер. с яп. и предисл. Е. Рябовой. М.: Истари Комикс, 2019. 496 с. (Золотая классика японской литературы.)

Содержание: Предисловие автора (эссе). Устоять перед дождем (стихотворение). Горная груша. Дракон и поэт. Дикий гусенок. Ресторан со множеством заказов. Желуди и Горный кот. Волчий лес, Лес бамбуковой корзины и Воровской лес. Апрель горного лешего. Воронья Большая Медведица. Четвертый день месяца нарциссов. Ночь в дубовом лесу. Лунная ночь и телеграфные столбы. Откуда пошли оленьи танцы. Прогулки по снегу. Дзасики-бокко. Обезьяний гриб. Добродушная вулканическая бомба. Трава старика. Бог земли и Лис. Ночевки учителя Нараноки под открытым небом. Босоногие во свете. Начальная школа Барауми. Медведи с горы Намэтоко. Роща Кэндзю. Вечер праздника. Жизнеописание Гуско Будори. Матасабуро-ветер. Звезда Козодоя. Звезды-близнецы. Отбэл и слон. Кошачье бюро. Генерал – защитник северных границ и три брата-врача. Госю-виолончелист. Ночь в поезде на Серебряной реке.

**Миядзава К.* Опус 1004 / Пер. Н. Кондратьева (27.01.2019): https://vk.com/wall-4560308_1217 (дата обращения: 24.02.2022).

**Миядзава К.* Песня о небесной круговерти / Пер. с яп. (11.03.2019): https://vk.com/wall45260177_341 (дата обращения: 24.02.2022).

2020

**Масумура Хироси*. Ночь на Галактической железной дороге. По мотивам повести Кэндзи Миядзавы / Пер. с яп. Е. Рябовой. Брянск: Alt Graph, 2020. 324 с.

Содержание: Масумура Хироси. Ночь на Галактической железной дороге. Финальная версия. Ночь на Галактической железной дороге. Ранняя версия («Профессор Вулканило»). Амадзава Тайдзиро. Сила, рожденная непреодолимой сложностью. Масумура Хироси. Кто ждет на платформе Галактической железной дороги.

**Миядзава К.* Вор / Пер. с англ. А. Щетникова (05.12.2020): https://vk.com/wall-83188999_8403 (дата обращения: 11.08.2023).

**Миядзава К*. Дождю – не сдамся / Пер. с яп. А. Семиды (14.05.2020): https://t.me/HaikuDaily/603 (дата обращения: 27.07.2023).

**Миядзава К*. Ива-птицеед / Пер. Е. Рябовой // Красная птица. Детская литература Японии / Сост. Е. Рябова, П. Гуленок. СПб.: Издательство книжного магазина «Желтый двор», 2020. С. 195–201.

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Гроздья глицинии. Поэзия танка, хайку и киндайси японского Серебряного века. В переводах Александра Долина / Сост. А.А. Долин. М.: Издательский центр РГГУ, 2020. С. 382–400.

**Миядзава К.* Мех ледниковой мыши (2) / Пер. с яп. Н. Корнетовой (04.05.2020): https://dzen.ru/media/id/5c7692dfedb9e500afc0612c/miiadzava-kendzi-meh-lednikovoi-myshi-2-5e493bea4ae6635ac2740c5b (дата обращения: 27.07.2023).

**Миядзава К*. Сосновые иглы [Фрагмент] / Пер. с яп. А. Долина. Залив Функа (ноктюрн) [Фрагмент] / Пер. с яп. А. Никоновой // Иконникова Е.А., Никонова А.С. Сахалин и Курильские острова в японской литературе XX–XXI веков: монография. 2-е изд. Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалинская областная типография», 2020. С. 26, 28.

2021

**Масумура Хироси.* Бригадир Кайро. Три выпускника школы пещерного медведя // Масумура Хироси. Бригадир Кайро. По мотивам рассказов Кэндзи Миядзавы / Пер. с яп. Е. Рябовой. Брянск: Alt Graph, 2021. С. 7–194.

**Миядзава К.* Бригадир Кайро. Три выпускника школы пещерного медведя // Масумура Хироси. Бригадир Кайро. По мотивам рассказов Кэндзи Миядзавы / Пер. с яп. Е. Рябовой. Брянск: Alt Graph, 2021. С. 202–221.

**Миядзава К.* Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Клены в осенних горах. Японская поэзия Серебряного века / Сост., пер., ст. и примеч. А. Долин. СПб.: Азбука, Азбука-аттикус, 2021. (Азбука-поэзия.) С. 274–295.

**[*Миядзава К*]. [Кипарис и маки (краткий пересказ)] / [читает Орита Томоми] // Литературные чтения онлайн, май. Миядзава Кэндзи «Кипарис и маки» (12.05.2021): https://youtu.be/Hmv7P78HDRo (дата обращения: 14.08.2023).

**Миядзава К.* Сахалин и август / Пер. А. Никоновой // Сахалинское образование XXI век. 2021. № 2. С. 97–99.

2022

**Миядзава К.* Белые птицы / Пер. с англ. А. Щетникова (13.11.2022): https://vk.com/wall-83188999_9675 (дата обращения: 11.08.2023).

**Миядзава К.* Весна («Воздух тает…») / Пер. с англ. А. Щетникова (05.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9630 (дата обращения: 11.08.2023).

**Миядзава К.* Весна («Поскольку это ее забота…») / Пер. с англ. А. Щетникова (05.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9627 (дата обращения: 11.08.2023).

**Миядзава К.* Ветер и обиды / Пер. с англ. А. Щетникова (05.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9631 (дата обращения: 11.08.2023).

**Миядзава К.* Ветерок приходит, наполняя долину / Пер. с англ. А. Щетникова (13.11.2022): https://vk.com/wall-83188999_9678 (дата обращения: 11.08.2023).

**Миядзава К.* Ворон / Пер. с англ. А. Щетникова (30.09.2022): https://vk.com/wall-83188999_9597 (дата обращения: 11.08.2023).

**Миядзава К.* Двоякий спор о весенней туче / Пер. с англ. А. Щетникова (05.11.2022): https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=pfbid0C5v3UZgRcBsdc2NLHY9p6GKk7PoagSabqm6taE2p26kdGqsJRTEdWLrBZThzyNYJl&id=100001763081522 (дата обращения: 04.09.2023)[1].

**Миядзава К.* «Еще несколько раз…» / Пер. с англ. А. Щетникова (29.12.2022): https://vk.com/wall-83188999_9758 (дата обращения: 11.08.2023).

[1] Meta по решению суда признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории РФ запрещена, включая соцсеть Facebook.

Миядзава К. Засуха и дзадзен / Пер. с англ. А. Щетникова (14.11.2022): https://vk.com/wall-83188999_9684 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Зима и галактическая станция / Пер. с англ. А. Щетникова (05.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9624 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Злобный Кума ест свой завтрак / Пер. с англ. А. Щетникова (15.12.2022): https://vk.com/wall-83188999_9739 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Клены в осенних горах. Японская поэзия Серебряного века / Сост., пер., ст. и примеч. А. Долин. СПб.: Азбука, Азбука-аттикус, 2022. (Азбука-поэзия.) С. 302–328.

Миядзава К. Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э. Не сдаваться дождю // Большая библиотека японской поэзии. В переводах Александра Долина. В 8 т. М.: Наука – Восточная литература, 2022. Т. 7: Поэзия новых форм конца XIX – XX в. / Пер. с яп., сост., статьи и прим. А. Долина. С. 190–210.

Миядзава К. «Когда приходит ветер…» / Пер. с англ. А. Щетникова (07.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9638 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Наводнение / Пер. с англ. А. Щетникова (13.11.2022): https://vk.com/wall-83188999_9677 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Национальное шоссе / Пер. с англ. А. Щетникова (14.11.2022): https://vk.com/wall-83188999_9685 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Непослушная лошадь / Пер. с англ. А. Щетникова (06.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9632 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Ни дождь, ни ветер… / Пер. с англ. А. Щетникова (08.12.2022): https://vk.com/wall-83188999_9730 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Отдых / Пер. с англ. А. Щетникова (02.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9614 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Охотская элегия / Пер. с англ. А. Щетникова (14.12.2022): https://vk.com/wall-83188999_9738 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Поле с одиноким деревом / Пер. с англ. А. Щетникова (06.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9637 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Созерцатель пейзажей / Пер. с англ. А. Щетникова (01.10.2022): https://vk.com/wall-83188999_9604 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Сигнал и Сигналочка [Сказка] // Самые лучшие японские истории о любви. Уровень 1 / Сост., подг. текста, пер., словарь и упражнения М.С. Прохоровой. М.: АСТ, 2022. (Легко читаем по-японски.) С. 70–103.

Миядзава К. Сусунайская равнина / Пер. с яп. В. Тена // Накаяма Тайсё. Жить вместе с лесом: лесное и сельское хозяйство на Карафуто до 1920-х гг. // Вестник Сахалинского музея. 2022. № 1(38). С. 41–42.

Миядзава К. «Что бы он ни делал…» / Пер. с англ. А. Щетникова (13.11.2022): https://vk.com/wall-83188999_9679 (дата обращения: 11.08.2023).

2023

Миядзава К. Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э / Пер. с яп. А. Долина // Клены в осенних горах. Японская поэзия Серебряного века / Сост., пер., ст. и примеч. А. Долин. СПб.: Азбука, Азбука-аттикус, 2023. (Азбука-поэзия.) С. 302–328.

Миядзава К. Из книги «Весна и Асура». Весна и Асура. Облачный сигнал. Доклад. Ворона. Пляски с мечами в Харатаи. Дым. Лошадь. Бык. Лепестки кармы. Призрачные картины путешествия. Сосновые иглы. Opus № 1004. Opus № 1008. Opus № 1071. Дорога через огороды. Заметки для памяти. Заповеди, запрещающие алчность и похоть. Уборка проса. Хозяин поля. Ветер пришел, наполняя долину. Гравюры Укиё-э // Опадающие цветы вишни. Тринадцать веков японской поэзии / Сост., пер., ст. и примеч. А. Долина. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. (Иностранная литература. Большие книги.) С. 756–775.

Миядзава К. «В свинцовом свете луны…» / Пер. с англ. А. Щетникова (28.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9843 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. «Ведра подняты…» / Пер. с англ. А. Щетникова (24.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9871 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Весна: вариация / Пер. с англ. А. Щетникова (08.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9851 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Ветреные леса / Пер. с англ. А. Щетникова (22.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9865 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. «Ветры зовут сквозь входную дверь…» / Пер. с англ. А. Щетникова (03.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9801 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Во время болезни / Пер. с англ. А. Щетникова (07.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9849 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Вор / Пер. с англ. А. Щетникова (31.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9798 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Впечатления от выставки картин непостоянного мира / Пер. с англ. А. Щетникова (24.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9872 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Вступление («Феномен под названием “Я”…» / Пер. с англ. А. Щетникова (03.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9760 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Вулканическая бухта: ноктюрн / Пер. с англ. А. Щетникова (15.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9780 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. «Вымокший под холодным дождем…» / Пер. с англ. А. Щетникова (08.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9853 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. «Железная дорога и национальное шоссе…» / Пер. с англ. А. Щетникова (19.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9785 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. «Железная дорога и национальное шоссе…» Весна. «Вымокший под холодным дождем…» Лепестки кармы. «Когда приходит ветер…» Дневной сон на тропе. Ветер и обиды. Узкоколейка Иватэ: июльский джаз. Приказы. Высокая опора ЛЭП. Пейзаж. «Я иду вдоль обочины…» «Ведра подняты…» «Ветры зовут сквозь входную дверь…» / Пер. с англ. А. Щетникова // Миядзава Кэндзи (Перевод Андрея Щетникова) (04.08.2023): http://khizha.tilda.ws/anshe (дата обращения: 08.08.2023).

Миядзава К. Заметка про запас / Пер. с англ. А. Щетникова (23.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9869 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Заповедь нестяжания / Пер. с англ. А. Щетникова (14.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9779 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Землевладелец / Пер. с англ. А. Щетникова (10.04.2023): https://vk.com/wall-83188999_9878 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава Кэндзи. Ива-птицеед / Пер. Екатерины Рябовой // Красная птица. Детская литература Японии. 2-е изд., испр. СПб.: Издательство книжного магазина «Желтый двор», 2023. С. 195–201.

Миядзава К. «Когда я шагаю по этим лесам…» / Пер. с англ. А. Щетникова (23.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9841 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Кончай работать / Пер. с англ. А. Щетникова (03.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9803 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Конь / Пер. с англ. А. Щетникова (23.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9868 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Корейский перевал, бой барабанов / Пер. с англ. А. Щетникова (01.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9845 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Лепестки кармы / Пер. с англ. А. Щетникова (10.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9818 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Лошадь / Пер. с англ. А. Щетникова (28.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9844 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Любовь-ненависть к поэзии / Пер. с англ. А. Щетникова (19.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9863 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Мое сердце сейчас / Пер. с англ. А. Щетникова (03.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9802 (дата обращения: 11.08.2023).

Миядзава К. Мое сердце сейчас. Я иду вдоль обочины. Вор. Солнечный свет и сухая трава. Облако-семафор. Отдых. Заповедь нестяжания. Прошедшее желание. Поле с одиноким деревом. Конь. Зима и галактическая станция. Отдых. Размытое морем плато. Весна / Пер. с англ. А. Щетникова // Миядзава Кэндзи. Облако-семафор (22.04.2023): https://vsealism.ru/miyadzava-kendzi-oblako-semafor (дата обращения: 27.07.2023).

*Миядзава К. «Отчаянно пытаясь уснуть…» / Пер. с англ. А. Щетникова (07.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9848 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Пейзаж и музыкальная шкатулка / Пер. с англ. А. Щетникова (16.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9829 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Песня звездного круговорота / Пер. Я. Чабан, С. Куцемиловой, Н. Павловой, М. Громовой (16.10.2023): https://vk.com/@sobakerka-sasori (дата обращения: 16.11.2023).

*Миядзава К. Проклятие весеннего света / Пер. с англ. А. Щетникова (25.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9792 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Прошедшее желание / Пер. с англ. А. Щетникова (22.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9867 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Ревность к рассвету / Пер. с англ. А. Щетникова (02.02.2023): https://vk.com/wall-83188999_9799 (дата обращения: 11.08.2023).

*[Миядзава К.] [Роща и мысли] / Читает Маэда Харуко // Всемирный день поэзии. Музыкально-поэтическая встреча (26.03.2023): https://www.youtube.com/live/Sn4znKjB-Eg (дата обращения: 14.08.2023).

*Миядзава К. Солнечный свет и сухая трава / Пер. с англ. А. Щетникова (22.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9866 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Тень из будущего / Пер. с англ. А. Щетникова (21.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9787 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. «Три часа пополудни…» / Пер. с англ. А. Щетникова (07.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9847 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Труппа танцоров с мечами из деревни Харатай / Пер. с англ. А. Щетникова (20.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9864 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Уборка проса / Пер. с англ. А. Щетникова (24.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9870 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Узкоколейка Иватэ: июльский джаз / Пер. с англ. А. Щетникова (23.01.2023): https://vk.com/wall-83188999_9791 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. Хороший дьявол молит об освобождении / Пер. с англ. А. Щетникова (08.03.2023): https://vk.com/wall-83188999_9852 (дата обращения: 11.08.2023).

*Миядзава К. «Человек, с которым мы расстались внизу…» / Пер. с англ. А. Щетникова (10.04.2023): https://vk.com/wall-83188999_9875 (дата обращения: 11.08.2023).

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
младший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

marija.gromova@list.ru

Научная жизнь

Academic Life

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-151-153

Н.В. Нестер (Полоцк, Беларусь)

II Международная научная конференция «Гугнинские чтения» (3–4 мая 2024 года)

N.V. Nester (Polotsk, Belarus)

II International Scientific Conference “Gugnin Readings” (May 3–4, 2024)

3–4 мая 2024 г. состоялась II Международная научная конференция «Гугнинские чтения»[1]. На протяжении многих лет кафедра мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой проводит международные научные конференции по актуальным проблемам литературоведения, теории и практики языка, другим научным направлениям. Цель данного мероприятия – продолжение традиций, зародившихся в Полоцком университете благодаря основоположнику историко-контекстуального метода Александру Александровичу Гугнину.

А.А. Гугнин (03.05.1941 – 15.06.2021) – советский, российский и белорусский литературовед, критик и переводчик, доктор филологических наук (1998), профессор (1999).

Alma mater А.А. Гугнина – Московский государственный университет, филологический факультет которого он окончил в 1972 г., аспирантуру этого высшего учебного заведения – в 1975 г., успешно защитив кандидатскую диссертацию на тему «Основные этапы развития поэзии Л. Уланда» (1976).

С 1999 по 2021 г. Александр Александрович работал профессором кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. Кроме того, возглавлял кафедру на протяжении семнадцати лет (1999–2015). За многолетнюю научную деятельность А.А. Гугнин опубликовал более шестисот литературно-критических исследований на русском, немецком, серболужицком и других языках, издал два сборника стихотворений[2] и более трехсот переводов с немецкого и серболужицкого языков.

Проблемное поле конференции «Гугнинские чтения» – научное и творческое наследие А.А. Гугнина, литературоведа, поэта, переводчика: личность автора и его

[1] I Международная научная конференция «Гугнинские чтения» состоялась 5–6 мая 2022 г.

[2] Стихотворения и переводы А.А. Гугнина были опубликованы в кн.: *Гугнин А.А.* Стихотворения. Переводы (1957–2021) / Вступ. ст. Н.Б. Лысовой. Витебск: Витебская областная типография, 2022. 480 с.

голос в диалоге с читателем, творческая личность как персонаж художественного произведения, социально-психологический портрет личности в художественной литературе, личностный вклад переводчика в интерпретацию художественного текста, языковая личность в современном поликультурном мире, личность в педагогическом процессе, личностно-ориентированный подход в лингвообразовании, национальная идентичность, национальная идея и национальный характер в литературе и искусстве, сохранение и популяризация национального культурного наследия, повышение его роли в жизни личности, общества, государства.

Развивая подходы, заложенные Александром Александровичем Гугниным, его ученики обмениваются научно-исследовательским опытом в изучении мировой литературы и иностранных языков. В работе II Международной научной конференции «Гугнинские чтения» в смешанном формате приняли участие представители тринадцати университетов Беларуси и России, Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, Национальной академии наук Беларуси, Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, а также независимые исследователи. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова представили профессор кафедры славянской филологии Алла Геннадьевна Шешкен, профессор кафедры славянской филологии Надежда Николаевна Старикова, старший научный сотрудник Татьяна Николаевна Белова.

В рамках конференции прошла презентация нескольких изданий. Так, Евгений Александрович Папакуль[1], кандидат филологических наук, преподаватель исландского языка Информационно-исследовательской организации «Центр международных исследований», представил сборник переводов древнеисландской поэзии «Эда. Забытыя песні»[2] и книгу переводов скандинавских народных баллад «Каханне. Смерць. Пачвары»[3]. Профессор кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой Зоя Ивановна Третьяк представила монографию «Беларуская і амерыканская літаратура пра першую сусветную вайну: вопыт карэлятыўнага даследавання»[4].

Для начинающих исследователей преподавателями кафедры мировой литературы и иностранных языков были организованы практикум по созданию вовлекающих презентаций и переводческий мастер-класс. Для участников конференции была проведена обзорная экскурсия по Полоцкому коллегиуму. С культурным наследием древнего Полоцка можно было познакомиться самостоятельно, совершив пешую прогулку по городу.

Конференция стала ярким доказательством того, как наследие А.А. Гугнина продолжает жить в его учениках, кроме того, вдохновляет начинающих исследователей. Хочется надеяться, что усилия учеников Александра Александровича и сотрудников кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой помогут сохранить,

---

[1] Ученик А.А. Гугнина, защитил кандидатскую диссертацию по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская) по теме «Специфика шотландских и английских баллад о сверхъестественном в контексте региональной литературной» (2017).

[2] Эда. Забытыя песні / Уклад., пер. са старажытнаісл., камент. Яўгена Папакуля. Мінск: Тэхналогія, 2023. 240 с.

[3] Каханне. Смерць. Пачвары: скандынаўскія народныя балады / Уклад., пер. са шведскай, дацкай, нарвежскай, фарэрскай, ісландскай, норн, уступ Яўгена Папакуля. Мінск: Тэхналогія, 2024. 148 с.

[4] *Трацяк З.І.* Беларуская і амерыканская літаратура пра Першую сусветную вайну: вопыт карэлятыўнага даследавання. Наваполацк: Полац. дзярж. ўн-т імя Еўфрасінні Полацкай, 2024. 256 с.

приумножить и передать это богатство знаний и опыта будущим поколениям литературоведов.

Сведения об авторе:

Наталья Васильевна Нестер,
канд. филол. наук
доцент
гуманитарный факультет
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой

Natallia V. Nester,
PhD in Philology
Associate Professor
Faculty of Humanities
Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk

n.nester@psu.by

DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-154-157

А.А. Родионова, В.В. Нагорных, И.В. Зайцева (Москва, Россия)

Обзор Межвузовской молодежной научно-практической конференции «Фольклорная и литературная сказка: традиция и современность» (к 70-летию Анны Александровны Ивановой), 13–14 мая 2024 г.

A.A. Rodionova, V.V. Nagornykh, I.V. Zajceva (Moscow, Russia)

Review of Inter-University Youth Research and Practice Conference "Folk and Literary Fairy-Tale: Tradition and Modernity" (in celebration of Anna A. Ivanova's 70th birthday) held on May 13 and 14, 2024

13–14 мая 2024 г. на кафедре русского устного творчества МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Межвузовская молодежная научно-практическая конференция «Фольклорная и литературная сказка: традиция и современность», приуроченная к 70-летнему юбилею Анны Александровны Ивановой, доцента, старейшего сотрудника кафедры русского устного народного творчества. Выбор темы конференции не случаен – с исследования жанра сказки началась научная карьера Анны Александровны. Окончив русское отделение филологического факультета Московского университета в 1976 г., Анна Александровна Иванова поступает в аспирантуру кафедры русского устного народного творчества, где в 1982 г. блестяще защищает кандидатскую диссертацию «Традиционный чудесный вымысел в русских волшебных сказках» (научный руководитель – В.П. Аникин). С апреля 1979 г. Анна Александровна работает на кафедре русского устного народного творчества. В 1992 г. получает должность старшего преподавателя, в 1994 – доцента.

Конференция «Фольклорная и литературная сказка: традиция и современность» проходила в смешанном формате: 13 мая были проведены дистанционные заседания с применением платформы «ВКонтакте» (была сделана видеозапись, которую можно найти во «ВКонтакте»), 14 мая – очные заседания в стенах кафедры русского устного народного творчества.

Открыл конференцию доклад В.А. Ковпика «Сказка о Борме Ярыжке в контексте древнерусских "хожений"»» (МГУ имени М.В. Ломоносова). В докладе автор рассмотрел представления о феномене власти, имевшем сакральное происхождение, – власть от бога (была рассмотрена общая идея сакральной власти, концепция центрального правителя и ее источники согласно народным представлениям). О.А. Кузнецова (МГУ имени М.В. Ломоносова) в своем докладе «Сказочная формула в репрезентации нарисованного персонажа» акцентировала внимание на идиллических изображениях в наивном искусстве, основанных на повторяющихся персонажах из узнаваемых фольклорных сюжетов, были продемонстри-

рованы преобразования сюжета от картины к картине. В совместном докладе Т.А. Золотовой и Е.А. Плотниковой (Марийский государственный университет) «Сказка в образовательных проектах младших школьников» был презентован большой проект, посвященный сохранению культуры и ее передаче подрастающему поколению посредством ИКТ-технологий. Особое внимание докладчики уделили популяризации фольклорного наследия на основе материала национального фольклора. Следующий доклад, представленный А.С. Лызловой (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН) по теме «Семейный сказочный репертуар пудожан отца и сына Дмитриевых: о жизни жанра сказки во времени», осветил процесс фиксации фольклорного материала от отца и сына – Осипа Ивановича Дмитриева и Михаила Осиповича Дмитриева. Автор доклада поднял проблему живого бытования сказки, что выражается в сходстве формул в вариантах одной и той же сказки, записанных от отца и сына, а также подчеркиваются отличия. В докладе А.П. Липатовой (Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова) «Говорящая икона в сказке, легенде и антилегенде» был рассмотрен феномен чудесного явления иконы и описаны черты антилегенды как жанра. Докладчик отметил, что не сводимость легенды к сказке, а образование антитекстов является свидетельством угасания жанра. Доклад К.О. Полковниковой (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Мифопоэтический мотив “насильственное превращение в змея”: жанровый аспект» был посвящен типичной для фольклора трансформации персонажа – превращения человека в змея (были выделены основные причины такой трансформации: наказание за грех / жестокость или проклятие, а само превращение объяснялось связью с обрядом инициации). В докладе И.В. Зайцевой (МГУ имени М.В. Ломоносова) на тему «Социально-поведенческие оппозиции в русской волшебной сказке» описывались базовые социальные и поведенческие оппозиции персонажей в русской волшебной сказке, которые, с одной стороны, формируют фольклорную картину мира в сфере социальных ролей и поведенческих паттернов, а с другой – отражают картину актуальных представлений о социуме в фольклоре конкретного народа. В.В. Нагорных (МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе «Корпусные методы в исследовании характеристик частотных социальных типажей в сказках А.К. Барышниковой» рассмотрела плюсы и минусы использования конкорданса и корпусных методов по отношению к фольклорному материалу. Материалом для исследования послужили наиболее частотные лексемы (жена, мужик, отец, царь, поп, барин, солдат), докладчиком были описаны их морально-нравственные качества.

Последующий блок докладов был посвящен отражению жанра сказки в литературе и – шире – в авторском художественном творчестве. Так, Хе Ци (Вятский государственный университет) в своем докладе «Литературная сказка Н.Д. Телешова в контексте фольклоризма начала XX века» представил системообразующие элементы фольклорной и литературной сказки. Докладчик отметил, что для творчества Н.Д. Телешова были характерны разные виды заимствований, использование фольклорной образности, а также опора не только на русский материал, но и на мировые сюжеты, поднимающие общечеловеческие проблемы. Следующий доклад на тему «Синтез народного и индивидуального взгляда на мир в сказках С. Баруздина» представила Ян Гуйюнь (Вятский государственный университет). Докладчиком анализировалось творчество С. Баруздина, в динамичной и понятной форме затрагивающее вечные темы человеческого бытия и объединяющее в себе народное и индивидуальное восприятия.

А.В. Сухоставская (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила доклад на тему «Фольклорный дискурс сказки А. Ремизова “Зайка”». В выступлении было отражено авторское осмысление мифологии и фольклора, раскрыта поэтическая структура сказки «Зайка», где каждый из образов является двойником самого Ремизова и его дочери. Доклад А.Ю. Голайдо (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород) на тему «Конструирование сказочного мира в романе Елены Никитиной “А что вы хотели от Бабы-яги”» ставил целью проанализировать наличие фольклорных элементов волшебной сказки в современном фэнтези-романе. Были рассмотрены основные категории сказочного мира и их реализация в романе: пространственно-временн´ые характеристики, особенности повествования, герои и их имена, трансформация сказочных функций и образов. Д.О. Загайнова (МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе «Сказочные рецепции в анимационном фильме «Сказ: Песня Сирин» (режиссер Матвей Лашко)» рассмотрела проблемы, связанные с недостаточным пониманием традиционных фольклорных элементов в популярной культуре, был проведен анализ сюжета на основе функций персонажей волшебной сказки, выделенных В.Я. Проппом. Докладчиком было отмечено, что часть функций отсутствует или изменяется, но общая структура в фильме сохраняется. К.П. Полякова (РГУ имени А.Н. Косыгина) представила доклад на тему «Приемы осовременивания сказочных сюжетов в российской анимации (на примере мультсериала “Приключения Пети и Волка”)». Были проанализированы изменения привычных нам фольклорных образов в современном ключе с помощью приемов переосмысления: усиление образов и наделение их чертами современной культуры, использование традиционных сказочных формул знакомых сюжетов для завязки. Завершил первый день конференции доклад Т.А. Заболотной (РГУ имени А.Н. Косыгина) «Герои сказок в изделиях Дулевского фарфорового завода», в котором была показана эволюция изображений фольклорных сюжетов на фарфоровой посуде и воплощение сказочных героев в фарфоровых скульптурах. Автор показал, что образы, представленные в данной форме, основаны не только на народных сюжетах, но и на произведениях Х.К. Андерсена, А.С. Пушкина и П.П. Бажова, а помимо традиционных, есть комические сюжеты, которые также имеют сказочный первоисточник.

Второй день конференции открылся докладом А.А. Ивановой (МГУ имени М.В. Ломоносова) «“Куда уходят сказки?..”: сказочный дискурс XX–XXI вв.», в котором автор размышлял о судьбах сказочного наследия и рассматривал проблему выхода сказочного дискурса за пределы фольклорной традиции, намечая возможные перспективы исследования вторичных форм существования сказки.

В.Е. Добровольская (Институт славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина) в своем докладе «Интерпретация сказочных образов в современной массовой культуре: оттрадиции к авторскому творчеству» проанализировала, как традиционные сказочные образы Кощея Бессмертного и Бабы Яги, послужившие источником вдохновения для современных писателей и художников, преобразовывались и переосмыслялись в современном сознании. В докладе Е.В. Миненок (Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН) «Сказочные мотивы в трилогии Сьюзен Коллинз “Голодные игры”» на примере авторской трилогии Сьюзен Коллинз был исследован феномен влияния фольклорных архетипов на коммерческий успех художественного произведения. Следующий доклад, представленный И.Н. Райковой (Московский городской педагогический университет) «Новые приключения Царевны-лягушки, или Сказочный образ в интернет-Пространстве» рассматривал преломление традиционного сказочного образа Царевны-лягушки в современной интернет-культуре, в частности в многочисленных мемах о Царевне-лягушке, получивших широкое распространение

и популярность в интернет-пространстве. Л.В. Фадеева (Государственный институт искусствознания) в своем докладе «Сказки о животных и рассказы охотников. К проблеме контекстных связей» проанализировала волшебную сказку «Медведь на липовой ноге» и соотнесла ее с бытовым контекстом. В докладе было подчеркнуто, что смысловое наполнение фольклорного текста немыслимо без контекстных связей (сюжет детской сказки как бы «прорастает» из бытового контекста). Е.А. Самоделова (Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН) представила доклад на тему «О литературной и фольклорной сказке в творчестве Сергея Есенина», в котором подробно рассмотрела фольклорные традиции и сказочный синтаксис в произведениях Есенина на примере рассказа «Бобыль и Дружок» и отметила влияние на творчество автора былинного стиха и сказочного стиля. Визуальной интерпретации сказки был посвящен доклад С.П. Сорокиной (Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН) «Как выглядит сказка? (Поиски стиля иллюстрирования народной сказки во второй половине XIX – начале XX в.)». Докладчик показал, как художники конца XIX – начала XX в. пытались решить проблему соотношения народных представлений о пространстве и месте, где разворачивается действие сказки, об облике героев и собственного видения сказочного пространства, индивидуального стиля.

Завершающей нотой конференции стал доклад К.А. Федосовой (Фонд поддержки традиционной русской культуры «Электронная энциклопедия истории и культуры русских сел и деревень») «Что такое «русская народная сказка» с точки зрения современного массового потребителя (читателя / зрителя / слушателя)?», в котором автор, опираясь на богатый исследовательский опыт, проанализировал ожидания и запрос современного «потребителя» сказок (на основе представления традиционной сказки для разных социальных страт).

Представленные доклады вызвали живой интерес и вылились в плодотворные дискуссии. Очевидно, что тема исследования сказки и ее современного бытования, ее преобразования в современной действительности и взаимодействия с современной массовой культурой имеет большие научные перспективы, что и было подтверждено докладами на конференции.

Сведения об авторах:

Александра Александровна Родионова,
специалист по учебно-методической работе
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra A. Rodionova,
Teaching Methods Specialist
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
shu-radio@yandex.ru

Вера Владимировна Нагорных,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vera V. Nagornykh,
PhD Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Ирина Витальевна Зайцева,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Irina V. Zajceva,
PhD Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2023-65-3-1-158

STEPHANOS

2024
№ 3 (65)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2024
Май – May